

ARCHEOLOGIA O POCZĄTKACH SŁOWIAN

UNIwersytet Jagielloński
Instytut Archeologii
Kraków 2005

ARCHEOLOGIA
O POCZĄTKACH SŁOWIAN

INSTITUT FÜR ARCHÄOLOGIE
JAGIELLONEN-UNIVERSITÄT

ARCHÄOLOGIE ÜBER DIE ANFÄNGE DER SLAWEN

KONFERENZMATERIAL, KRAKÓW, 19.-21. NOVEMBER 2001

herausgegeben von

PIOTR KACZANOWSKI
und
MICHAŁ PARCZEWSKI

KRAKÓW 2005

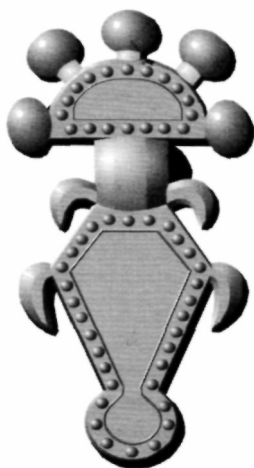
INSTYTUT ARCHEOLOGII
UNIwersYTETU JAGIELLOŃSKIEGO

ARCHEOLOGIA O POCZĄTKACH SŁOWIAN

MATERIAŁY Z KONFERENCJI, KRAKÓW, 19-21 LISTOPADA 2001

pod redakcją

PIOTRA KACZANOWSKIEGO
i
MICHAŁA PARCZEWSKIEGO

KRAKÓW 2005

Copyright by Institute of Archaeology Jagiellonian University and Individual Authors

Korekta
Barbara Grabka
Margerita Krasnowolska
Aneta Tkaczyk

Tłumaczenie streszczeń na język niemiecki oraz tekstu A. Leubego na język polski
Zbigniew Pisz

Projekt i opracowanie komputerowe okładki
Jacek Poleski

Opracowanie komputerowe rycin
Elżbieta Pohorska-Kleja, Urszula Socha oraz autorzy

Łamanie tekstu
Jan Szczurek

Rycina na okładce przedstawia komputerową rekonstrukcję brązowej fibuli z chaty 36 z Bornašivki (Ukraina) na podstawie odkrytej tam formy odlewniczej. Na grzbiecie okładki zamieszczono komputerową rekonstrukcję brązowej zawieszki trapezowatej ze skarbu wczesnosłowiańskiego znalezionej w obiekcie 45 na stanowisku 62 w Krakowie Nowej Hucie Mogile

Autorzy artykułów ponoszą odpowiedzialność prawną i finansową za zamieszczone w tomie ilustracje

Publikację sfinansowano ze środków Instytutu Archeologii Uniwersytetu Jagiellońskiego

ISBN 83-7188-892-9

KSIĘGARNIA AKADEMICKA
31-008 Kraków, ul. Św. Anny 6
e-mail: akademicka@akademicka.pl
www.akademicka.pl

SPIS TREŚCI

INHALTSVERZEICHNIS

Od redaktorów (Von den Herausgebern)	9
--	---

I. PIERWOTNE SIEDZIBY SŁOWIAN JAKO PROBLEM BADAWCZY

Piotr Kaczanowski

Uwagi do stanu badań nad zagadnieniem praojczyzny Słowian	13
Zum Forschungsstand im Bereich der mit der Urheimat der Slawen zusammenhängenden Problematik	15

Jerzy Strzelczyk

Etnogeneza Słowian w świetle źródeł pisanych (Die Ethnogenese der Slawen im Lichte der Schriftquellen)....	19
--	----

Hanna Popowska-Taborska

W dziesięć lat po opublikowaniu <i>Wczesnych dziejów Słowian</i>	31
Ein Rückblick auf die vor 10 Jahren veröffentlichte <i>Frühgeschichte der Slawen</i> (Zusammenfassung)	36

Stanisław Tabaczyński

Procesy etnogenetyczne jako problem badawczy archeologii.....	37
Ethnogenetic processes as object of archaeological studies (Summary)	47

Henryk Mamzer

Kultura archeologiczna jako wspólnota interpretacyjna.....	51
Archäologische Kultur als eine Interpretationsgemeinschaft (Zusammenfassung)	64

Michał Parczewski

Podstawy lokalizacji pierwotnych siedzib Słowian	65
Die Grundlagen zur Lokalisierung der ursprünglichen Slawen-Sitze (Zusammenfassung)	75

DYSKUSJA	79
----------------	----

II. EUROPA ŚRODKOWA ORAZ WSCHODNIA W STAROŻYTNOŚCI - ROZWÓJ I ZANIK STRUKTUR KULTUROWYCH

Teresa Dąbrowska, Zenon Woźniak

Problem genezy kultur przeworskiej i oksywskiej.....	87
Zur Genese der Przeworsk- und der Oksywie-Kultur (Zusammenfassung)	100

Jerzy Kolendo

Mapa etniczna środkowoeuropejskiego <i>Barbaricum</i> . Swebia i Lugiowie w <i>Germanii</i> Tacyta (Die ethnische Karte des mitteleuropäischen Barbaricums. Suebien und die Lugier in der <i>Germania</i> des Tacitus).....	103
---	-----

Wojciech Nowakowski

<i>Hic Svebiae finis</i> - sytuacja etniczna na wschód od Tacytowej Swebii (<i>Hic Svebiae finis</i> - die ethnische Situation östlich von Suebien des Tacitus)	119
--	-----

Piotr Kaczanowski, Renata Madyda-Legutko

Strefy kulturowe w Europie Środkowej w okresie rzymskim.....	125
Die Kulturzonen im mitteleuropäischen Raum in der römischen Kaiserzeit (Zusammenfassung)	134

Андрей М. Обломский

Новая концепция киевской культуры верхнего Поднепровья.....	137
---	-----

A. M. Oblomskij	
Eine neue Betrachtung der Problematik der Kiever-Kultur im oberen Dneprgebiet (Zusammenfassung).....	155
Magdalena Mączyńska	
Zanik kultury przeworskiej	157
Das Ausklingen der Przeworsk-Kultur (Zusammenfassung).....	163
Andrzej Kokowski	
Zanik południowych kultur kręgu gockiego (Das Ausklingen der südlichen Kulmren des gotischen Kulturkreises).....	165
Henryk Machajewski	
Południowo-zachodnia strefa basenu Morza Bałtyckiego u schyłku starożytności	181
Der südwestliche Ostseeraum am Ausgang der Antike (Zusammenfassung).....	201
Aleksander Bursche	
Rola źródeł numizmatycznych w studiach na sytuacją osadniczą i kulturową na ziemiach polskich u schyłku starożytności.....	203
Significance of numismatic sources in studies on settlement and culture situation at the territory of Poland in the decline of antiquity (Summary)	214
Piotr Kaczanowski	
Przemiany osadnicze na ziemiach polskich u schyłku starożytności.....	215
Die Siedlungsumwandlungen im polnischen Gebiet am Ausgang der Antike.....	220
DYSKUSJA	229

III. PRZEŁOM KULTUROWY MIĘDZY SCHYŁKIEM STAROŻYTNOŚCI A POCZĄTKAMI ŚREDNIOWIECZA

Lech Leciejewicz	
Starożytna spuścizna kulturowa na ziemiach polskich w początkach średniowiecza.....	243
Der frühgeschichtliche Kulturnachlass im polnischen Gebiet zu Beginn des Mittelalters (Zusammenfassung).....	252
Grzegorz Domański	
Ceramika z okresu wędrówek ludów na Śląsku	253
Die völkerwanderungszeitliche Keramik in Schlesien (Zusammenfassung).....	266
Judyta Rodzińska-Nowak	
Ceramika jako źródło do studiów nad przemianami kulturowymi i osadniczymi u schyłku starożytności i w początkach wczesnego średniowiecza.....	267
Keramik als Quelle für die Studien an den Kultur- und Besiedlungsumwandlungen am Ausgang der Antike und zu Beginn des Frühmittelalters (Zusammenfassung)	279
Kazimierz Tobolski	
Przemiany osadnicze na terenie Nizy Polskiego podczas okresu wędrówek ludów w świetle analizy palinologicznej	281
Besiedlungsumwandlungen im Lichte der pollenanalytischen Untersuchungen in der Polnischen Niederung in der Völkerwanderungszeit (Zusammenfassung).....	291
Zbigniew Kobyliński	
Zagadnienie struktur osadniczych na ziemiach polskich w końcu starożytności i na początku średniowiecza (Zur Frage der Siedlungsstrukturen im polnischen Gebiet am Ausgang der Frühgeschichte und zu Beginn des Mittelalters)	293
Renata Madyda-Legutko, Jacek Poleski, Marek Krąpiec	
Studia nad geografią osadnictwa w górnym dorzeczu Wisły u schyłku starożytności i na początku średniowiecza.....	307
Die Studien zur Geographie der Besiedlung im oberen Weichselgebiet am Ausgang der Frühgeschichte und zu Beginn des Mittelalters (Zusammenfassung)	328
Achim Leube	
Ziemie na wschód od Łaby w V-VI w. Stan badań	353
Das 5. und 6. Jahrhundert östlich der Elbe. Ein Forschungsbericht	365
DYSKUSJA	375

IV. POZĄTKI WCZESNEGO ŚREDNIOWIECZA W EUROPIE ŚRODKOWEJ I WSCHODNIEJ

Ростислав В. Терпиловский	
Наследие киевской культуры в V-VI вв.	387
Rostislav V. Terpilovskij	
Das Erbe der Kiever Kultur im 5.-6. Jh. (Zusammenfassung).....	402
Игорь О. Гавритухин	
Комплексы пражской культуры с датирующими вещами.....	403
Igor' O. Gavrituchin	
Die Fundkomplexe der Prager Kultur mit sicher datierenden Fundstücken (Zusammenfassung)	459
Николай В. Лопатин	
Группы древностей V-VIII вв. н.э. в Верхнем Поднепровье и на Северо-Западе России (по керамическим материалам) (Die Fundkomplexe des 5.-8. Jh.u.Z. im oberen Dneprgebiet und im nordwestlichen Russland [auf der Grundlage des Keramikmaterials]).....	463
Александр А. Егорейченко	
Историческая ситуация в Белорусском Полесье и прилегающих регионах в первой половине I тыс. н.э (Die Kultursituation im weißrussischen Teil von Polessie und in den Anrainergebieten in der ersten Hälfte des 1. Jahrtausends u.Z.).....	479
Валентина С. Вергей	
Пражская культура в Беларуси.....	487
Valentina S. Vergej	
The Prague Culture in Belarus (Summary)	501
Michał Parczewski	
Stan dyskusji polskich archeologów nad etnogenezą Słowian.....	503
Zum Stand einer Diskussion der polnischen Archäologen über die Ethnogenese der Slawen (Zusammenfassung).....	510
Marek Dulinicz	
Najstarsza faza osadnictwa słowiańskiego w północnej części Europy Środkowej	513
Die älteste Phase der slawischen Besiedlung im nördlichen Mitteleuropa (Zusammenfassung).....	525
Sebastian Brather	
Die Anfänge slawischer Besiedlung westlich von Oder und Neisse	527
Początki osadnictwa słowiańskiego na zachód od Odry i Nysy (abstrakt).....	540
Gabriel Fusek, Jozef Zábojník	
Ausklang der Spätantike und Anfang des Frühmittelalters in der nördlichen Peripherie Karpatenbeckens	541
Schyłek starożytności i początek wczesnego średniowiecza w północnej części Kotliny Karpackiej (streszczenie).....	562
Ioan Standu	
Die frühen Slawen in der rumänischen archäologischen Forschung. Kurze kritische Untersuchung	567
DYSKUSJA	583

V. SESJA POSTEROWA

Ewa Kubica-Kabacińska	
Materiały wczesnosłowiańskie z Krakowa Nowej Huty.....	597
Frühslawisches Fundmaterial aus Kraków Nowa Huta (Zusammenfassung)	603
Paulina Poleska, Janusz Bober, Marek Krąpiec	
Wczesnosłowiańska półziemianka z osady w Wyciążu, stanowisko 5b, w Krakowie Noivej Hucie (Ein frühmittelalterliches Grubenhaus von der Siedlung in Wyciąże, Fst. 5b, Kraków Nowa Huta).....	605
Nad'a Profantova	
Obytný areál v Roztokách u Prahy ze 6. a 7. stol	611
An early medieval settlement agglomeration in Roztoky (Prague-West) in 6 th -7 th centuries (Summary)	618
Bartłomiej Sz. Szmoniewski	
Odlewnictwo metali kolorowych w kulturze wczesnosłowiańskiej.....	619
Zur Buntmetall-Metallurgie in der frühslawischen Kultur (Zusammenfassung)	625

Agnieszka Urbaniak

Materiały typu praskiego ze stanowiska 3 w Złotej, po w. Sandomierz (Funde vom Prager Typ aus der Fundstelle 3 in Złota, Kr. Sandomierz).....	627
---	-----

Marcin Wołoszyn

Wczesnobizantyjskie monety z VI-VII w. w Europie Środkowej.....	637
Frühbyzantinische Münzen des 6.-7. Jh. in Mitteleuropa (Zusammenfassung).....	679

VI. PODSUMOWANIE OBRAD**Wojciech Szymański**

Archeologia o początkach Słowian. Podsumowanie obrad (Archäologie über die Anfänge der Slawen. Zusammenfassung der Beratungen).....	683
---	-----

Игорь Олегович Гавритухин

КОМПЛЕКСЫ ПРАЖСКОЙ КУЛЬТУРЫ С ДАТИРУЮЩИМИ ВЕЩАМИ

Вводные замечания

Понимание многих важнейших вопросов изучения пражской культуры¹, а следовательно, и ранней истории славян, зависит от датировки находок, относящихся к этой группе древностей. Обще-признанно, что построение надежной системы хронологии включает ряд операций. Первая - построение шкал относительной хронологии для компактных регионов или опорных памятников (чтобы избежать учета локальных особенностей в качестве хронологических). Вторая - синхронизация полученных шкал - колонок. Третья - введение в полученную „сетку” оснований для „абсолют-

ной” („календарной”) датировки. Цель данной работы - концентрация ряда доступных материалов для обеспечения третьей из перечисленных операций.

Помимо самостоятельного значения, привлечение данных об абсолютной датировке комплексов важно и для решения других задач. Во-первых, эти данные, наряду со сведениями по стратиграфии памятников, позволяют проверить правильность шкал относительной хронологии. Во-вторых, комплексы, имеющие абсолютную датировку, важны для синхронизации локальных шкал. Ведь вариации керамических сосудов, на основе которых эти шкалы строятся для пражской культуры, вовсе не обязательно имеют одинаковый период бытования на разных территориях.

Решение вопросов по абсолютной датировке древностей пражской культуры имеет несколько направлений. Одно из них - определение *terminus post quem* на основе учета финальных дат бытования древностей, предшествующих пражским, на данной территории. Основы этого направления заложены в работах К. Годловского (важнейшие из них собраны в книге K. Godłowski 2000). Ряд наблюдений и новые материалы приведены в исследованиях других авторов (обзоры - см. И. О. Гавритухин 1997б; 1999б; 2000а; 2000б). Здесь следует учесть, что появление пражской культуры совсем не обязательно всегда тождественно времени финала культуры ее предшественников на данной территории, хотя, как правило, hiatus не был велик или отсутствовал вовсе. Кроме того, среди комплексов пражской культуры, известных в конкретном регионе к настоящему времени, могут и не присутствовать образцы самых ранних. То есть, финал предшествующей культуры не обязательно автоматически определяет нижнюю границу известных в данном районе пражских памятников. Наконец, до специального изучения керамики финала римского времени, мы можем выделять сравнительно не много самых поздних „узко” дати-

¹ Пражская культура понимается как взаимосвязанные локальные и хронологические группы памятников, „классический” вариант которых описан И. П. Русановой (1976 - см. некоторые уточнения по тексту данной работы ниже и по И. О. Гавритухин 2000а). Памятники типа Суков-Дзедзице рассматриваются в качестве локальных дериватов этой культуры, что достаточно убедительно показано в работах И. П. Русановой, М. Парчевского и других исследователей (И. О. Гавритухин 2000а, с. 82, 84, там литература). Группы Ипотешть-Кындейшть-Чурел отражают процесс трансформации пражской культуры под влиянием культуры византийцев (пленные и др. формы отношений с Империей), а так же взаимодействие с носителями других культур. Смешанные памятники, содержащие в разных пропорциях как пражский, так и инокультурный (прежде всего - „пеньковский”) компонент, представлены в Центральной Молдавии, на Южном Буге. В ряде случаев можно выделить и памятники с компонентами пражской культуры, испытавшей влияние кочевников (Додешть на юге Молдовы и др.). Весь этот круг памятников находится в поле рассмотрения данной работы. Компоненты пражской культуры в контексте других культур: „лангобардском” или „аварском” в Карпатской котловине, групп Медиаш и Гымбаш в Семиградье - в данной работе не рассматриваются. Не рассматриваются здесь и компоненты или отдельные памятники пражской культуры на Балканах и в Восточных Альпах. Это требует специальной работы.

руемых „допражских“ комплексов. Соответственно, зоны их распространения достаточно условны, в принципе, допускают случаи чересполосицы и т.д.

Другое направление датировки связано с использованием естественнонаучных методов, правда, каждый из них имеет свои ограничения. Радиоуглеродное датирование (по периоду полураспада C^{14}) тем более надежно, чем больше проб изучено (о надежности именно „статистической“ даты; см. например Н. А. Кренке, Л. Д. Сулержицкий 1988). С пражских же памятников пробы единичны, а потому не надежны или оставляют сомнения. Ряд проблем использования этого метода связан так же с вопросами калибровки дат и точностью результатов работы конкретных лабораторий. При использовании результатов археомагнитного метода, активно используемого коллегами с Украины, следует помнить, что он базируется на хронологии эталонов, которые, в свою очередь, датированы археологами (О. М. Русаков, Г. Ф. Загний 1978). Дендрохронологические даты получены, в основном, для северо-восточной части славянского мира. Кроме того, большинство из них приходится на время, когда наряду с дериватами керамики пражского типа (типа Суков и т.п.) получают распространение другие типы раннеславянской керамики. Единичные комплексы с лепной неорнаментированной славянской керамикой, датированные дендрохронологически, зачастую очень невыразительны (наиболее полный свод - см. М. Dulicz 2001). Так что данные, собранные в очень полезной фундаментальной работе М. Дулинички пригодны, в основном, для изучения финала пражской культуры на северо-западе славянского мира, а вопрос о появлении здесь пражской культуры и ее дериватов требует дополнительных исследований.

Для абсолютной датировки древностей пражской культуры, конечно, важны случаи, когда пражская керамика встречена в контексте памятников других культур. Известны находки „славянской“ керамики в слоях византийских поселений (например: С. Ангелова 1980; Ч. Бонев 1986, *Iatrus-Krivina* 1986, с. 136). К сожалению, уровень ряда публикаций таких случаев далек от современных требований. Надо отметить, что этих комплексов сравнительно не много, и представлены они, зачастую, немногочисленными обломками посуды, что объяснимо быстрой утратой славянскими поселенцами архаичных традиций под воздействием более высокой культуры (например в крепости Хайдучка-Воденица, расположенной в районе Железных ворот на территории Сербии, с этими неопубликованными материалами мне удалось познакомиться благодаря любезности Дж. Янковича).

Отдельные сосуды, сопоставимые с пражскими, известны в Среднем Подунавье с 5 в. (например J. Poulik 1995, с. 89-95). Есть такая керамика и на лангобардских памятниках, но эти примеры требуют дополнительной верификации, хотя полный скепти-

цизм некоторых коллег в данном вопросе представляется мне чрезмерным (I. Bona 1968; И. О. Гавритухин 19976, с. 45). Сосуды пражского типа представлены и на ряде могильников „аварского“ круга (Т. Vida 1999; И. О. Гавритухин 2000а, с. 84, 85). Кроме выделенной Т. Виде группы ШЕ, несомненно относящейся к пражскому типу, к поздним вариантам этой посуды, наверное, относится и ряд форм, отнесенных им к группе IID (например G. Fušek 1994, с. 100). Правда, в некоторых работах случается, что в качестве „пражских“ фигурируют произвольно подобранные единичные образцы. Очевидно, достоверное выделение традиций пражской культуры на памятниках „аварского“ круга требует специальной работы. К сожалению, нередко, в публикациях памятников, на которых несомненно присутствуют выразительные серии пражской посуды, она дается схематичными рисунками или фотографиями. А для оценки же вариаций, на основе которых определяется хронология сосудов, требуются точные чертежи, фиксирующие важнейшие особенности моделировки.

Подведем итог. Метод „*terminus post quem*“ ограничен тем, что дает лишь репер, ранее которого маловероятна дата для комплексов пражской культуры, встреченных в данном регионе. Для надежной радиоуглеродной датировки мы имеем явно не достаточно материала. Археомагнитный метод сам зависит от разработки хронологии в рамках археологии. Данные дендрохронологии ограничены памятниками финала интересующей нас культуры, причем лишь на северо-западе ее ареала. Пражская керамика в контексте иных культур не многочисленна или же ее оценка требует публикаций на новом уровне. Особого рассмотрения требует вопрос и синхронизации этих материалов с хронологическими колонками других территорий. Таким образом, в настоящее время для определения абсолютной датировки комплексов (или фаз локальных шкал) пражской культуры важнейшее значение имеют случаи нахождения в них монет, украшений или других предметов, датируемых по аналогиям.

В приведенном ниже каталоге учтено 38 более или менее достоверных комплексов с датирующими находками из 30 памятников. Этот список может быть дополнен за счет памятников, документация которых пока не позволяет выделять достоверных комплексов или материалы которых не доступны (см. приложение к каталогу). В ряде случаев для оценки комплексов керамики важны и датирующие находки из культурного слоя памятников. Однако, для этого требуется включение их материалов в локальную колонку или хотя бы общую хронологическую систему пражской культуры. В данной статье для обоснования и публикации результатов такой работы нет возможности. Хотя, конечно, эти наблюдения, как и другие данные, учитывались при оценке материалов, рассматриваемых в данной работе.

Основания датировки вещей

Наиболее ранние датирующие вещи, встреченные с керамикой пражского типа, относятся к финалу римского периода. А. А. Егорейченко (1991, с. 70-71) выделен ряд вещей этого времени, найденных на поселении Остров. Некоторые из них, например бусы (рис. 1:5-12,15) имеют довольно широкую дату. Однако, поселение пражской культуры, судя по всему, существовало здесь не долго. Можно согласиться с А. А. Егорейченко, что для его датировки более всего важна фибула (рис. 1:4). Подобные, двучленные прогнутые подвязные фибулы выделены А. К. Амброзом в вариант 3 серии I группы 16-2 и датированы в рамках 4 - начала 5 вв. (А. К. Амброз 1966, с. 64-66). Новые исследования не изменили эту дату принципиально, и лишь позволяют исключить из указанных рамок начало 4 в. (И. О. Гавритухин 19976, с. 42, там литература).

Железная пряжка из Острова (рис. 1:13) отличается от серий, обычных у восточноевропейских варваров в позднеримское время, уплощенной рамкой и наличием „гребня“ вдоль внешнего края рамки. Такие признаки характерны для так называемых „пряжек с полями“ (*Krempenschnale*). Из массива таких пряжек, учтенного К. Раддацем и Р. Мадыдой-Легутко, большинство имеет другую конструкцию или форму (типы 1, 4-8 группы F по R. Madyda-Legutko 1986). Известные мне образцы типа 2 и 3 группы F отличаются от экземпляра из Острова очертаниями рамки (они более вытянуты по горизонтали), как правило, более узким возвышением над нередко заостренными „полями“ рамки, узкой тыльной частью рамки. Пряжки группы F, по наблюдениям Р. Мадыды-Легутко, появляются в период B1, особенно характерны для периода B2 и выходят из употребления в период B2/C1. Однако, древностей раннеримского времени на поселении Остров не выделено. В то же время, „гребень“ вдоль внешнего края рамки встречаются у многих бронзовых пряжек, входивших в состав провинциально-римских поясов, основной период распространения которых приходится на период около 350-450 гг. (см. например множество образцов по H. W. Böhme 1974). Большинство этих пряжек имеют форму, близкую к овалу, но не редки и экземпляры, приближающиеся очертаниям к D-образным, напоминающие находку из Острова. То, что на пряжке из Острова отсутствуют изображения звериных морд, обычные на упомянутых провинциально-римских пряжках, можно объяснить тем, что в данном случае перед нами их грубая имитация из железа.

В состав поясных гарнитур римского времени, как у варваров, так и на территории Империи, нередко входят и накладки, крепящие подвесное колечко. Большинство из них, известных по упомянутым провинциально-римским поясам, имеют круглую, треугольную или более сложную форму. Но встре-

чаются и прямоугольные накладки с узкой петлей для кольца, украшенные треугольными врезками и короткими фасетками (например H. W. Böhme 1974. Taf. 11:1; 62:5; 64:14; 101:16-18; 110:16). Возможно, их могла имитировать довольно простенькая накладка из Острова (рис. 1:14), скорее всего, как и железная пряжка, „местной“ работы. Впрочем, схожие накладки встречаются и в раннеримское время, в том числе и в сочетании с пряжками группы F. Таким образом, оценка деталей ременной гарнитуры из Острова, строго говоря, не однозначна, но, в принципе, не исключает их принадлежность горизонту пражской культуры и датировку в рамках 350-450 гг.

В Бернашовке была найдена фибула (рис. 2:13), по всем основным характеристикам, показательным для датировки, соответствующая образцу из Острова (см. выше).

Возможно, фибула из Бакоты (рис. 2:7) принадлежит кругу железных имитаций или дериватов рассмотренных выше или близких им фибул. При этом следует учитывать, что аналогичные изделия на Балканах существовали и в рамках V-VI вв. (А. Хараламбиева 1994, с. 38; см. например каталог №№ 30,32). Учитывая, с одной стороны, „архаичность“ профилировки на фоне большинства образцов V-VI вв., а с другой, сравнительную массивность изделия, для образца из Бакоты наиболее реальной представляется дата в рамках 2-й половины IV-V вв.

Фибула из Березца (рис. 2:6), хоть и принадлежит той же подгруппе, что рассмотренные выше образцы, отличается от типичных для нее серий сечением дужки и очертаниями ножки. Близких аналогий этой вещи мне не известно. Уникальное для подобных фибул сечение дужки заставляет предполагать в данном случае единичное изделие. Для его датировки представляется показательной форма ножки, которая имеет расширение, расположенное ближе к дужке. У подвязных фибул ножка обычно имеет ровные бока или расширение у края, противоположного дужке. Однако, расширение ножек у середины или ближе к дужке хорошо известны на примере ряда серий фибул со сплошным приемником (например двупластинчатые фибулы, „арбалетные“ типа Киев или Руутсбо по M. Schulze-Dörlamm 1986, типы 209-213 по M. Schulze 1977). Причем, расширение ножки, расположенное, как на фибуле из Березца, появляется лишь в период D2/D3 (ср. примеры по упомянутым работам М. Шульце-Доррламма, а так же А. К. Амброз 1966, с. 86-91), то есть около середины V в. С другой стороны, по общему облику рассматриваемая находка явно тяготеет к вещам римского времени или начала эпохи великого переселения народов. Сказанное, до появления новых материалов и наблюдений, позволяет датировать фибулу из Березца около середины V в.

Обоснование датировки фибулы из Теремцев (рис. 2:12) недавно предложил Е. Л. Гороховский в связи с рассмотрением близких находок из Поднепровья.

Им был указан ряд соответствий деталям этой застежки на образцах „классических“ трехпальчатых фибул 2-й половины V в., что и определило искомую дату (Е. Л. Гороховский 1999). В то же время, следует иметь в виду, что „пальцы“ по бокам головной пластины появляются в качестве имитаций реальных кнопок, завершавших ось пружины двупластинчатых фибул. Образцы таких имитаций известны в уже гуннское время (во всяком случае - не позднее эпохи Атиллы). Они появляются, например, на небольших дешевых двупластинчатых фибулах, имевших упрощенную короткую пружину (И. О. Гавритухин 2000б, с. 282-290). Облик фибулы из Теремцев очевидно перекликается с двупластинчатыми застежками варианта IAA, не известным позднее гуннского времени (А. К. Амброз 1966, с. 81-82). Что касается аргументов, приведенных Е. Л. Гороховским, то скосы на пластине, кнопки с желобками и врезные линии на дужке появляются отнюдь не во 2-й половине V в., хотя и показательны для ряда типов этого времени. Таким образом, для фибулы из Теремцев наиболее реальной является дата около середины V в.

Железная фибула с тордированной дужкой из жилища 21 в Кодыне (рис. 3:5) отнесена М. Шулце-Доррлам к типу Прага, датированному около середины V в. или (по сводным таблицам) ок. 440-480 гг. (М. Schulze-Dörrlam 1986, с. 600-605, 670, 672). Параллельно о таких фибулах (названных тип Пильвины) была написана моя работа, где было учтено меньше центральноевропейских комплексов, но более полно представлены восточноевропейские находки, и предложена схожая дата: середина - вторая половина V в. (И. О. Гавритухин 1989). Кроме особенностей выборки, расхождение в этих работах связано с оценкой происхождения и механизма распространения типа. Для целей данного исследования они не так уж важны. Материалы, ставшие доступными мне после написания той статьи, кроме не принципиальных в данном случае дополнений, не дают оснований для изменения изложенных тогда основных позиций.

Еще одна железная фибула из Кодына (рис. 4:5) отнесена мной к типу Вильканцы, известному на тех же памятниках, что и тип Пильвины (И. О. Гавритухин 1989). Повторение сочетания фибул, характерного для Восточной Литвы и Сувалкии, у славян Восточного Прикарпатья явно не случайно. Вероятно, кодынские фибулы являются отражением одного и того же исторического явления. Очевидно, близка и их датировка.

Оценка датирующего значения сочетания железных миски и кресала из сооружения 3 в Кодыне (рис. 5:5, 6) предложена И. П. Русановой и Б. А. Тимошук. Форма миски связывается ими с традициями финала римского времени, продолжавшимися на протяжении, по крайней мере, V в., а кресало датировано в рамках V-VI вв. или уже - около конца V -

первой половины VI вв. (И. П. Русанова, Б. А. Тимошук 1984б, с. 22). Очевидно, сочетание этих датировок указывает на возможность определять хронологию комплекса в рамках 2-й половины V - 1-й половины VI вв.

Фибула из Луки Каветчинской (рис. 6:9) рассмотрена мной в специальной работе. Ее результат позволил связывать эту вещь со средой балканских провинций Византии, рассматривать в контексте первых контактов славян из Поднестровья с Империей и датировать в рамках последних десятилетий V - первых десятилетий (1-й половины?) VI вв. (И. О. Гавритухин 2003).

Железная фибула из жилища 14 в Ботошане (рис. 6:10), к сожалению, сохранилась фрагментарно. Д. Г. Теодор первоначально объединил ее с прогнутыми подвижными фибулами из жилищ 1 и 9, а датировал в рамках V - 1-й половины VI вв., ограничив аргументацию несколькими примерами, хронология которых далеко не очевидна (D. G. Teodor 1984a, с. 55). Позднее он отнес эти застежки к разным вариантам, причем, интересующую нас фибулу посчитал имеющей сплошной приемник, что практически не повлияло на результат, как не стали более точными и надежными аналоги и основания для датировки (D. G. Teodor 1988, с. 207-208). В. Д. Баран (1988, с. 67) оценивал ботошанские находки из жилищ 1, 9, 14 суммарно и без доказательств датировал их: *не позднее 5 в.* В данном вопросе следует отметить, что, во-первых, фибула из жилища 14 явно принадлежит не той же серии, что образцы из жил 1 и 9 (да и керамика из этих построек существенно различается: комплексы из жилищ 1 и 9 находят ближайшие аналогии в Черняховской культуре). Во-вторых, большинство аналогий фрагменту фибулы из жилища 14 происходит с Балкан, причем, нет никаких оснований для сужения даты находок со схожими характеристиками в рамках V-VI вв. (см. многочисленные примеры по литературе, приведенной в И. О. Гавритухин 2003).

У пряжки из Хорска (рис. 7:1) обращает внимание наличие стоек, ограничивающих ложе для язычка. Такая деталь характерна для многих типов пряжек VI-VII вв., но есть и образцы, относящиеся к гуннскому времени (Н. М. Кравченко 1971, рис. 1:6; Н. W. Böhme 1974, Taf. 112:4). Уплощенные овальные рамки обычны для многих пряжек позднеримской традиции (о пряжке из Острова - см. выше), встречаются они и у византийских пряжек конца V-VI вв. (например А. И. Айбабин 1990, рис. 37:12; И. О. Гавритухин 2002б). Очевидно, у нас нет оснований для сужения даты пряжки из Хорска в рамках V-VI вв.

Пряжка из Бэлень-Ромэнь (рис. 8:6) ближе всего образцам типа Сучидава, правда, она не имеет прорезей на обойме, слегка отличается пропорциями и, возможно, размерами. Д. Г. Теодор на основе находки из Пятра-Фрекацей выделяет особую „не прорезную“ разновидность пряжек типа Сучидава,

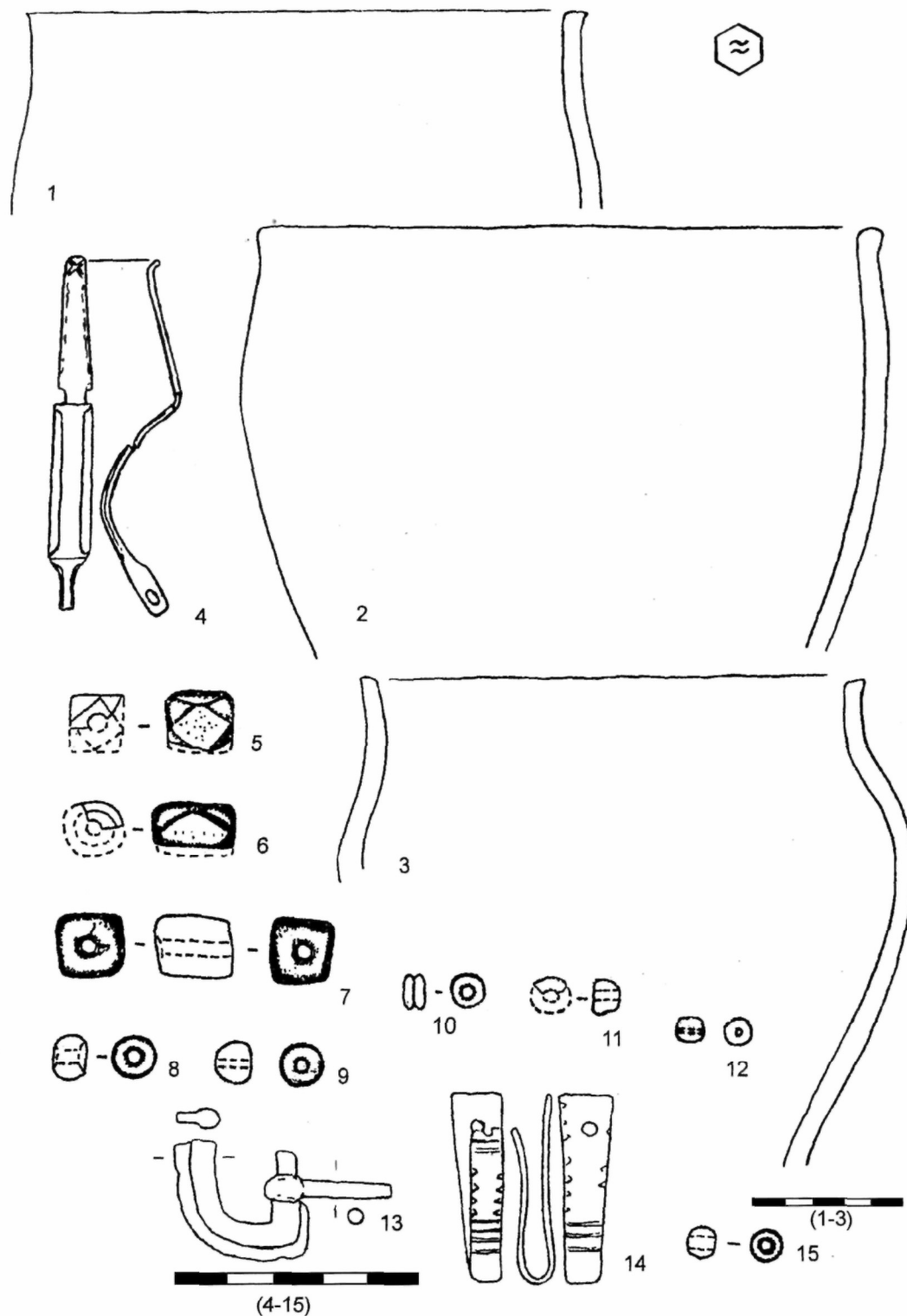

Рис. 1. Остров.

1-3 - жилище 3; 4-15 - культурный слой.

Abb. 1. Ostrov.

1-3 - Fundmaterial aus dem Wohnobjekt 3; 4-15 - Funde aus der Grabungsschicht.

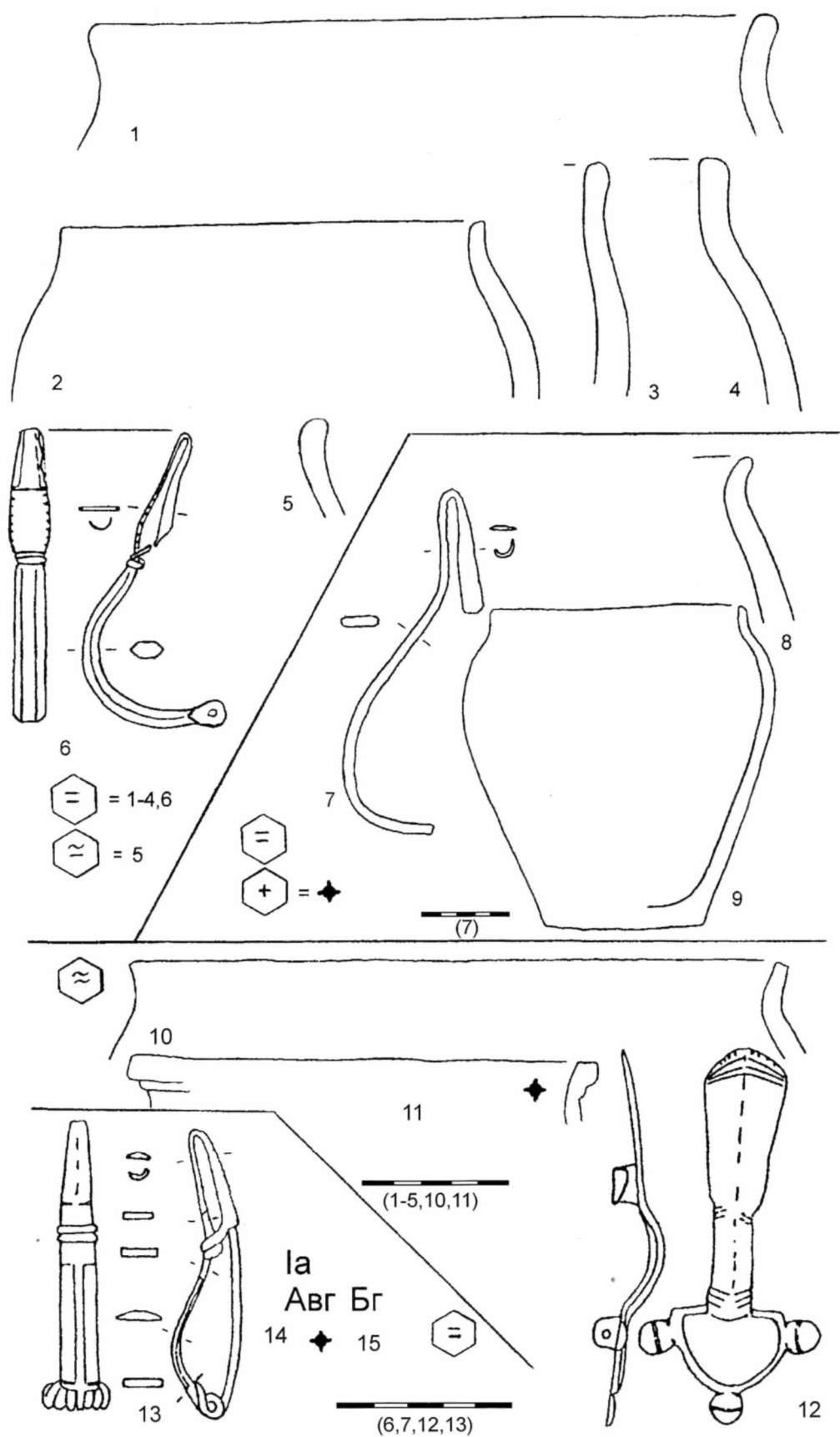

Рис.2. 1-6-Березец, жилище 2; 7-9-Бакота, жилище 65; 10-12-Теремцы, жилище 14; 13-15-Бернашовка, жилище 20.
Abb. 2. Fundmaterial aus den Objekten.

1-6 - Berezec, Hütte 2; 7-9 - Bakota, Hütte 65; 10-12 - Teremcy, Hütte 14; 13-15 - Bernašovka, Hütte 20.

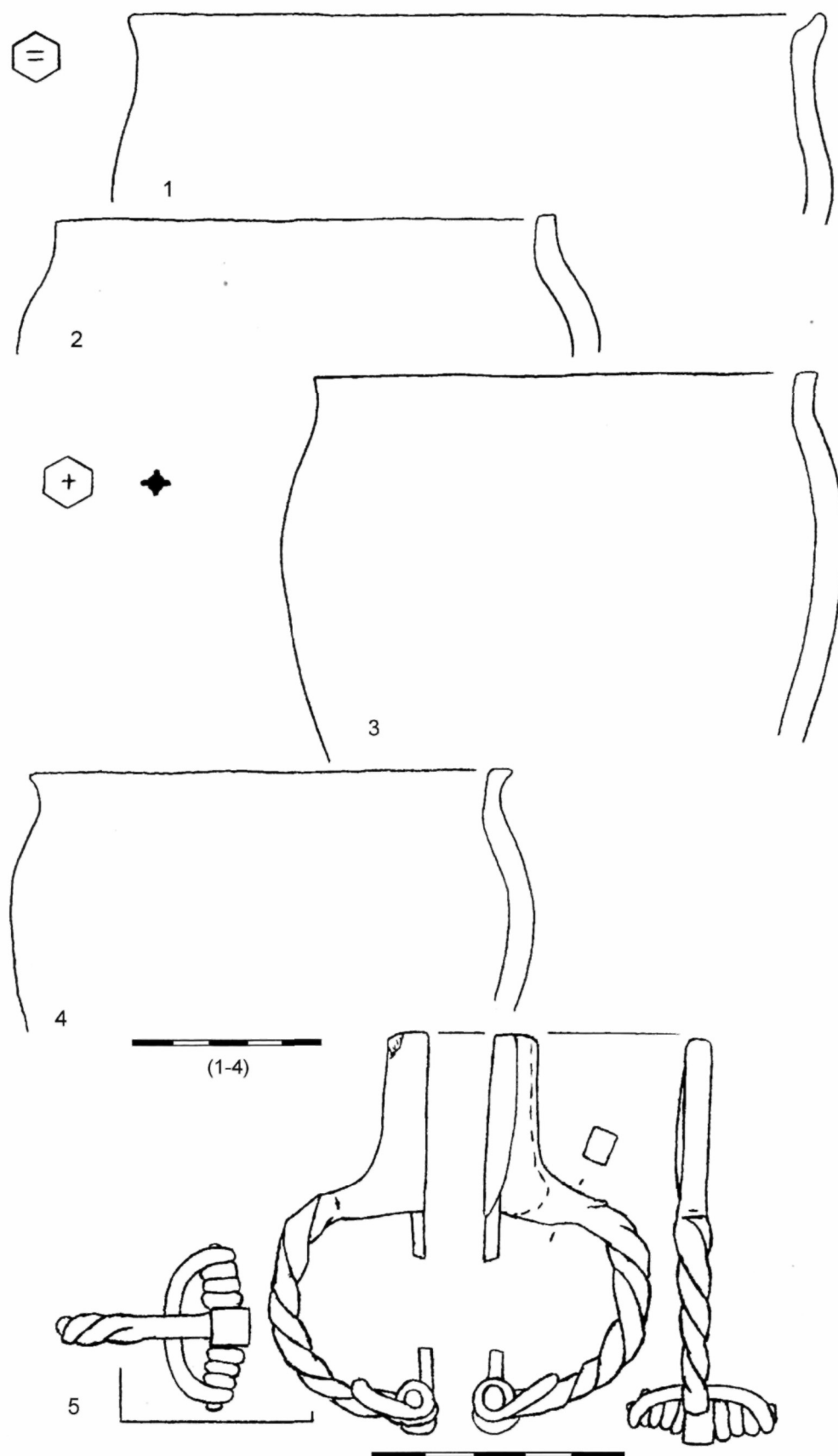

Рис. 3. Кодын I, жилище 10.

Abb. 3. Kodyn I. Fundmaterial aus der Hütte 10.

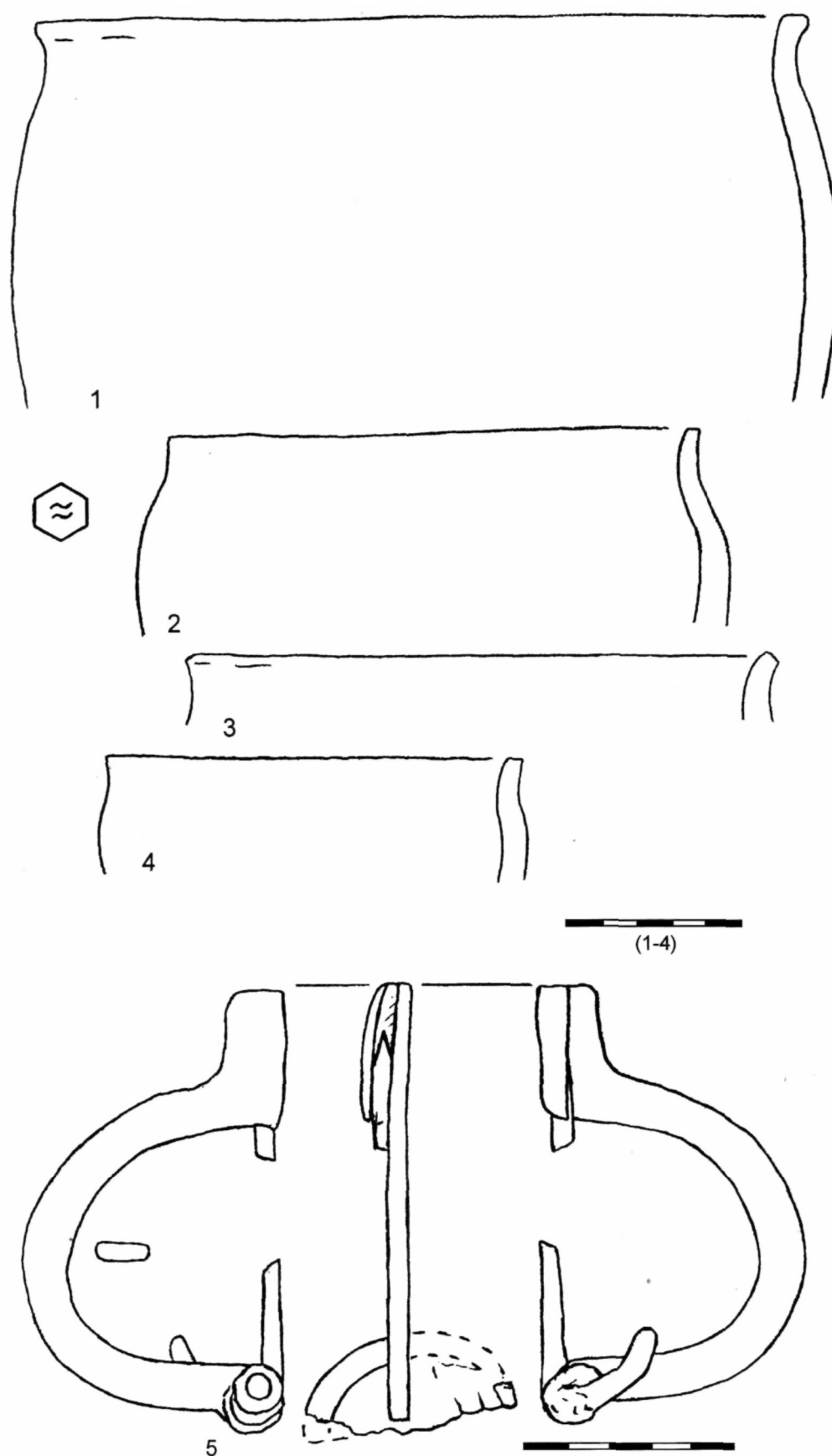

Рис. 4. Кодын I, жилище 21.

Abb. 4. Kodyn I. Fundmaterial aus der Hütte 21.

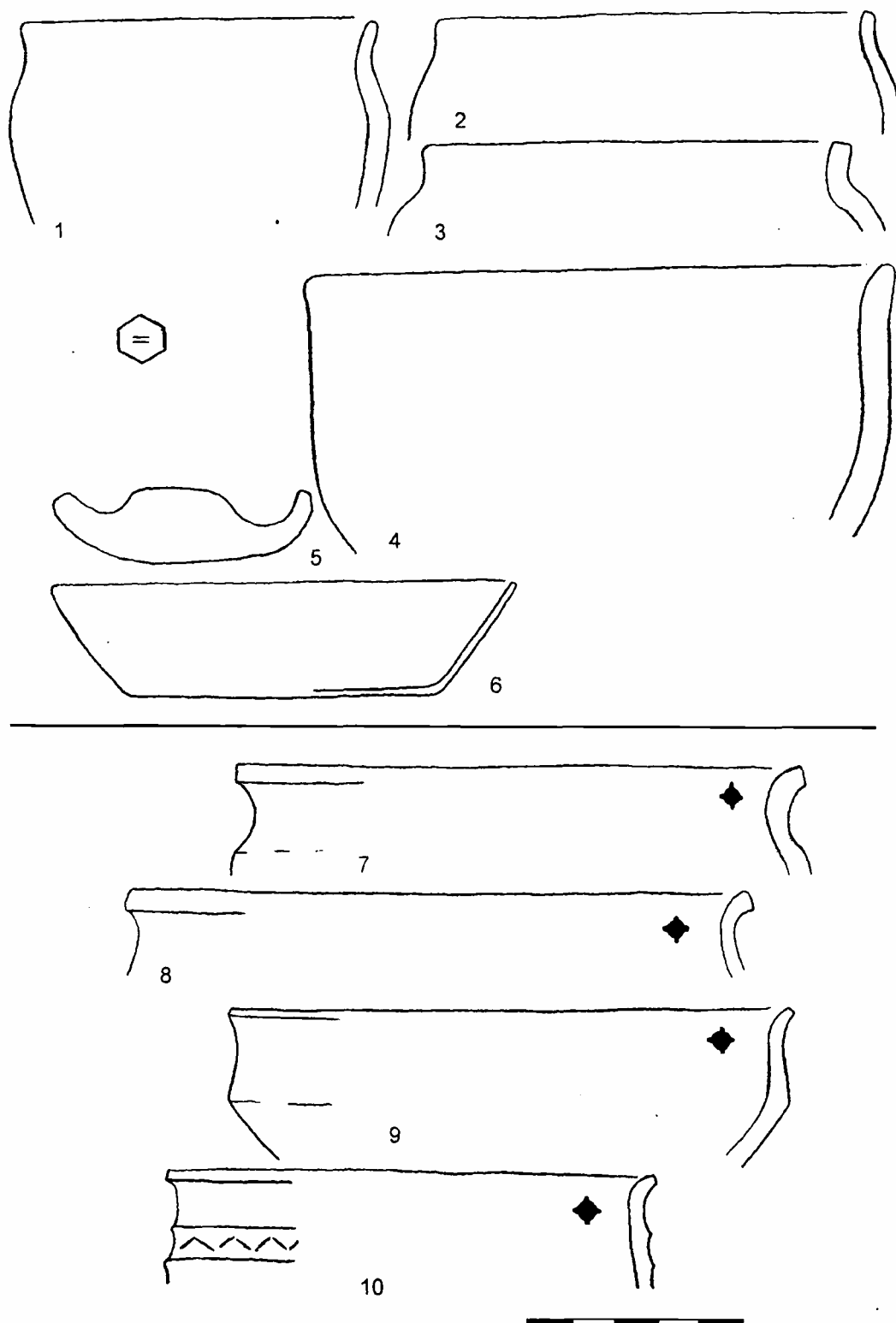

Рис. 5. Кодын I.

1-6-сооружение3;7-10-жилище 21.

Abb. 5. Kodyn I.

1-6 - Fundmaterial aus der Hütte 3; 7-10 - Fundmaterial aus der Hütte 21.

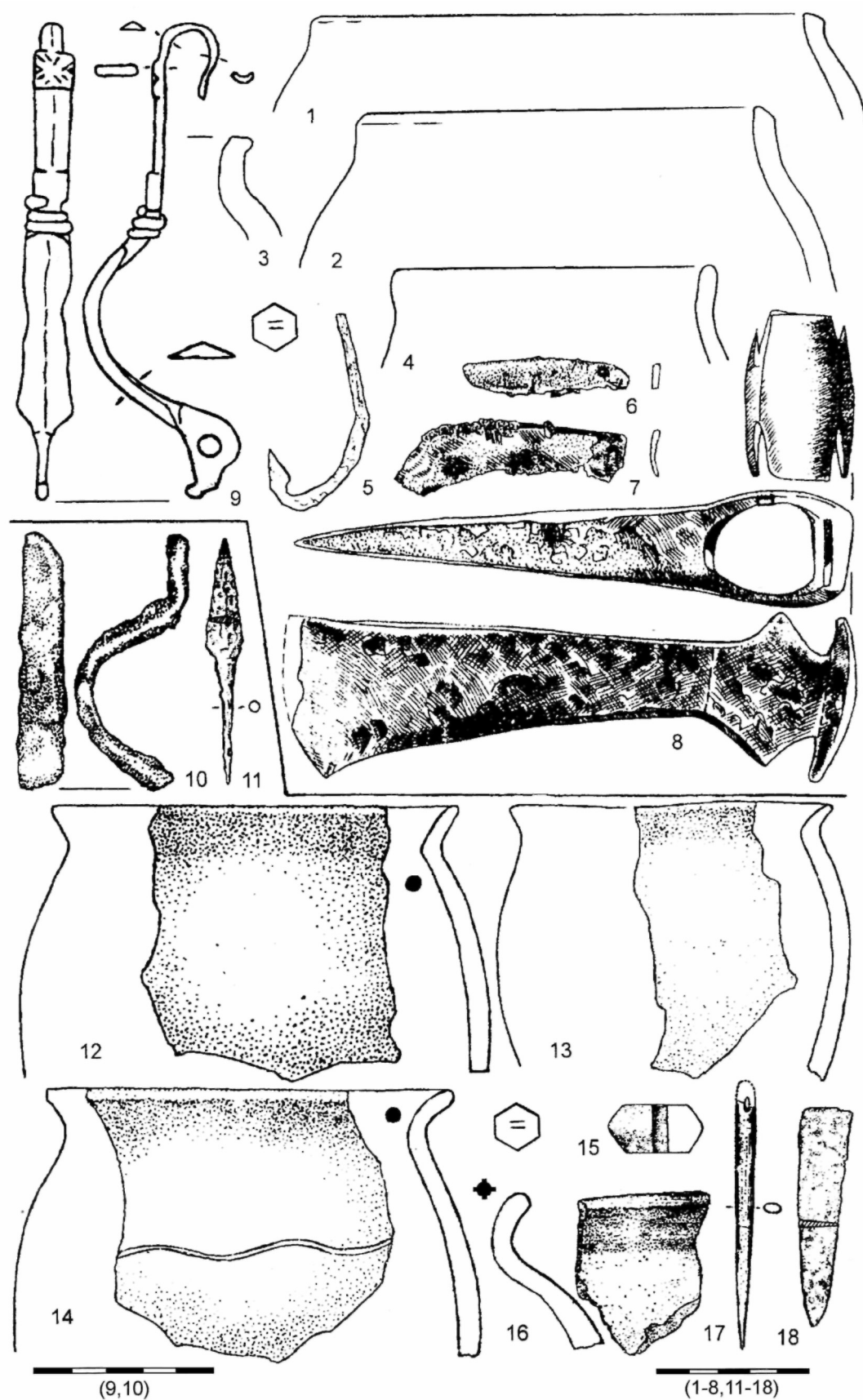

Рис. 6. 1-9 - Лука Каветчинская, жилище 27; 10-18 - Ботошана-Сучава, жилище 14.
Abb. 6. Fundmaterial aus den Objekten.
 1-9 - Luka Kavetčinskaja, Hütte 27; 10-18 - Botoșana, Hütte 14.

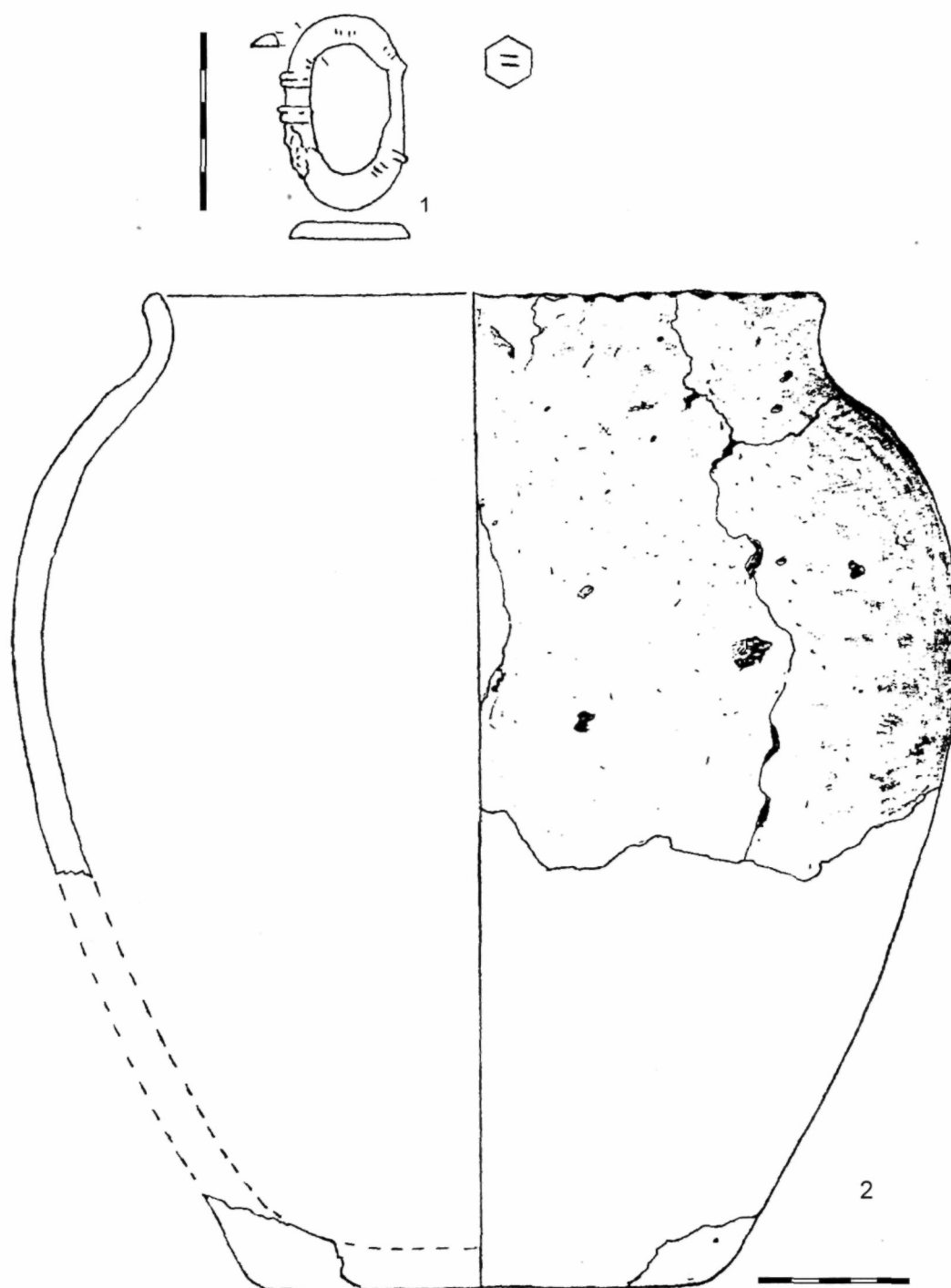

Рис. 7. Хорск, погребение 2.

Abb. 7. Chorsk. Fundmaterial aus Grab 2.

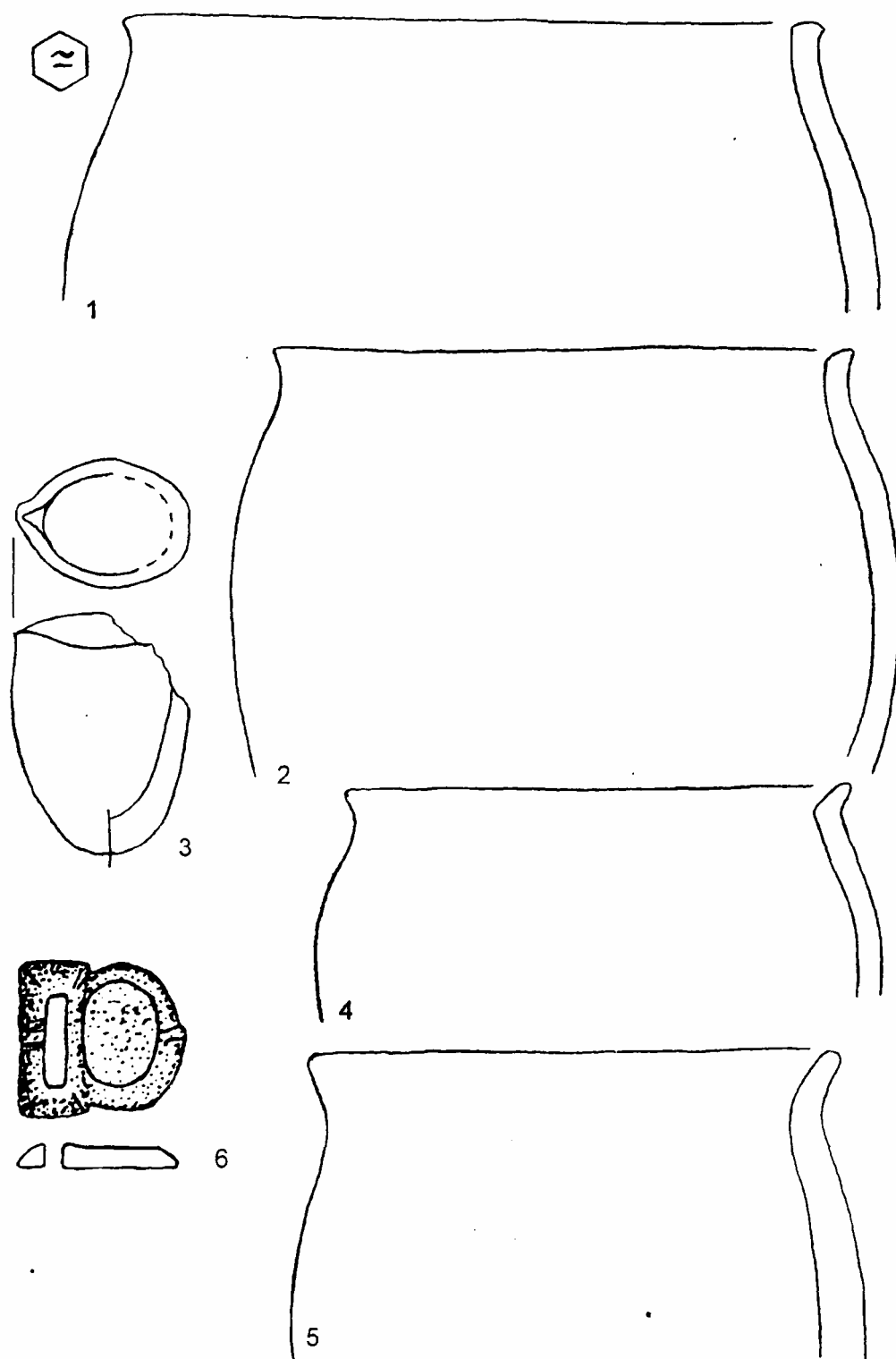

Рис. 8. Бэлень-Ромэнь, жилище 28.

точный масштаб?

Abb. 8. Băleni-Români. Fundmaterial aus der Hütte 28.

Maßstab der Verkleinerung unbekannt

хотя некоторые образцы, приведенные им в качестве аналогии, явно принадлежат другим типам (D. G. Teodor 1991, с. 118). Форма обоймы и пропорции экземпляра из Бэлень-Ромэнь близки образцу с литейной формы из Бернашовки, стилистически близкому пряжкам шиповского круга (рис. 9:2; см. о нем ниже). Тем не менее, по сумме характерных признаков, пряжку из Бэлень-Ромэнь, скорее всего, следует рассматривать в стилистическом контексте именно пряжек типа Сучидава и их дериватов, датируемых ок. середины - 2-й половины VI в., не исключая для отдельных вещей бытования и в начале VII в. (И. О. Гавритухин 2002б).

Литейные формочки из Бернашовки предназначались для изготовления вещей из свинцово-оловянистых сплавов, рассмотренных в недавнее время О. А. Щегловой (2001; печати). Значительная часть этих вещей, в том числе и представленные на ряде формочек из Бернашовки, бытовали длительное время на территории от Нижнего Дуная и Повисленья до Днепровского Левобережья, Верхней Волги, Приладожья и Причудья. Некоторые формочки из Бернашовки предназначены для изготовления вещей, пока более нигде не встреченных. Узкую дату для вещей, изготавливаемых с помощью формочек из Бернашовки, на современном уровне исследований можно предложить лишь для деталей ременной гарнитуры и фибулы. Хотя для фибулы (рис. 9:7) соответствий на уровне „узкого” варианта не известно, мной были приведены аргументы в пользу ее атрибуции по аналогиям (И. О. Гавритухин 1997б, с. 47). Она относится к кругу изделий, связанных с рядом вариаций поствосточногерманских фибул конца VI-VII вв. дунайско-днестровской подгруппы, но напоминает и образцы, известные в крымских комплексах, датируемых около последних десятилетий VI - начала VII вв. Новых аргументов для оценки этой вещи, насколько мне известно, пока не появилось.

Атрибуцию ряда деталей ременной гарнитуры (рис. 9:1-4, 8-10), как находящихся соответствия в древностях „шиповского” круга 2-й половины V - конца VI или начала VII вв. (И. О. Гавритухин 1997б, с. 47) так же нет оснований пересматривать. В то же время, очевидно, что т.н. „шиповский” круг древностей (весьма выразительный подбор ременной гарнитуры - см. M. Kazański, A. Mastykova 1999) отражает не сравнительно кратковременный горизонт, а довольно длительный период в истории ряда народов Восточной Европы. Соответственно, речь должна идти не только об уточнении его границ, но и о периодизации. Ближайшей аналогией пряжек, изготавливаемых с помощью бернашовских формочек (рис. 9:2, 4), является образец из катакомбы 41 могильника Клинь-Яр, датируемый в рамках VI в., скорее, ближе середине - 2-й половине этого столетия (И. О. Гавритухин 2001а, с. 43-44). Эта дата находит соответствие и в отношении пряжки с похожей обоймой из Бэлень-Ромэнь (см. выше).

Наконечники, представленные на формочках из Бернашовки (рис. 9:1, 3), датируются в рамках хронологии шиповской группы в целом. Накладки, украшенные прямоугольными „горками” - „сглаженными пирамидками” (рис. 9:8, 9), напоминают украшенные такими же элементами более короткие накладки из катакомб 4К и 122 могильника Мокрая Балка, датированных, соответственно, около середины VI и 1-й трети VII вв. (И. О. Гавритухин 2001а, с. 43, 44-45). В итоге, сочетание датировок деталей ременных гарнитур и фибулы с бернашовских формочек позволяет считать наиболее реальной датой комплекса в рамках последних десятилетий VI - первых десятилетий VII вв., вероятно - около рубежа этих столетий.

Крупная трехлопастная стрела - срезень и панцирная пластина из Хотомеля (рис. 10:1,2) принадлежат кругу вещей, появление которых на европейских памятниках эпохи великого переселения народов связано с аvaraми. Остальные вещи с этого памятника, найденные в слое пожара или ниже него (рис. 10:3-6), на современном уровне изучения датируются довольно широко. Таким образом 558 г. (время появления авар в Европе) является *terminus post quem* для пожара в Хотомеле. Вопрос о точной дате этого пожара и о времени строительства городища, если опираться только на изделия из металла, остается открытым.

В жилищах 13 и 20 поселения Ботошань-Сучава найдены бронзовые византийские монеты константинопольского чекана 538 г. (D. G. Teodor 1984а, с. 61). Что дает *terminus post quem* для этих комплексов. Точных аналогий накладке из жилища 13 в Ботошане-Сучава (рис. 11:1) мне не известно, вопрос о датировке этой вещи пока остается открытым. Очевидно, в датировке упомянутых комплексов с монетами (рис. 11; 12:1-3; 13), как и городища Хотомель, ключевую роль играет керамика.

Гребень из Козл (рис. 12:4) рассмотрен И. Земаном, который указал его прототипы IV-V и 1-й половины VI в., а так же типологическую связь с гребнями более позднего времени (J. Zeman 1976, с. 204,206). Таким образом, до появления новых исследований, этот образец может быть датирован в рамках VI в.

Обойма из Додешть-Васлуй (рис. 14:1) имеет ряд аналогий среди находок с Балкан (Z. Vinski 1994, Tab. XIX:3, 4), с о. Самос и из района Пальмиры из Херсонеса (И. О. Гавритухин 2002б). В трех случаях (Пятра Фрекацей, Самос, Херсонес) такие обоймы принадлежат пряжкам с полыми В-образными рамками, имеющими довольно широкую прорезь, повторяющую очертания рамки (в остальных случаях рамки утрачены). В типологическом ряду „геральдических” пряжек такие образцы выглядят сравнительно архаичными. По восточноевропейским комплексам они датируются в рамках середины VI - первых десятилетий VII вв. (И. О. Гавритухин 2001а, с. 43; 2001б, с. 36-37,84). Хронология таких же рамок

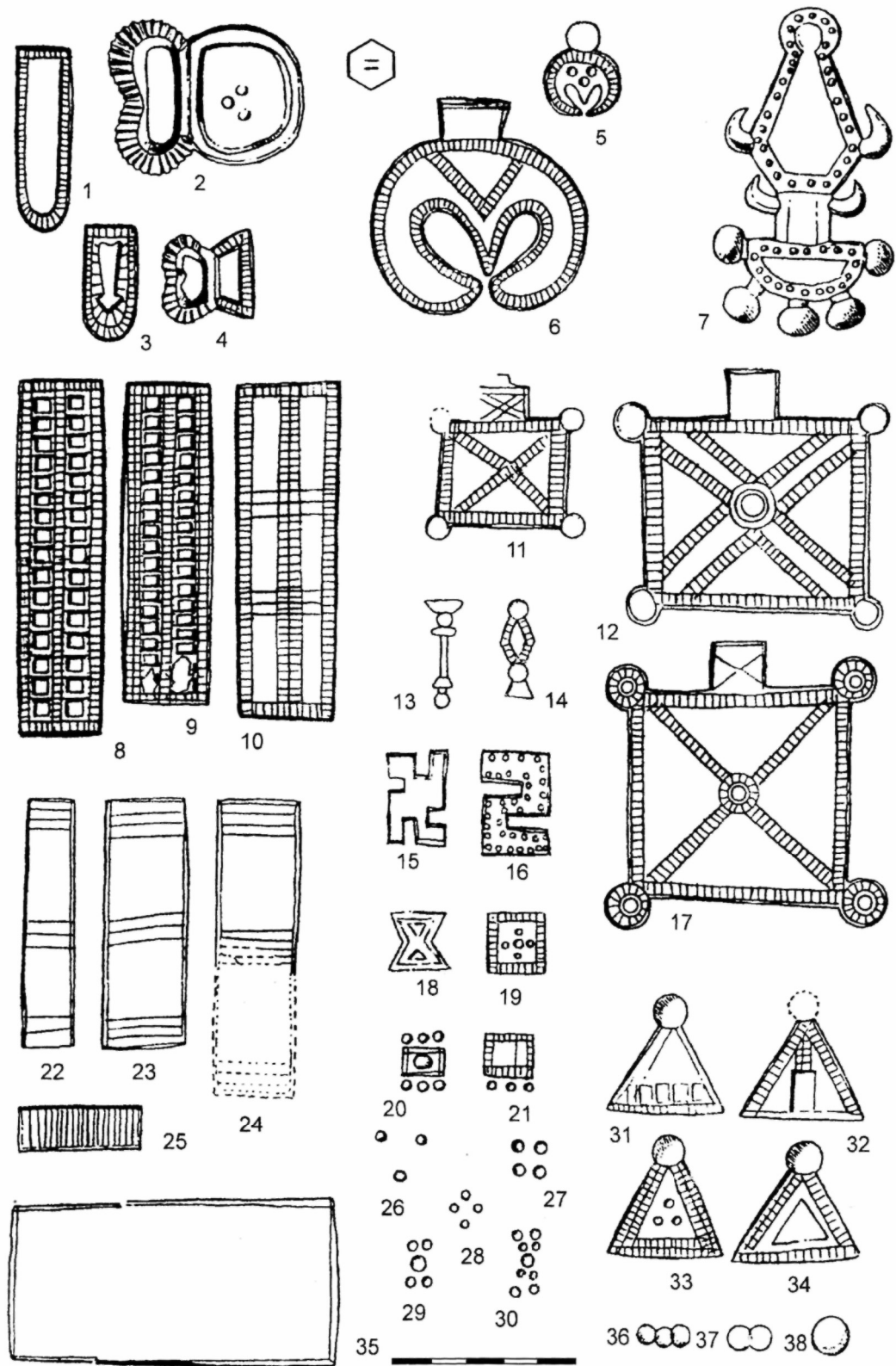

Рис. 9. Бернашовка, жилище 36.

Abb. 9. Bernašovka. Musterbeispiele für Schmuck aus den Gußformen von der Hütte 36.

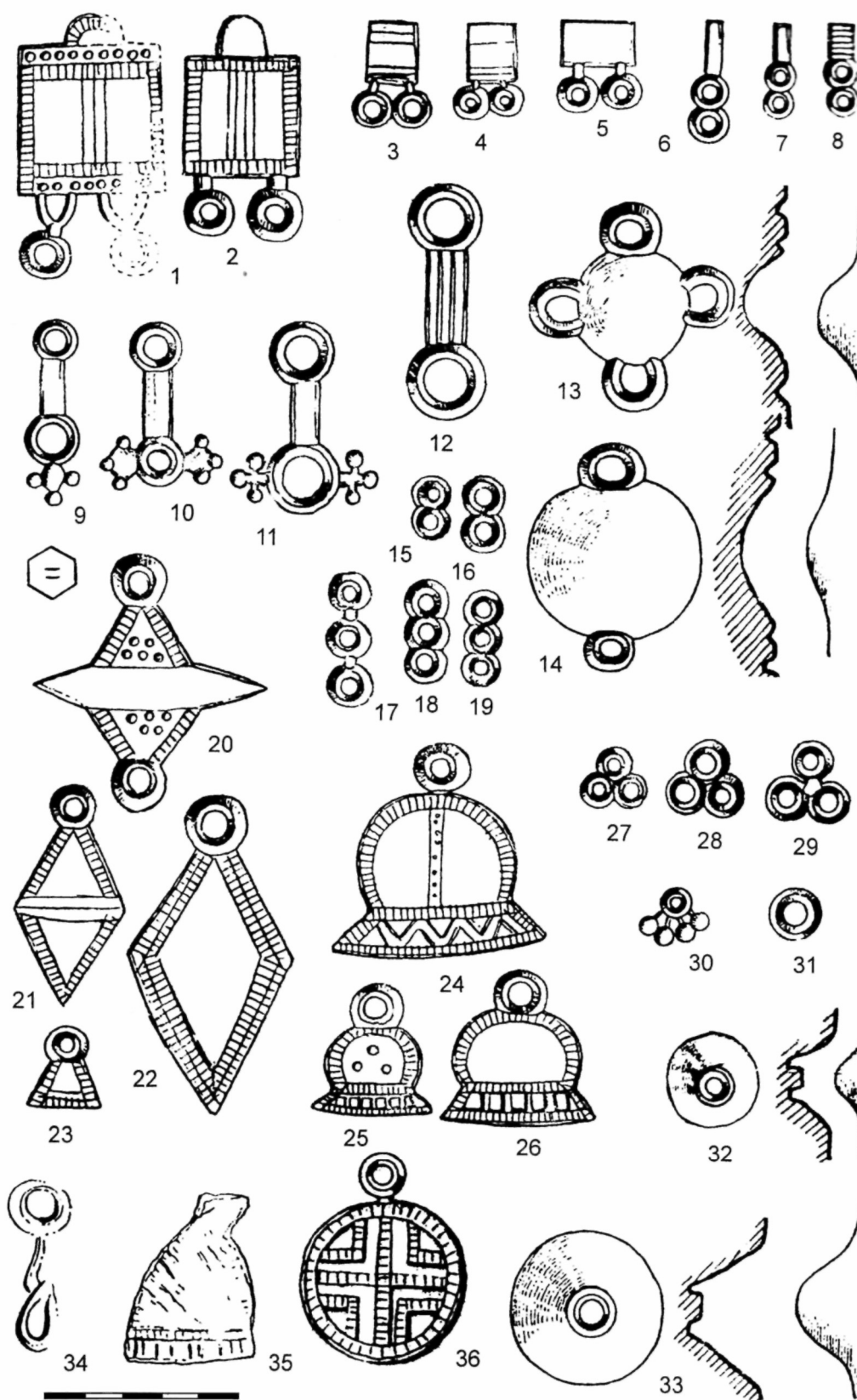

Рис. 9а. Бернашовка, жилище 36.

Abb. 9a. Bernášovka. Musterbeispiele für Schmuck aus den Gußformen von der Hütte 36.

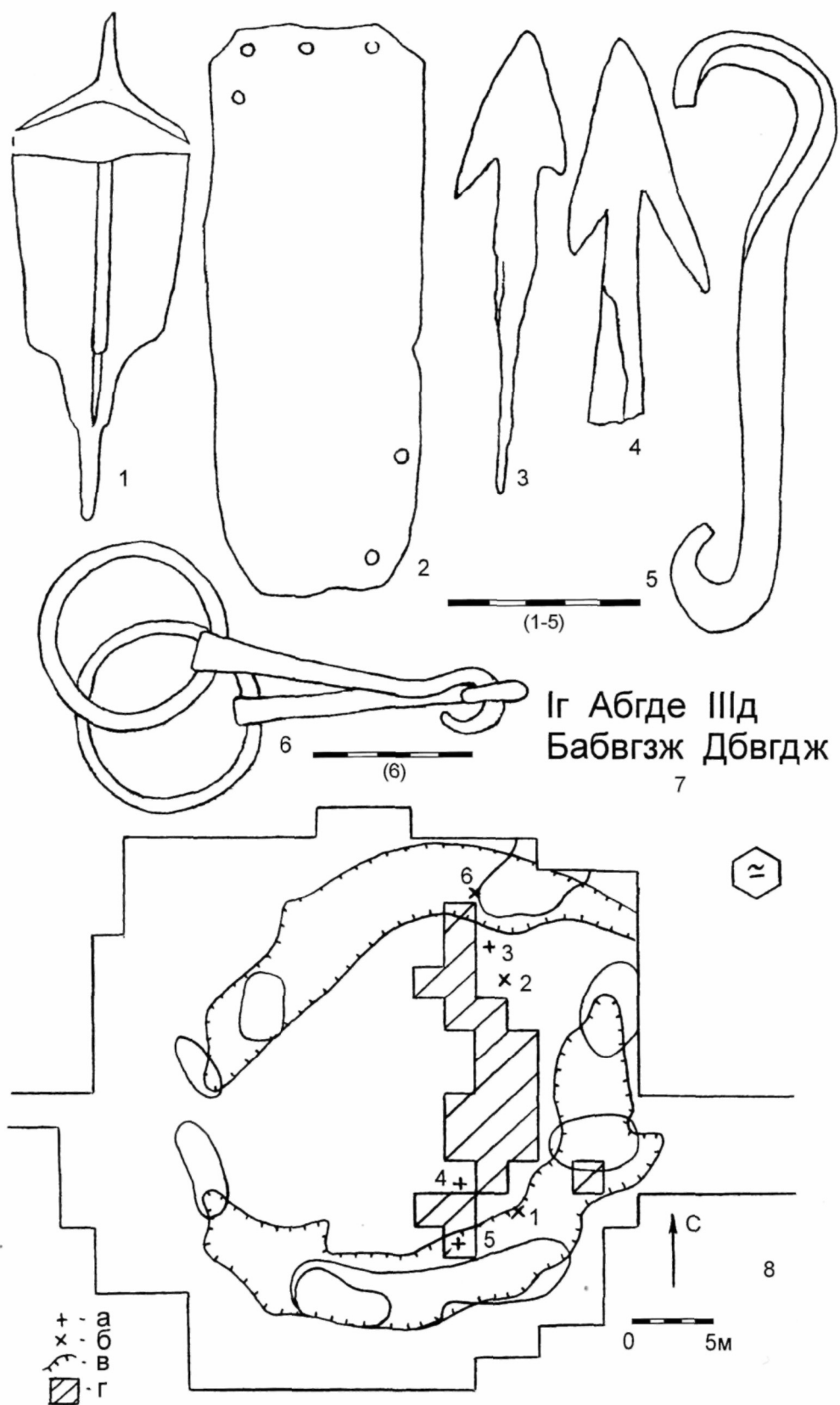

Рис. 10. Хотомель, углистая прослойка и ниже нее.

Условные знаки к плану 8. а - находки на уровне прослойки; б - находки ниже прослойки; в - границы прослойки; г - зоны перекопов. Цифры на плане соответствуют изображениям 1-6.

Abb. 10. Chotomel'. Plan des Burgwalls (8) und Fundmaterial aus der Brandschicht und aus den darunter liegenden Schichten (1-6). а - Funde aus dem Schichtsniveau; б - unterhalb der Schicht geborgene Funde; в - Schichtsgrenzen; г - Grabungsschnitte. Die Ziffern im Plan entsprechen den Fundstücken 1-6.

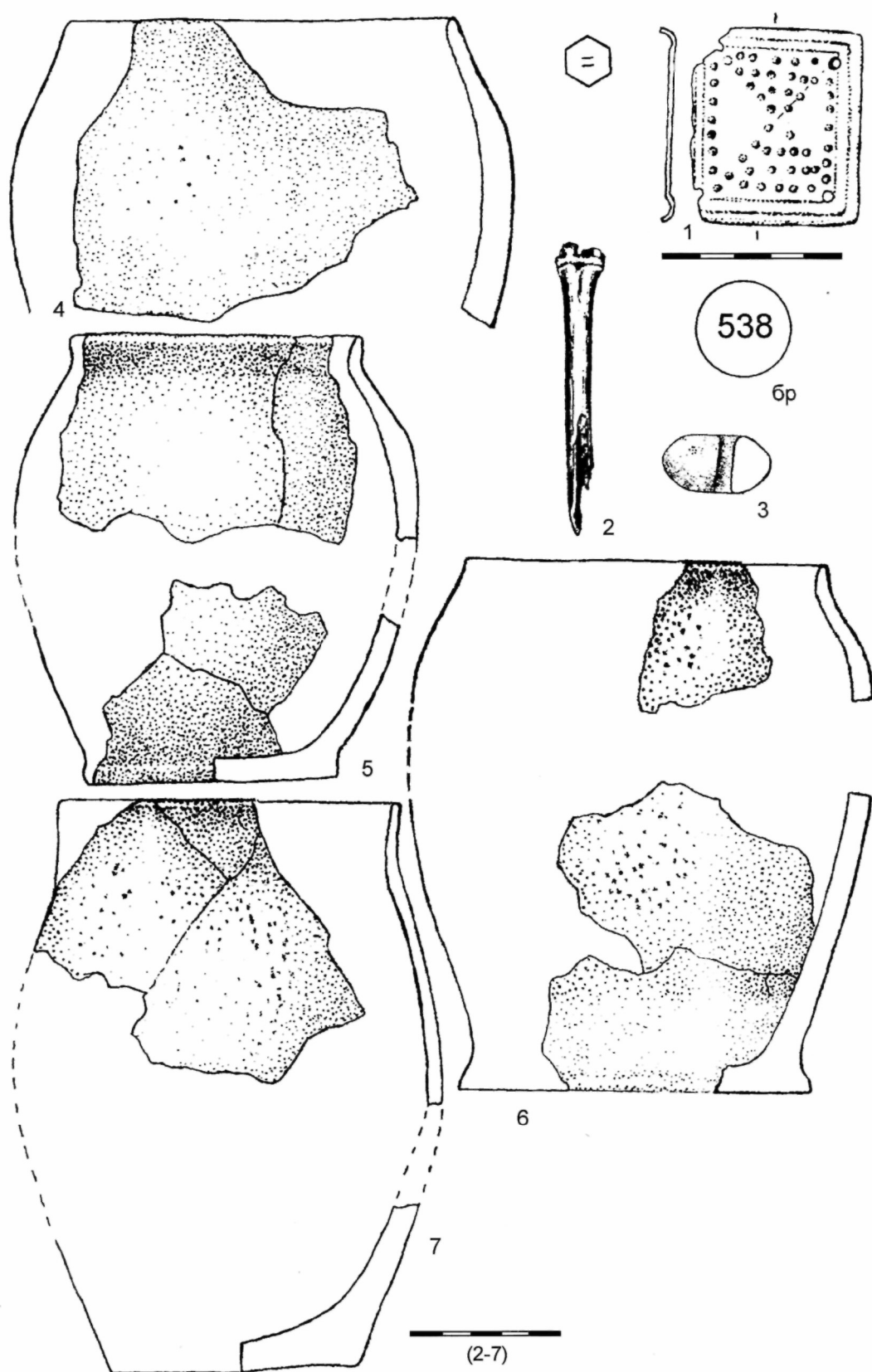

Рис. 11. Ботошана-Сучава, жилище 13.

Abb. 11. Botoșana-Suceava, Fundmaterial aus der Hütte 13.

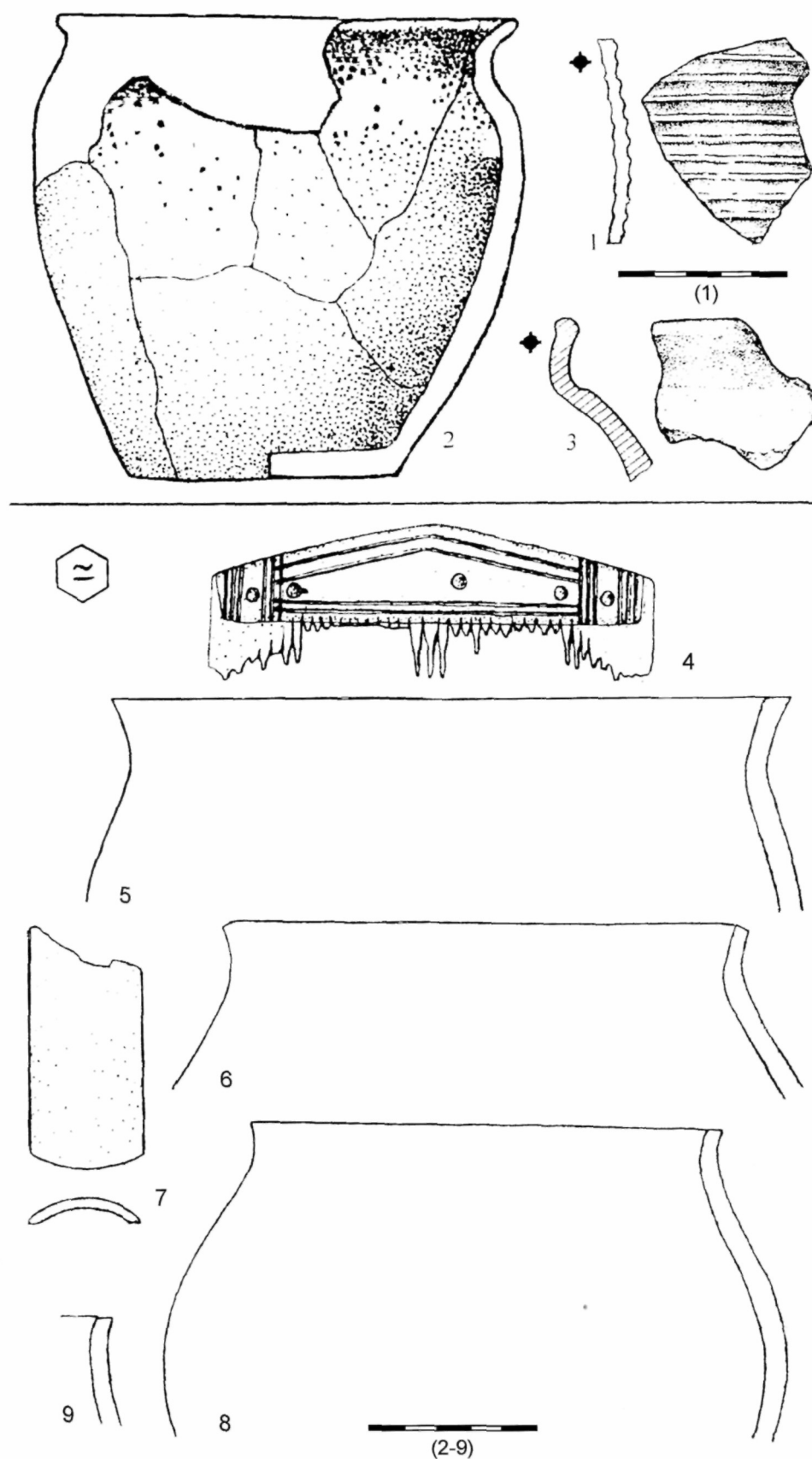

Рис. 12. 1-3 - Ботошана-Сучава, жилище 20; 4-9 - Козлы.
 Abb. 12. Fundmaterial aus den Objekten.
 1-3 - Botoșana-Suceava, Hütte 20; 4-9 - Kozly.

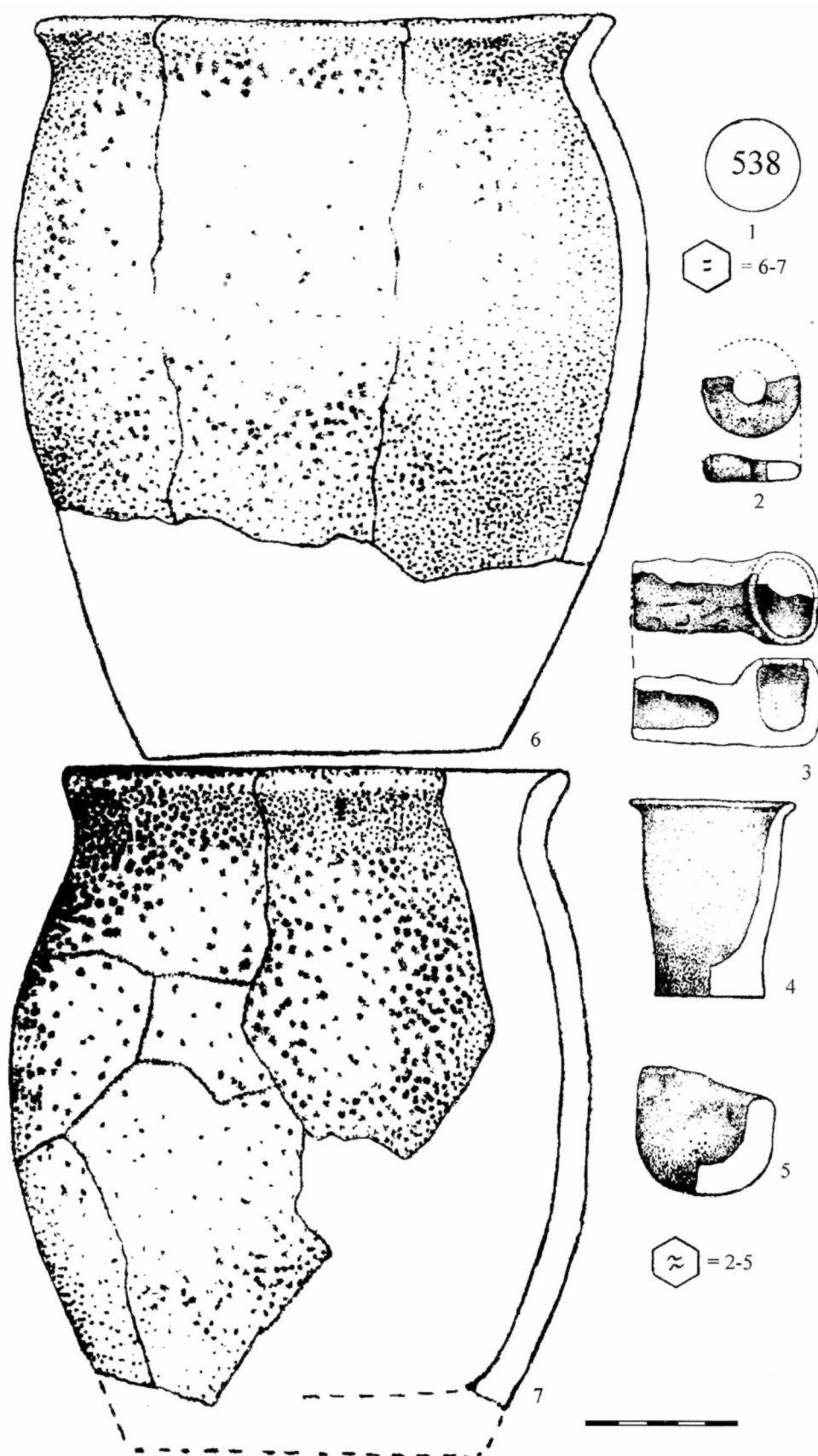

Рис. 13. Ботошана-Сучава, жилище 20.

Abb. 13. Botoșana-Suceava. Fundmaterial aus der Hütte 20.

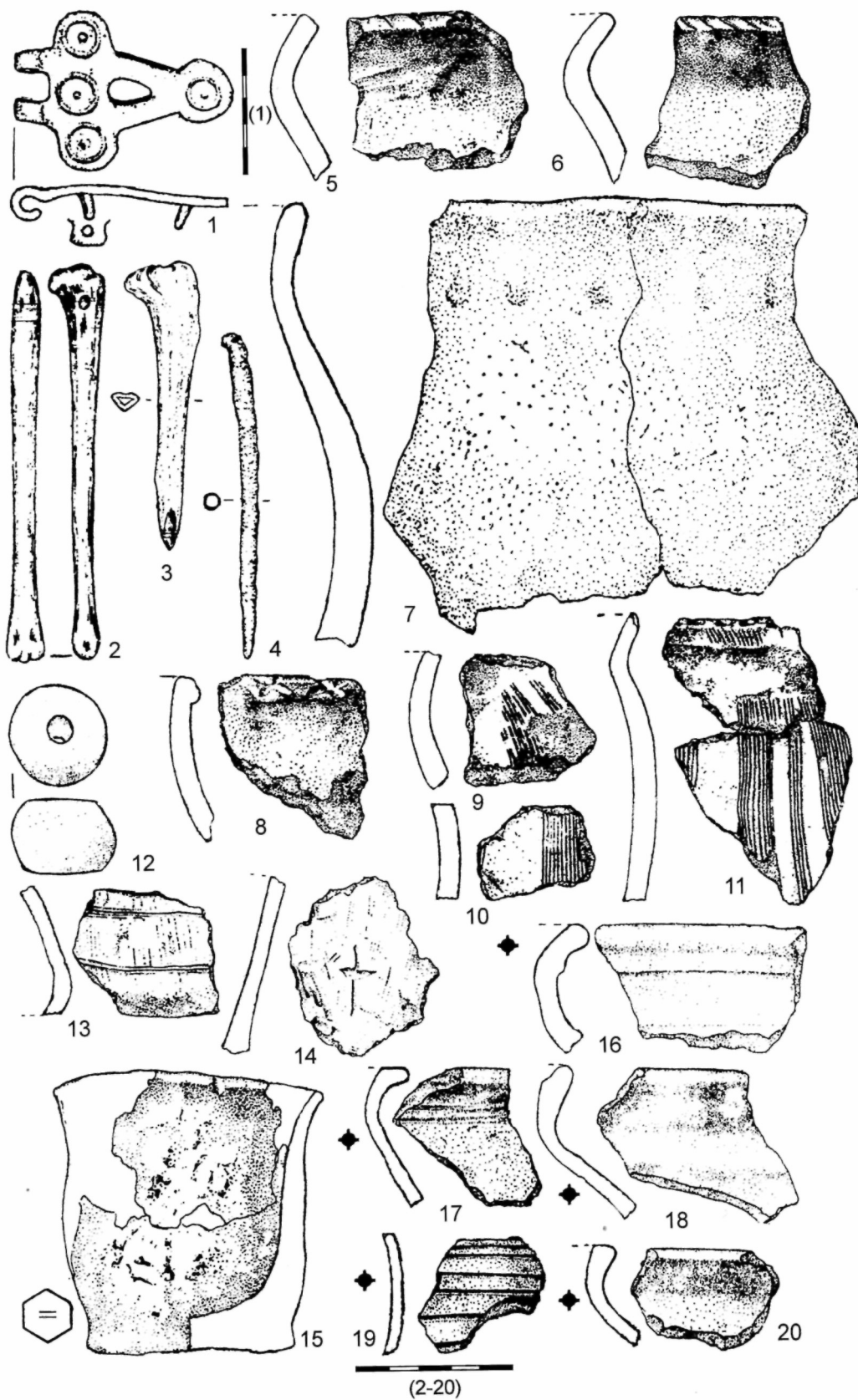

Рис. 14. Додешть-Васлуй, жилище 1/1969.
Abb. 14. Dodești-Vaslui. Fundmaterial aus der Hütte 1/1969.

у пряжек с территории Византии практически не отличается (ср. И. О. Гавритухин 2002б). Таким образом, обойма из Додешть, судя по всему, датируется в рамках середины VI - первых десятилетий VII вв.

Язычек пряжки, найденный в Селиште (рис. 15:1), имеет высоко поднятую площадку в задней части. Подобная деталь особенно характерна для ряда „геральдических” пряжек. Однако, язычки этих пряжек, как правило, имеют более высокий и загнутый уже при изготовлении „клюв” подтреугольного или пятиугольного сечения. Уплощенные язычки, правда, у пряжек меньшего размера, известны по погребению 3 могильника Цибилум-1а в Абхазии (Ю. Н. Воронов, Н. К. Шенкао 1982, рис. 16:31, 32). Там они связаны с обувной гарнитурой понтийского или средиземноморского круга, датированной около последних десятилетий VI - начала VII вв. (И. О. Гавритухин 1999а, с. 186-189). У язычка из Селиште обращает внимание, что его „клюв”, а главное - задняя часть, которая должна охватывать рамку, не загнута. К тому же эта вещь, судя по описанию, обломана сзади (И. А. Рафалович 1972а, с. 133). Вероятно, в данном случае перед нами полуфабрикат. Соответственно, особенности язычка из Селишт могут отражать локальную специфику. Тогда, до появления новых материалов, хронологические рамки этой вещи, в принципе, могут охватывать все время активного производства гарнитур „геральдического” круга: от 2-й половины VI до 3-й четверти VII вв. Но не стоит сбрасывать со счета и указанную аналогию из Абхазии, свидетельствующую в пользу относительно ранней датировки рассматриваемой вещи.

Пряжка из Бударяски (рис. 17:1, 1а), судя по прорисовке, имеет овальную рамку, однако, на фотографии она больше напоминает В-образные пряжки „геральдического” круга, правда для последних не характерно наличие выступов, окаймляющих ложе для язычка. В-образные пряжки с зауженной прорезью и выступами в задней части рамки известны не позднее последних десятилетий VI в. и на протяжении большей части VII в. (А. И. Айбабин 1990, с. 38-39). Овальные пряжки с граненой рамкой, выступающими вперед стойками для ложа язычка и подпрямоугольной прорезью характерны для комплексов, датируемых в рамках большей части VII в. (А. И. Айбабин 1990, с. 41). Учитывая, что экземпляр из Бударяски является железной имитацией пряжек перечисленного круга, наиболее приемлемой для него является датировка в рамках VII в.

В погребении из Балта-Верде найден обломок пряжки типа Сиракузы (рис. 17:8). У. Фидлер датирует такие вещи в рамках 1-й - 2-й трети VII в. (U. Fiedler 1992, с. 88-89, там более ранняя литература). К близки выводам пришел и А. И. Айбабин (1990, с. 43), писавший о бытовании таких вещей: *в течение почти всего VII в.* Известные мне материалы не противоречат этим оценкам. Случай, позволяющие некоторым авторам (D. G. Teodor 1991,

с. 128-130; E. Riemer 1995, с. 778-779) относить такие вещи к VI или началу VIII вв. далеко не бесспорны.

Клад из Новой Гуты (рис. 18:1-8) в польской литературе традиционно датируется рубежом VI и VII вв. или началом VII в. Наиболее подробно эта датировка обоснована М. Парчевским. Он присоединился к мнению А. Шош о том, что трапециевидные подвески из этого клада принадлежат славянам, появившимся в Подунавье с аварами, и указал на меровингские аналогии пряжке, датированные около 3-й четверти VI в. (M. Parczewski 1988, с. 82-84, 86, 87). Однако, датированные аналогии этой пряжке единичны, а культурный контекст и хронологические рамки бытования таких вещей, строго говоря, не ясны. Маленькие трапециевидные подвески с полоской из прессованных точек по нижнему краю принадлежат кругу маркеров трассы культурных контактов, связывавших Карпатскую котловину через Повисленье и Мазурское поозерье с Верхним Поднепровьем и Поволжьем в 1-й - 3-й четверти VII в. (И. О. Гавритухин 1997а). Позднее такие подвески встречаются лишь в культуре смоленских длинных курганов или в зонах ее влияния. Что же касается розетки, то, по-моему (И. О. Гавритухин 1997а, с. 46, 57), ее стилистика указывает, скорее, на принадлежность кругу вещей среднеаварского периода (ок. 620/640-690/710 гг.). Таким образом, клад из Новой Гуты, вероятнее всего, может быть датирован около середины (2-я - 3-я четверти?) VII в.

Трапециевидные подвески из Мутениц близки тем, что представлены в новогутском кладе (см. рис. 18:1-4) (Z. Klanica 1986, с. 144). Для Карпатской котловины их датировка ограничена отрезком от последней трети VI в. или рубежа VI и VII вв. до рубежа VII и VIII вв. (И. О. Гавритухин 1997а, с. 44-45).

Пряжка из Мутениц (рис. 19:7) принадлежит к редким вариациям В-образных пряжек с выступами по бокам ложа язычка. Обойма пряжки решена в форме двух конских голов. Точных аналогий этой вещи мне не известно. Крепление с помощью петель указывает на производство этой вещи в рамках византийских традиций. Высокая полая рамка с прорезью, повторяющей ее очертания, обычны для ряда серий пряжек, бытовавших от середины VI до первых десятилетий VII вв. (о пряжке из Додешть - см. выше). Приблизительно так же или несколько шире, наверное, датируется и данная вещь.

Пряжку из Сэрата-Монтеору (рис. 19:10) У. Фидлер без особой аргументации датировал VI в. (U. Fiedler 1992, с. 84). Этого нельзя исключить, если сравнивать ее с пряжками типа Сучидава или их дериватами. Однако, мне представляется более правильным сопоставление этой вещи с овальными пряжками, имеющими выступы по бокам ложа для язычка, широко распространенными в VII в. (А. И. Айбабин 1990, с. 41).

Пряжку из Ботошань (рис. 20:1) Д. Г. Теодор рассматривал в рамках типа Сиракузы (D. G. Teodor

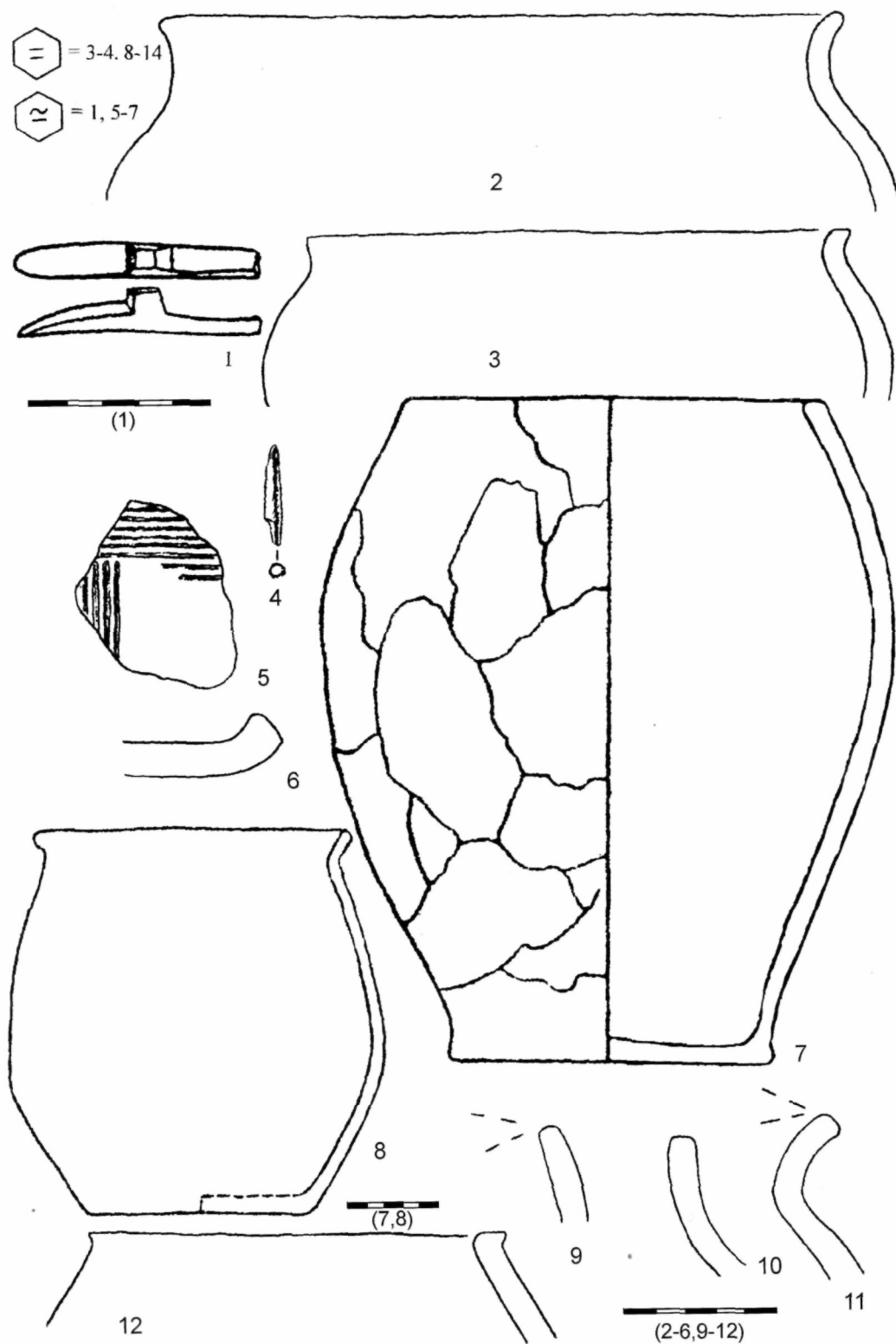

Рис. 15. Селиште, полуземлянка 2.

Abb. 15. Selište. Fundmaterial aus dem Grubenhaus 2.

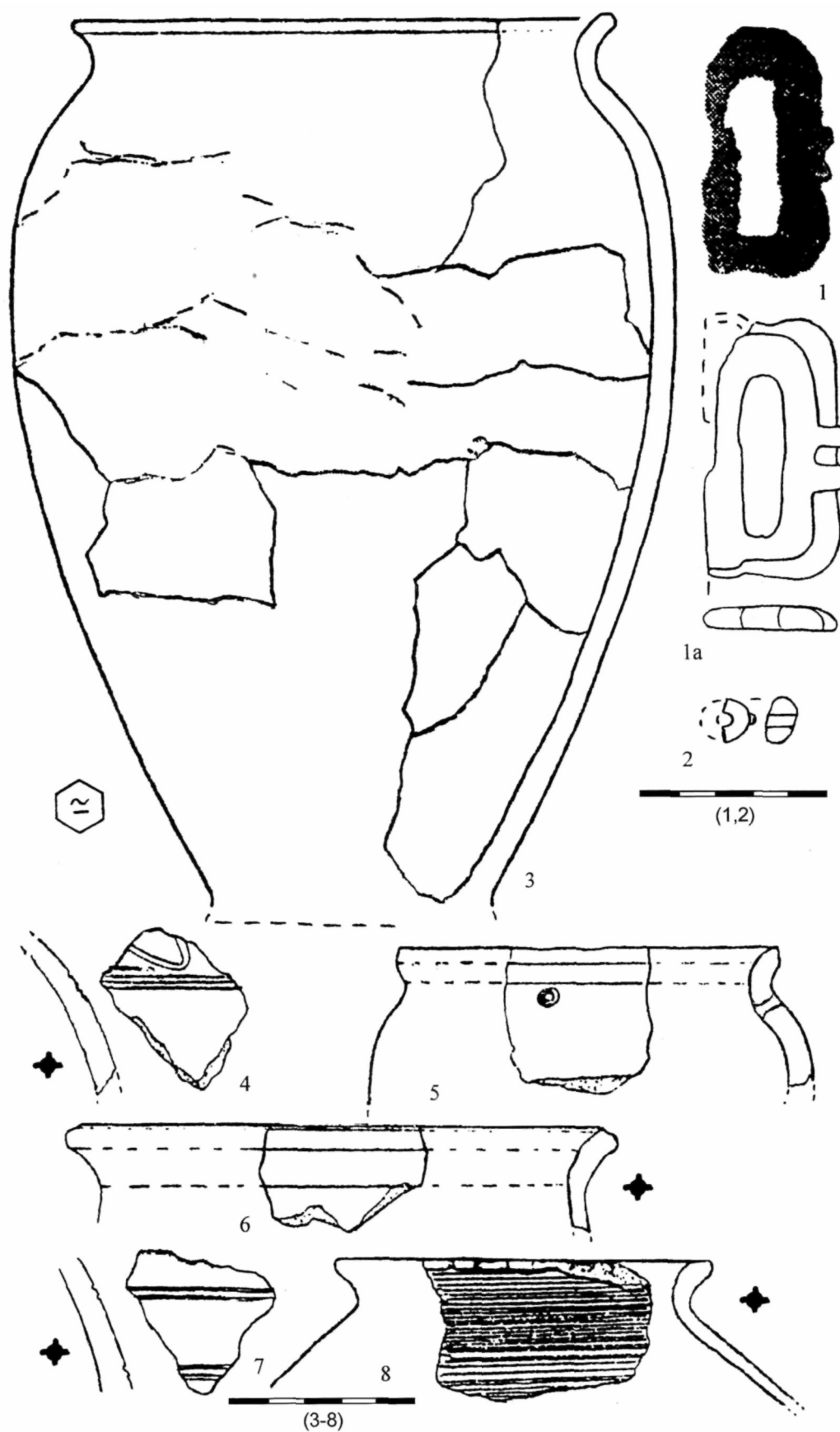

Рис. 16. Бударяска, постройка В15.

Abb. 16. Budureasca. Fundmaterial aus dem Wohnobjekt B15.

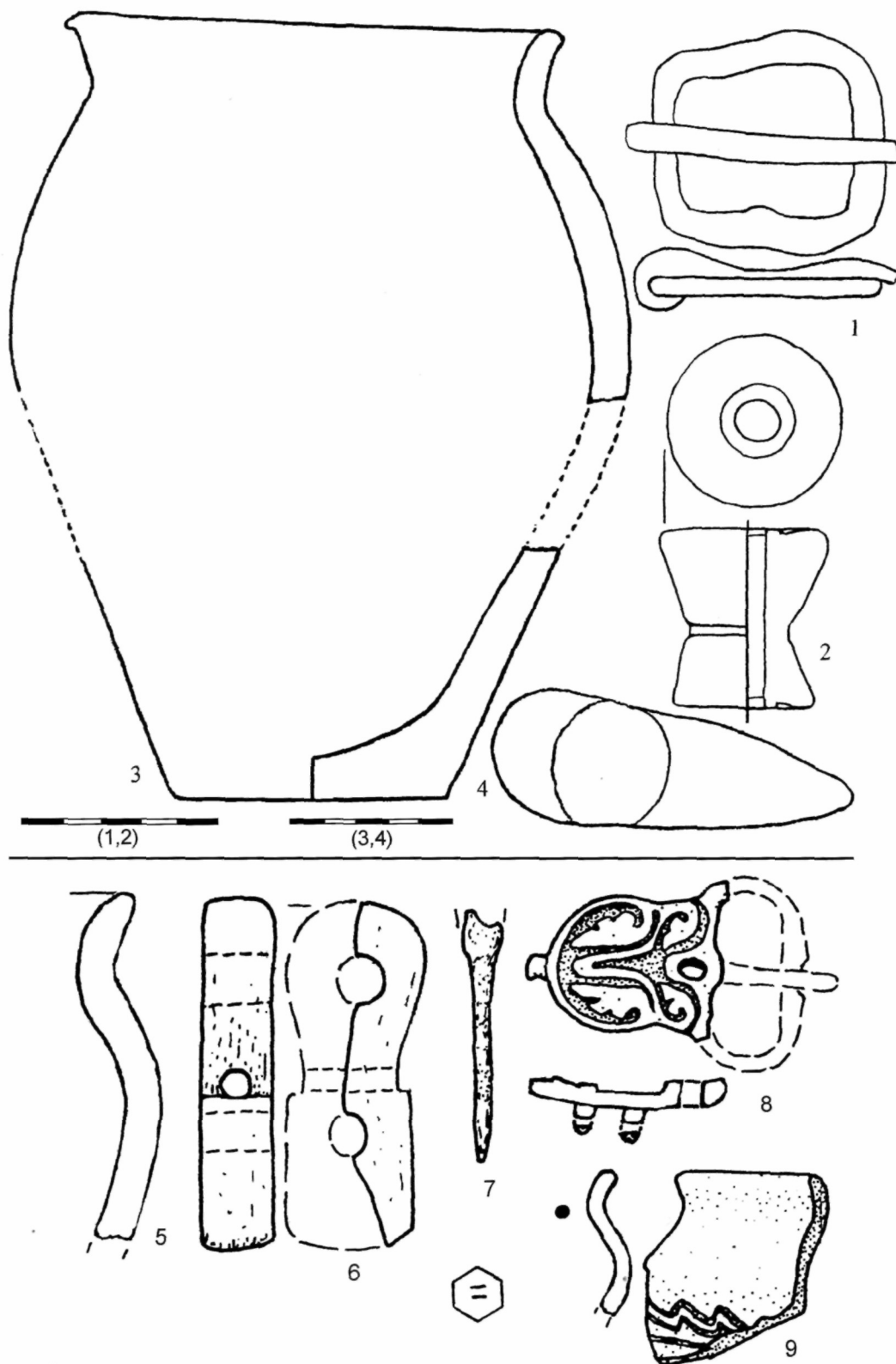

Рис. 17. 1-4 - Будуряска, постройка В15; 5-9 - Балта-Верде, погребение 1.
7-11- точный масштаб ?

Abb. 17. Fundmaterial aus den Objekten.
1-4 - Budureasca, Wohnobjekt В15; 5-9 - Balta Verde, Grab 1
7-11 - Maßstab der Verkleinerung unbekannt

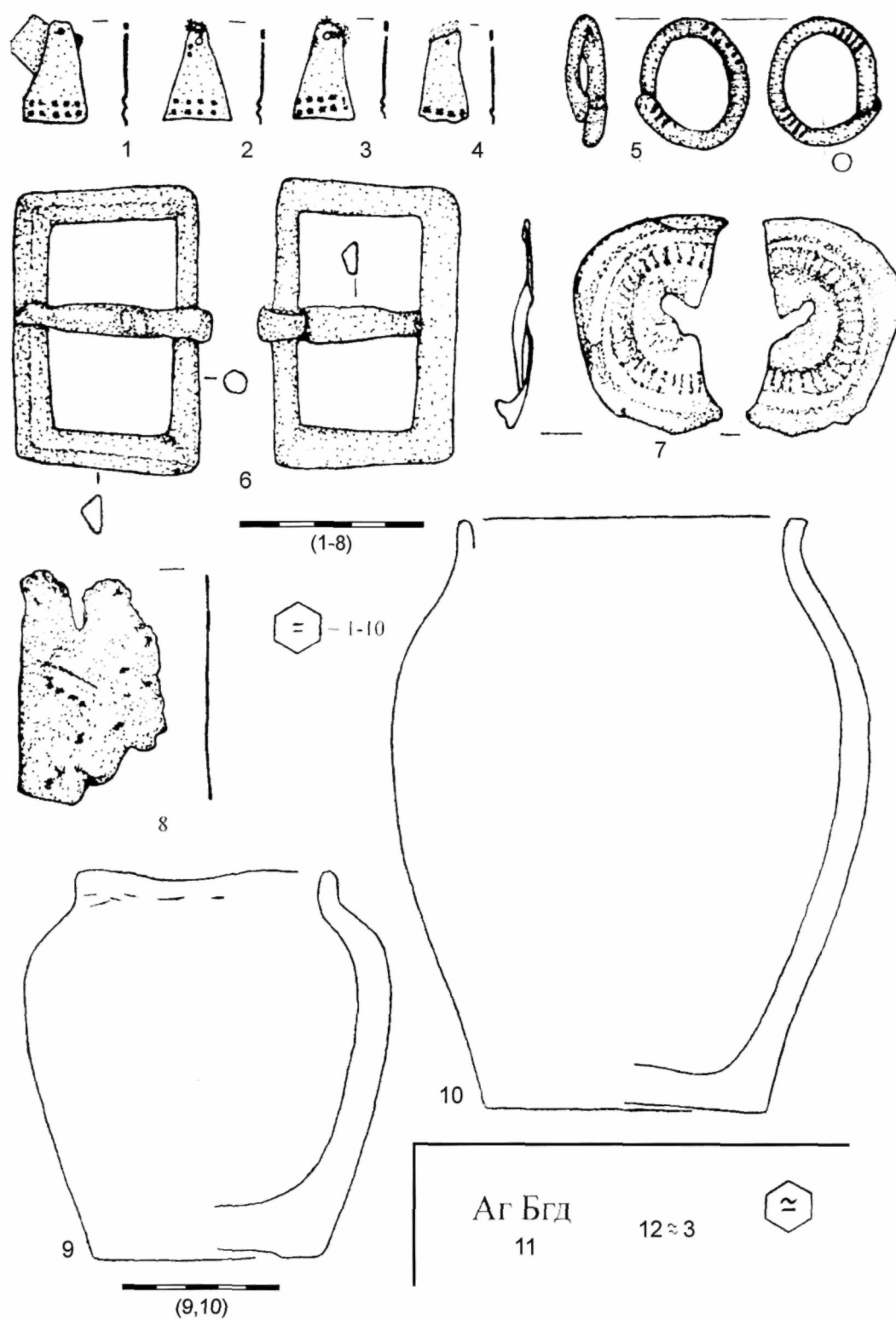

Рис.18. 1-10-Краков Нова Гута, 62А, яма 45; 11, 12 -Мутенице, об. 21.

Abb. 18. Fundmaterial aus den Objekten.

1-10 - Kraków Nowa Huta, FSt 62A, Grabe 45; 11 - Mutěnice, Objekt 21.

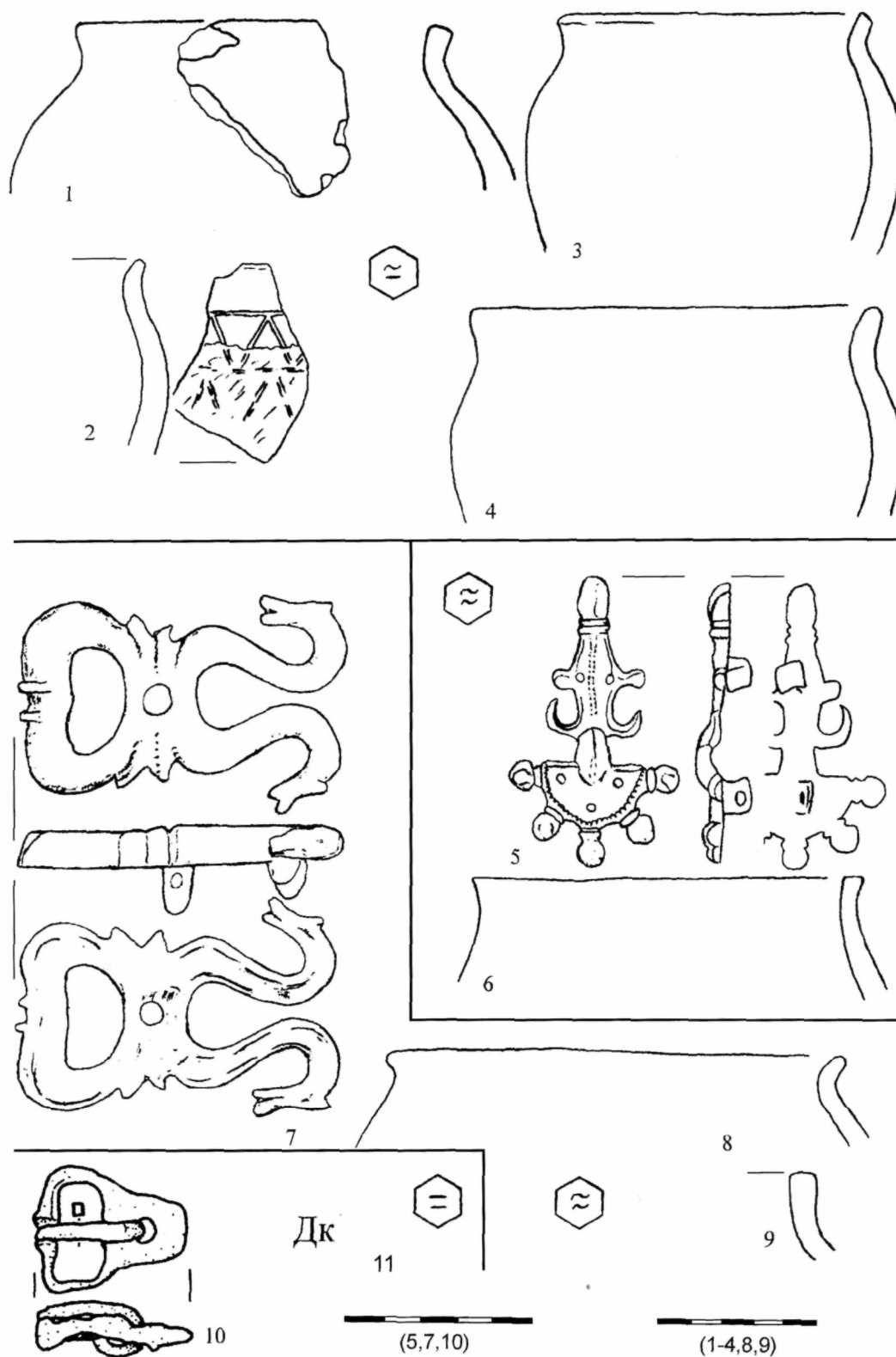

Рис. 19. 1-4 - Краков Нова Гута, 62А, яма 45; 5, 6 - Рашков III, жилище 76; 7-9 - Мутенице, об. 95; 10, 11 - Сэрата-Монтеору, погребение 454.

Abb. 19. Fundmaterial aus den Objekten.

1-4 - Kraków Nowa Huta, Fst. 62A, Grube 45; 5, 6 - Raškov III, Hütte 76; 7-9 - Mutěnice, Objekt 95; 10, 11 - Sărata Monteoru, Grab 454.

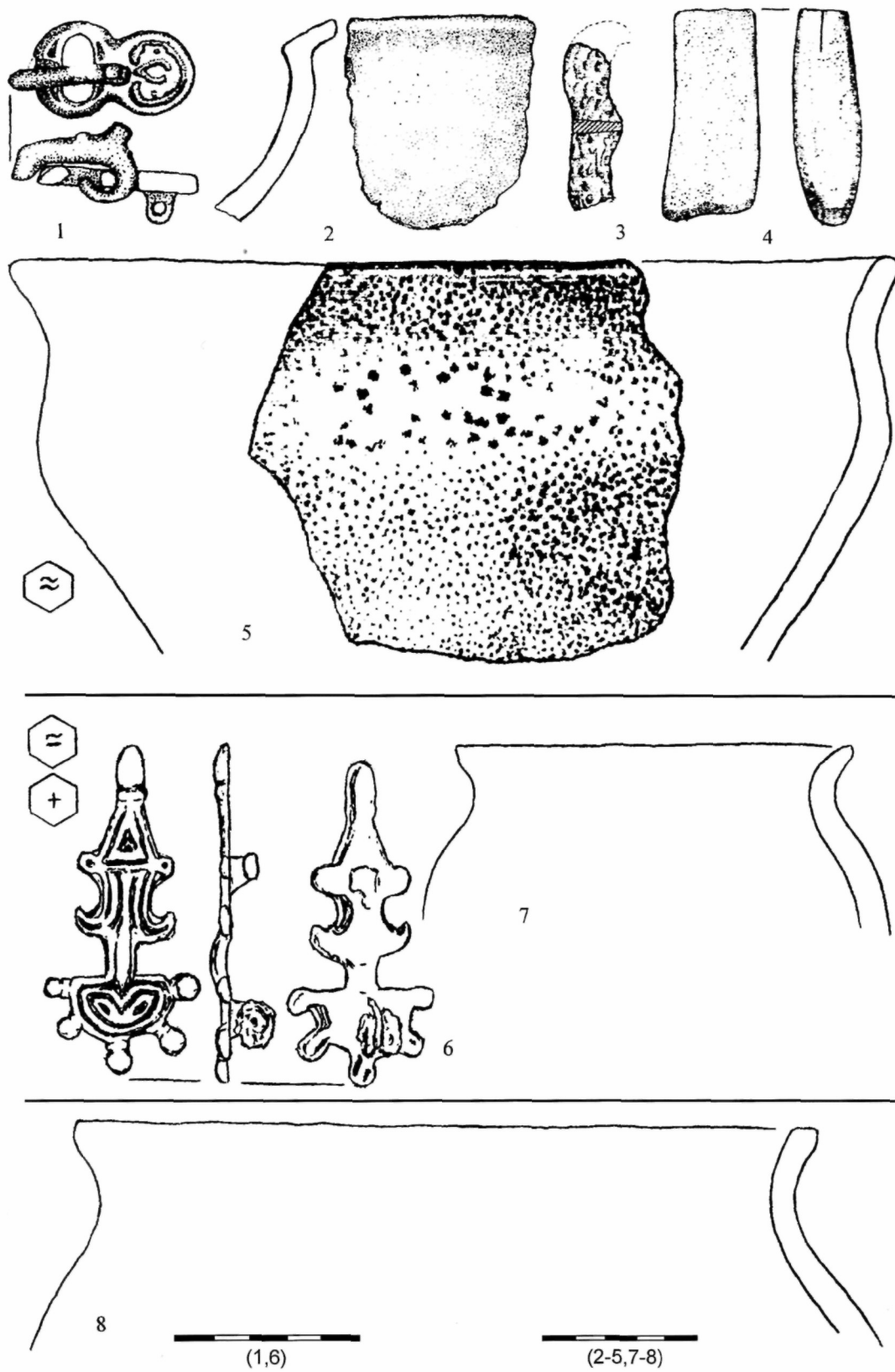

Рис. 20. 1-5 - Ботошана-Сучава, жилище 28; 6-7 - Ханска, полуземлянка 14/1965; 8 - Семенки, постройка VI.
Abb. 20. Fundmaterial aus den Objekten.

1-5 - Botoșana-Suceava, Hütte 28; 6-7 - Chanska, Grabenhaus 14/1965; 8 - Semenki, Fundmaterial aus dem Objekt VI.

1984а, с. 60; 1991). Это не лишено смысла, если давать общую оценку вещи, хотя и не совсем точно. Точнее определение А. И. Айбабина (1990, с. 42), отнесшего находку из Ботошань в варианту 3-1: *цельнолитых пряжек с овальным кольцом*. И комплекс из Перещепины, где такая пряжка представлена более изысканным золотым изделием, и комплексы с более простыми вещами, близкими образцу из Ботошань, датируются около 2-й -3-й четверти VII в. (И. О. Гавритухин, А. М. Обломский 1996, рис. 69:12; 71:5; 72; 90).

Пальчатые фибулы из Рашкова, Демьянова, Великой Слободы, Сушавы-Шипот, Черновки, Ханска (рис. 19:5; 21:4, 11; 22:1; 23:8) принадлежат различным вариантам днестро-дунайской подгруппы пост-восточногерманских пальчатых фибул. В специальной работе я датировал такие вещи в рамках VII в., исключая самое начало и конец этого столетия (И. О. Гавритухин 1991). Неясность проблемы происхождения и контекст комплекса из Бернашовки (см. выше) позволяют отнести нижнюю границу некоторых типов к последним десятилетиям VI в. или рубежу VI и VII вв. Совместная находка фибулы типа Марош-Гымбаш-Пергамон и пряжки типа Сучидава в погребении 113 могильника Братей 3 (L. Bârzu 1991) указывают на наиболее вероятную датировку комплекса около последних десятилетий VI в. Что так же является аргументом в пользу удревнения нижней границы предлагавшихся ранее хронологических рамок. Остальные введенные в научный оборот материалы не дают оснований пересматривать предложенную дату по существу².

Особо следует остановиться на находках из Пастырского городища. С этим памятником связана представительная коллекция фибул, среди которых около десятка принадлежат рассматриваемой подгруппе пальчатых фибул (О. М. Приходнюк 1999). Часть из них является покупками у местных крестьян, другие получены в ходе работ В. В. Хвойки в 1898 и 1901 гг. поскольку точный контекст находок из раскопок В. В. Хвойки не ясен (какая-то часть из них могла быть просто покупками), эти вещи для изучения вопросов хронологии не привлекались. Однако, в 1998 г. одна из таких фибул была найдена в постройке 2, содержащей так же керамику пастырского типа и погибшем, как и все городище, в пожаре (Л. В. Вакуленко, О. М. Приходнюк 1998). Дата пожара на основе нескольких кладов группы 26 определяется в рамках 1-й половины 8 в. (И. О. Гавритухин, А. М. Обломский 1996, с. 53-55, 133-136; О. М. Приходнюк 1999, с. 84-85).

О. М. Приходнюк на основе собственных раскопок и материалов М. Ю. Брайчевского обратил внимание, что в исследованной ими части городища нет

случаев суперпозиции объектов, а потому считает время его существования сравнительно непродолжительным. Исходя из этого, он предположил период сосуществования пальчатых фибул и вещей, характерных для кладов группы 26, датировав его около рубежа VII и VIII вв., что и определяет нижнюю границу памятника (О. М. Приходнюк 1999). При этом, точка зрения о массовом бытовании пальчатых и ранних антропо-зооморфных фибул до конца VII в. базируется на построениях А. К. Амброза и А. И. Айбабина, справедливо синхронизировавших эти вещи с горизонтом Перещепина-Боча. Но в недавнее время был приведен ряд новых аргументов, заставляющих относить древности, представленные в днепровских кладах типа Мартыновки и погребениях круга Боча-Перещепина, ко 2-й и 3-й четвертям VII в. (И. О. Гавритухин, А. М. Обломский 1996; И. О. Гавритухин 2001а, с. 46, 48; 2002а).

Кроме того, среди находок из Пастырского есть фибулы Черняховского круга и причерноморская пальчатая фибула, датируемая около последних десятилетий V - первых десятилетий VI вв. (И. О. Гавритухин 2004). Таким образом, вопрос о времени отложения и соотношении слоев 3-й четверти I тыс. н.э. на Пастырском не столь однозначен. Не исключено, что, слои середины VII в. и более ранние находились в зоне раскопок В. В. Хвойки, возможно, - и в разрушенной или пока не затронутой раскопками части памятника. Много может прояснить и полная, соответствующая современным требованиям, публикация материалов раскопок 1950-х и 1990-х гг. Наконец, среди украшений найденных на Пастырском городище, есть серийные, вполне своеобразные вещи, связанные, как показывает и клад 1992 г., с местным производством. Пальчатые же фибулы принадлежат разным типам, каждый из которых представлен 1-2 находками. Причем, нет оснований, чтобы выделить среди них местные формы, все эти фибулы принадлежат довольно широко распространенным сериям и вариантам. То есть характер вещей горизонта пальчатых фибул явно отличается от круга изделий, связанных с функционированием пастырского центра ювелирного ремесла.

Таким образом, у нас нет надежных оснований, чтобы датировать пальчатые фибулы из Пастырского рубежом VII и VIII вв. Судя по всему, они принадлежат более раннему, пока не выделенному, горизонту этого памятника. В принципе, например для находки 1998 г.,³ нельзя исключить и единичное запоздывание или вторичное использование отдельных образцов таких фибул (ср. о фибуле из Ревно: И. О. Гавритухин 1991, с. 127; И. О. Гавритухин, А. М. Обломский 1996, с. 138). Как бы то ни было, основное время бытования поствосточногерманских пальчатых фибул дунайско-днестровской подгруппы приходится на 1-ю - 3-ю четверть VII в.

Возвращаясь к фибулам из пражских комплексов, отмечу, что сравнительно небольшие образцы с упро-

² A. Haralambieva 1993; A. Хараламбиева 1998; F. Curta 1994; L. F. Vagalinski 1994; О. М. Приходнюк 1999, там другая литература.

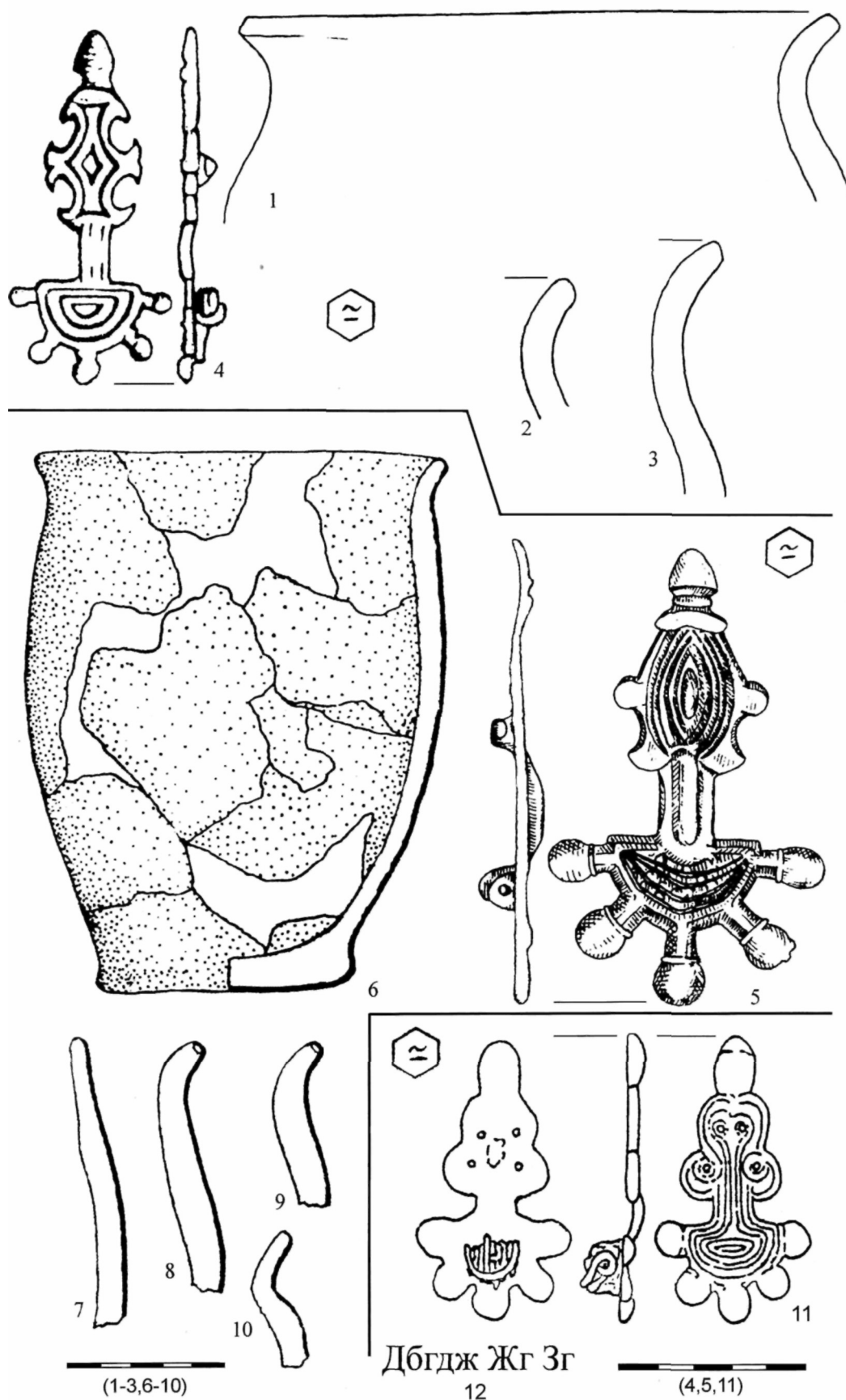

Рис.21. 1-4-Демьянов, жилище 1; 5-10-Яссы, Кручеалуї Ференц, жилище 1/1964; 11-12-Великая Слобода, жилище 63.
Abb. 21. Fundmaterial aus den Objekten.

1-I - Dem'janov, Hütte 1; 5-10- Iași-Crucea lui Ferent, Hütte 1/1964; 11-12-Velikaja Sloboda, Hütte 63.

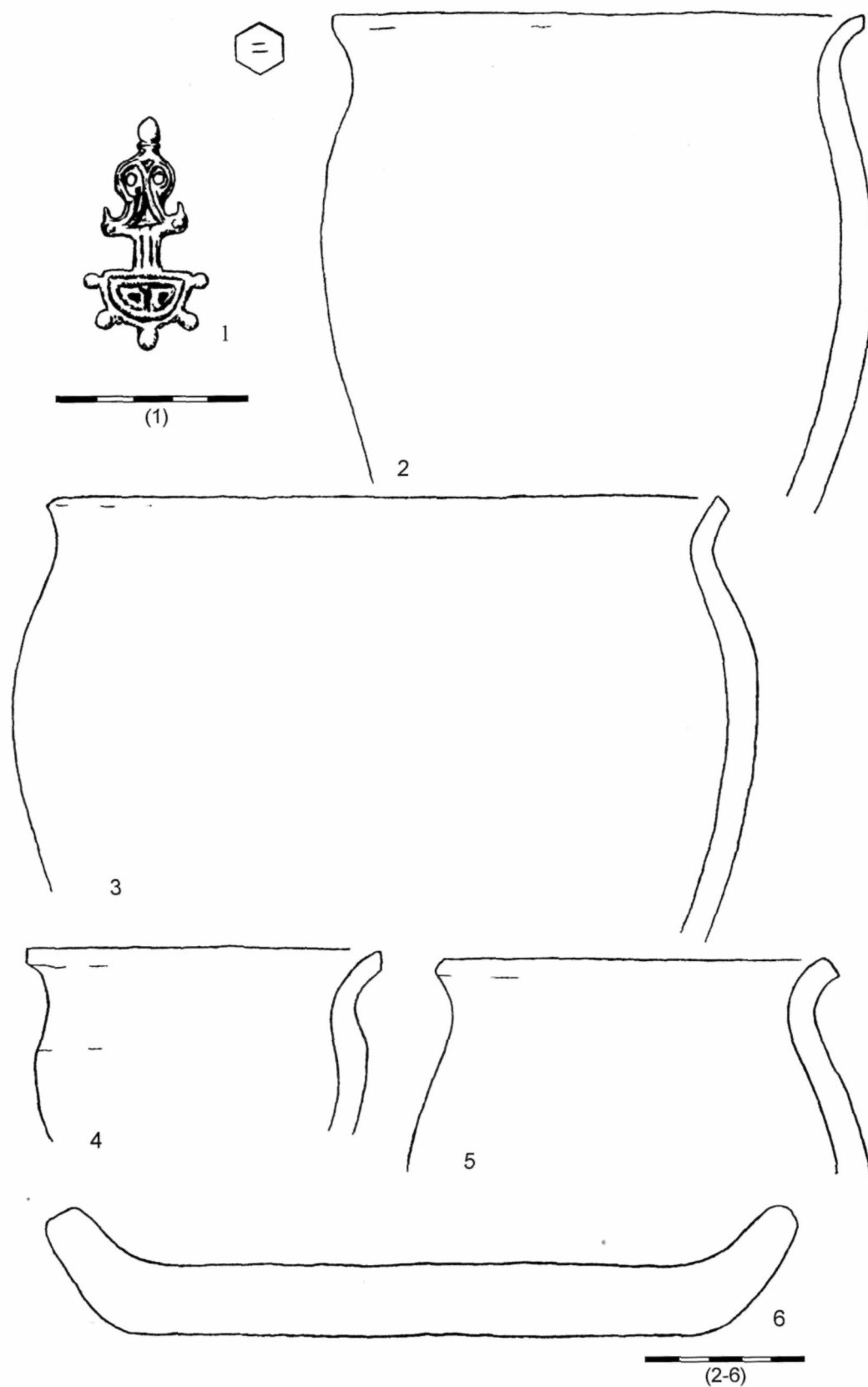

Рис. 22. Черновка I, жилище 5.

Abb. 22. Černovka I. Fundmaterial aus der Hütte 5.

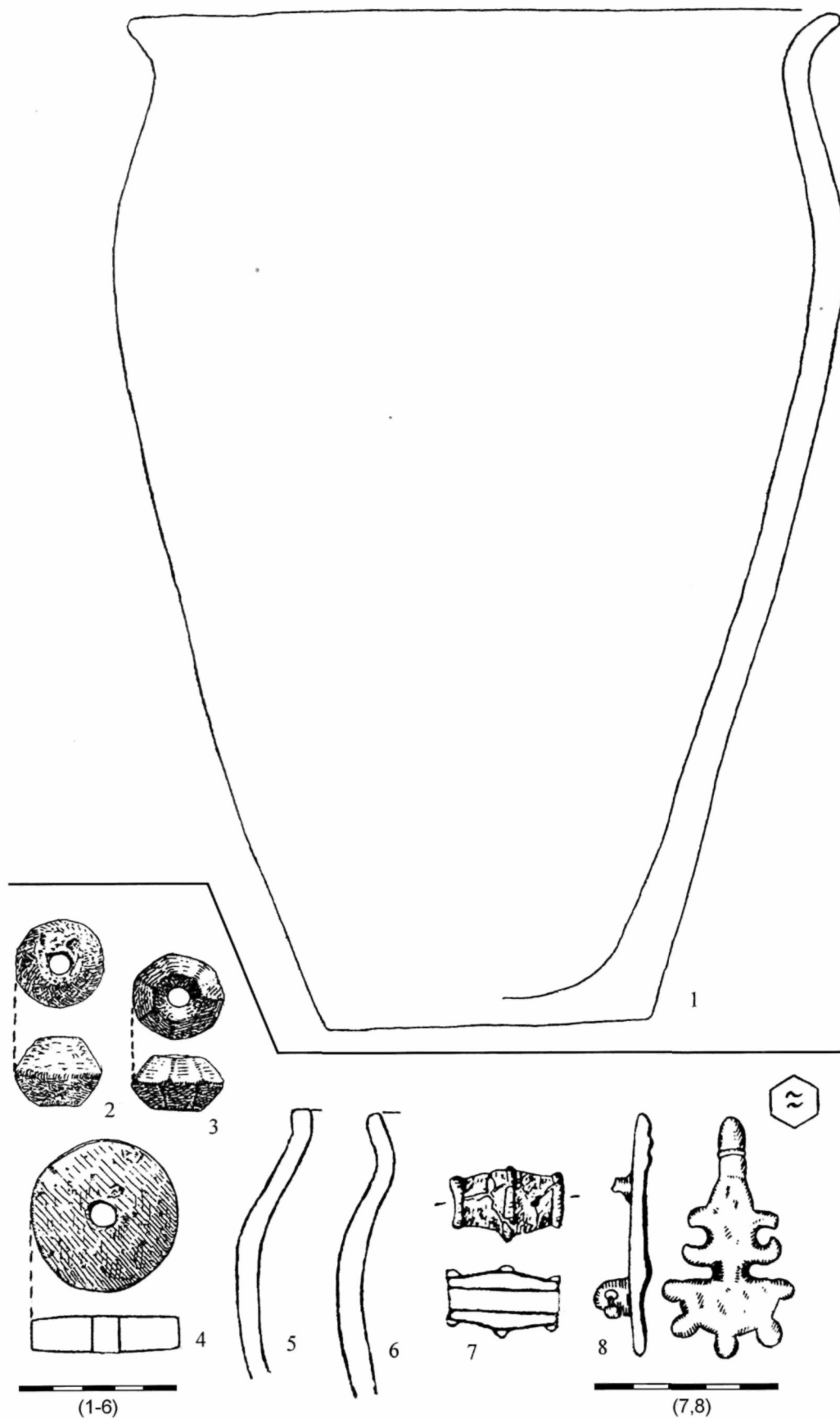

Рис. 23. 1 - Рашков III, жилище 67; 2-8 - Сучава-Шипот, постройка 2/1959.

Abb. 23. Fundmaterial aus den Objekten.

1 - Raškov III, Hütte 67; 2-8 - Suceava Șipot, Hütte 2/1959.

ценными деталями и уплощенной дужкой (рис. 21:11; 22:1; 23:8) выглядят, на фоне прочих изделий подгруппы, типологически более поздними, а экземпляр из Рашкова (рис. 19:5) - сравнительно более ранним. Однако, для уточнения на этом основании абсолютной датировки комплексов мы имеем еще не достаточно материала.

Фибула из Кручеа луй Ференц (рис. 21:5) своеобразна, но практически все показательные детали этого образца находят параллели среди рассмотренных выше поствосточногерманских фибул дунайско-днестровской подгруппы.

Пražская керамика известна и в комплексах с браслетами, имеющими массивные расширенные подграненные концы (рис. 24:1, 3). Аналогии этим вещам датируются довольно широко. Например, на могильнике Плинкайгалис в Литве схожие вещи массово представлены в комплексах как V, так и VI вв.³ Однако, в южной части Восточной Европы оснований для столь ранней датировки похожих вещей нет (некоторые из приведенных В. Д. Бараном (1988, с. 22) аналогий отличаются по ряду деталей). Близкие находки в Поднепровье и Повисленье иногда встречаются в неясном для датировки контексте, например в Шелигах, Зимно (см. о них приложение к каталогу), в Максимовке (И. О. Гавритухин 2004). Есть подобные браслеты и в составе днепро-ских кладов (см. список по И. О. Гавритухин, А. М. Обломский 1996, рис. 63 и публикации по Г. Ф. Корзухина 1996). Причем, браслеты с чуть уплощенными орнаментированными концами (как рис. 24:1) представлены лишь в днепро-ских кладах группы 1 (типа Мартыновского, датируемых около 2-й -3-й четверти VII в. по И. О. Гавритухин, А. М. Обломский 1996). Не орнаментированные шестигранные браслеты (как рис. 24:3) известны как в тех же кладах, так и в более поздних (например в Харьевском).

В целом, шестигранные браслеты с неорнаментированными концами являются довольно широко распространенным типом. Однако, можно легко указать целый ряд синхронных памятников и культур, где при значительной выборке браслетов такие вещи не известны. Сравнительно не много аналогий известно и браслету из Рашкова (рис. 24:1). Таким образом, при суммарном подходе интересующие нас браслеты едва ли могут быть надежными хронологическими реперами. Но, вероятно, это станет возможно, если учитывать культурную и локальную специфику распространения этих вещей. Однако, такая работа для браслетов Восточной и Центральной Европы еще не сделана.

Серьга из Семенок (рис. 25:1) принадлежит группе „звездчатых“ серег, довольно широко распространенной в раннем средневековье. На уровне „узкого“

варианта аналогов этой вещи мне не известно. Стилистически ей ближе всего некоторые серьги из Пастырского (Г. Ф. Корзухина 1996, табл. 37:5, 8; 38:4-6, 8,9). Прототипами этой серии, судя по всему, послужили серьги, известные в днепровских кладах группы 2а и на Пастырском (Г. Ф. Корзухина 1996, табл. 1:2; 24:2; 26:4-8; 37:2-4; 38:2, 10). А их дериваты представлены в Зайцевском кладе, относящемся к группе 2б, и среди находок из Поднепровья (Г. Ф. Корзухина 1996, табл. 106:1,2; 91:4-7). Выпадение кладов группы 2б, как и гибель Пастырского городища, происходит в 1-й половине VIII в. (И. О. Гавритухин, А. М. Обломский 1996, с. 133-134,136). Клады группы 2а, судя по всему, более ранние, во всяком случае, их состав фиксирует наиболее ранние типы или прототипы вещей, которые можно связывать с функционированием пастырского ювелирного центра. Формирование этого центра можно частично синхронизировать со временем распространения вещей, представленных в кладах 1-й группы (типа Мартыновского) или относить к эпохе, наступившей сразу же после их выпадения (И. О. Гавритухин, А. М. Обломский 1996, с. 55), то есть в рамках 2-й половины VII в. Соответственно, дата серег, близких найденной в Семенках, может быть определена в пределах последних десятилетий VII - первых десятилетий VIII вв. или чуть шире.

Датировка фибулы из Бенцина (рис. 26:3) в рамках 650-750 гг. среди специалистов общепризнанна (K.-D. Gralów, J. Parchau 1984; S. Brather 1996, там литература). Так же не вызывает дискуссии и датировка фибулы из Прютцке (рис. 26:1) около 700 г. или в рамках конца VII - 1-й половины VIII вв.⁴

Комплексы с датирующими вещами и некоторые вопросы изучения пражской культуры

У ряда авторов, писавших о происхождении пражской культуры или о зоне достоверных славянских памятников гуннского времени, одним из аргументов в пользу включения Поднепровья в состав „ядра“ „исторических славян“ была концентрация здесь комплексов пражской культуры с вещами 5 в. Истоки этого заблуждения вполне очевидны. Достаточно посмотреть на карту (рис. 27А), чтобы убедиться, в том, что здесь же известна значительная часть вещей VI и VII вв., встреченных в комплексах с керамикой пражского типа. Само же Поднепровье является лишь частью зоны концентрации датирующих находок, охватывающей пространство к северу от Нижнего Подунавья. Эта картина легко объяснима. Во-первых, в этой зоне происходили наиболее интенсивные контакты славян с соседями,

³ V. Kazakevičius 1993, pav. 102:15-16; 109:13; 114:6; 125:5; 130:9; 131:5; 137:14; 144:1-3; 161:4-5; 162:7,8; 187:3, 5, 17; 201:8, 9, 12; 202:14.

⁴ W. Unverzagt 1960; H. J. Brachman 1983, с. 40, 59; S. Brather 1996; И. О. Гавритухин 1997а, с. 49, там литература.

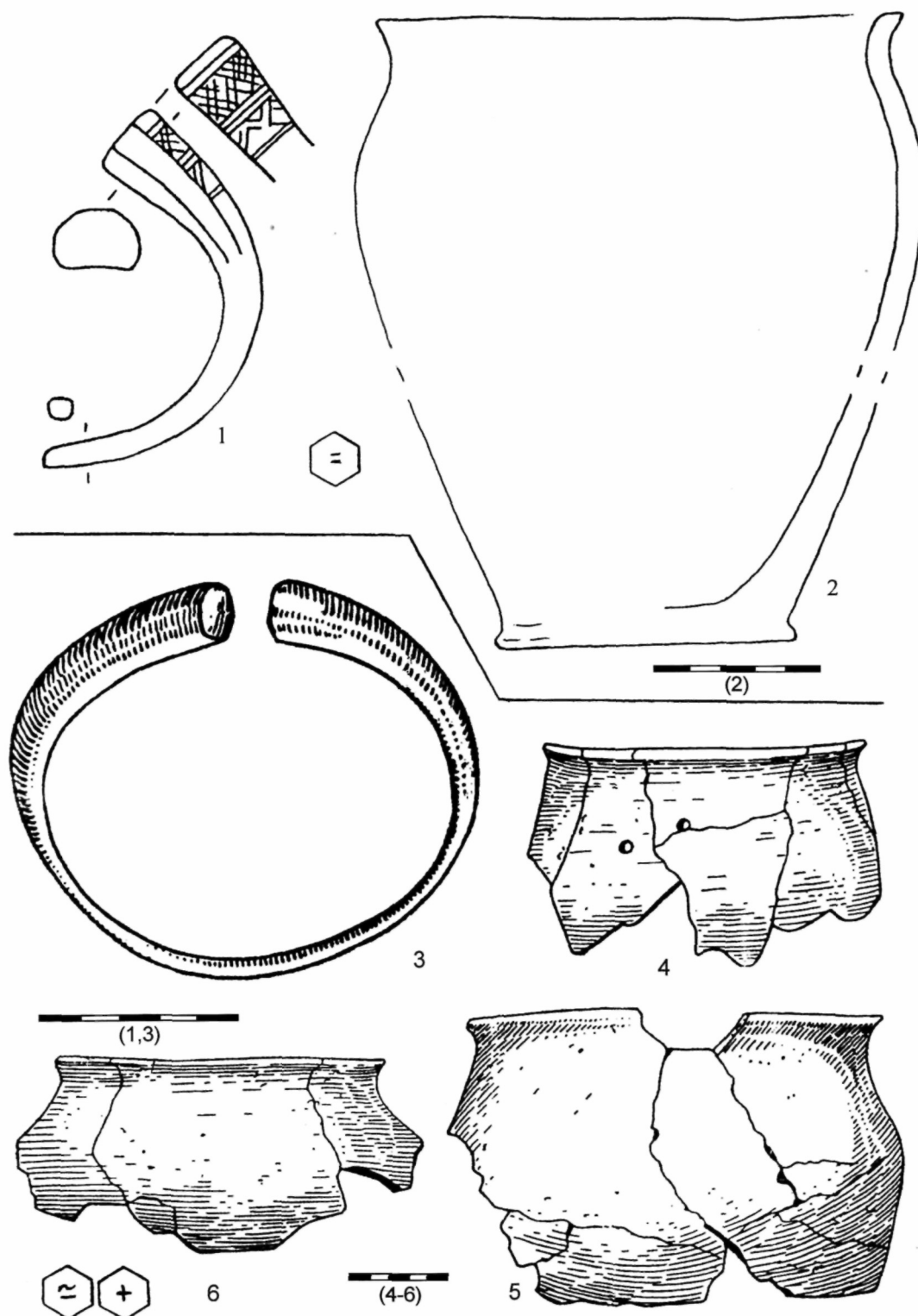

Рис. 24. 1,2- Рашков III, жилище 67; 3-6 - Скибинцы, жилище 2.

Abb. 24. Fundmaterial aus den Objekten.

1,2- Raškov III, Hütte 67; 3-6 - Skibincy, Hütte 2.

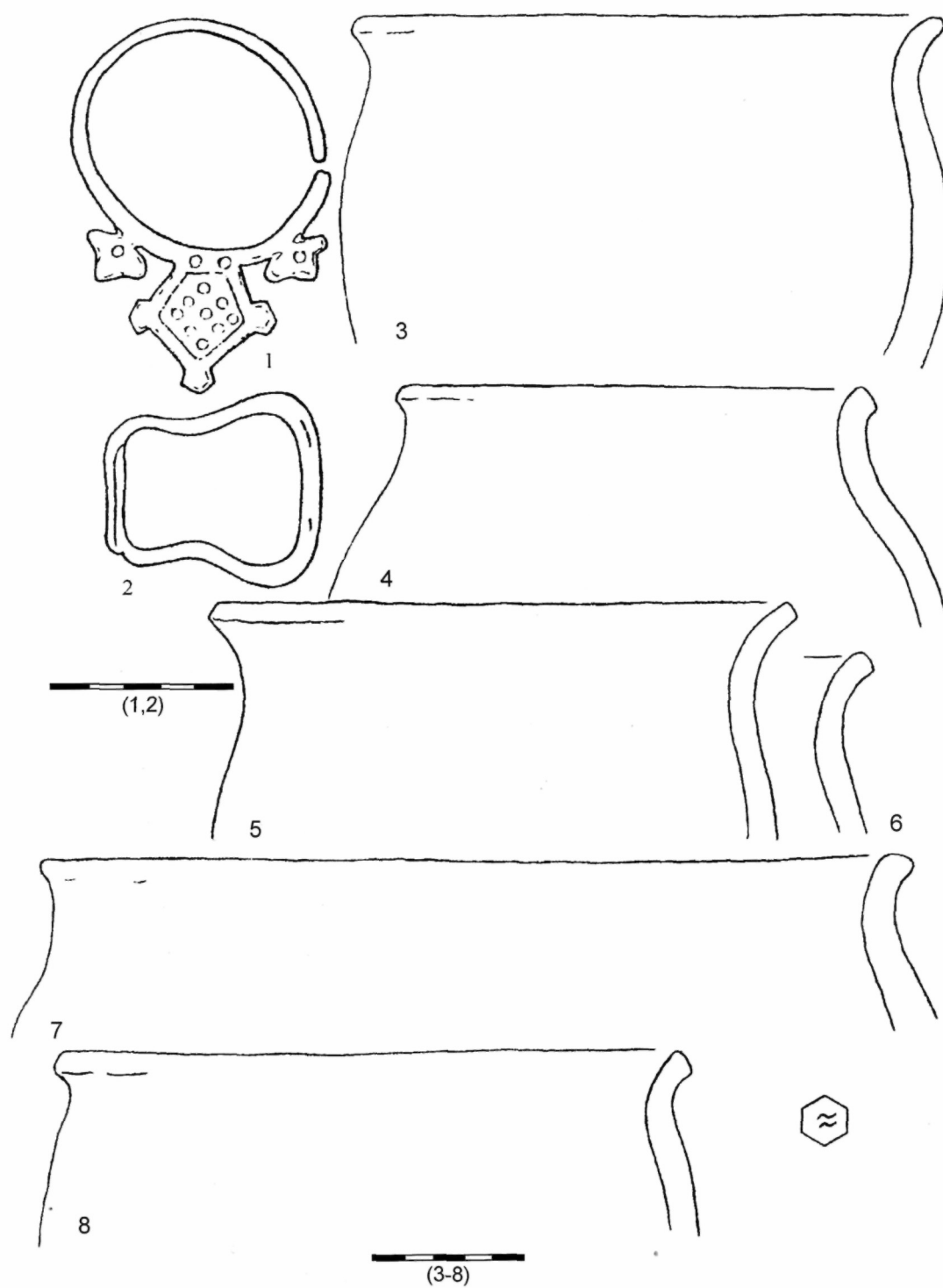

Рис. 25. Семенки, постройка VI.

Abb. 25. Semenki. Fundmaterial aus dem Objekt VI.

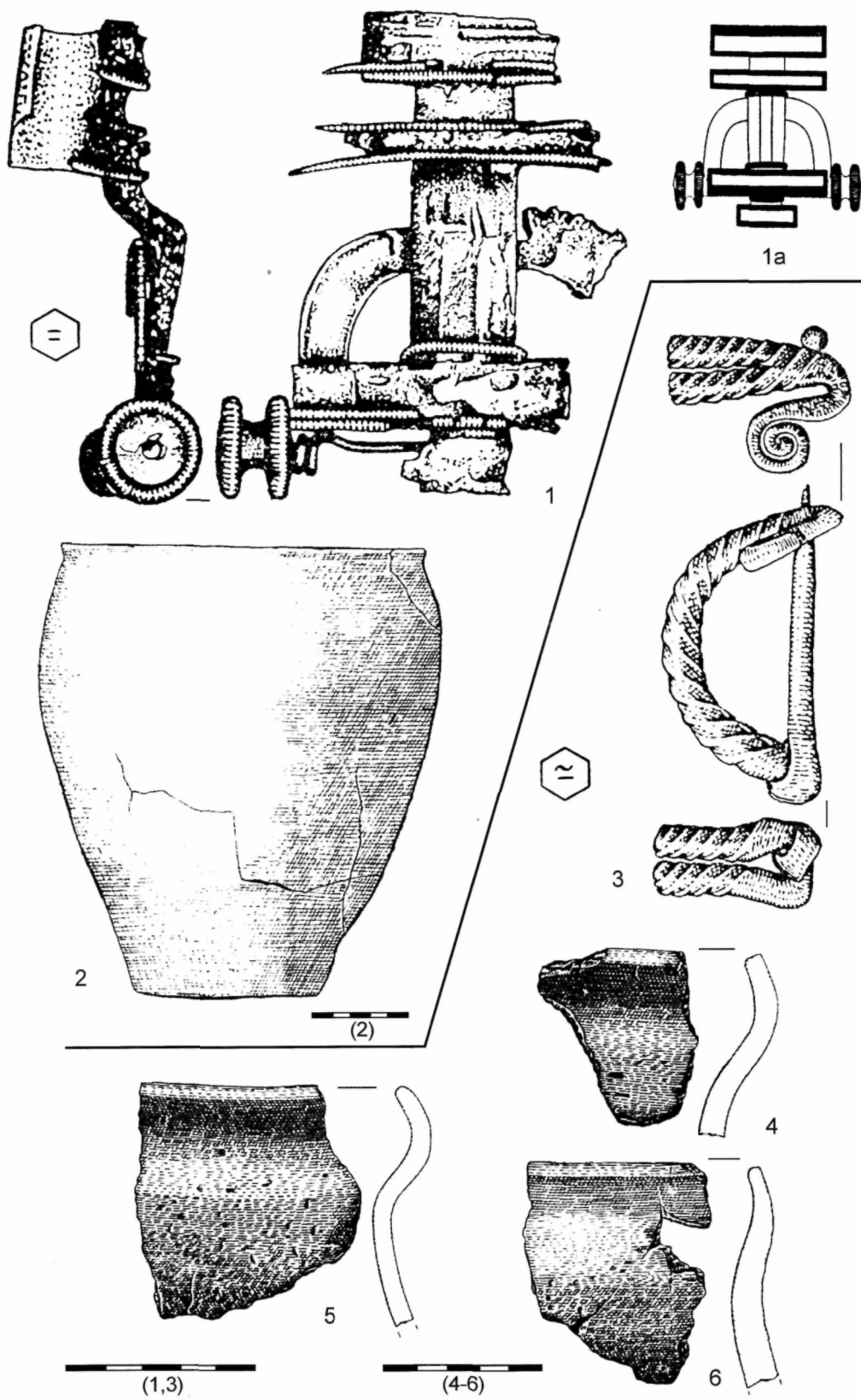
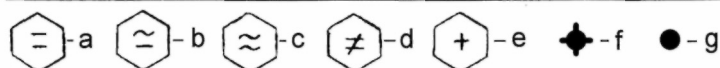
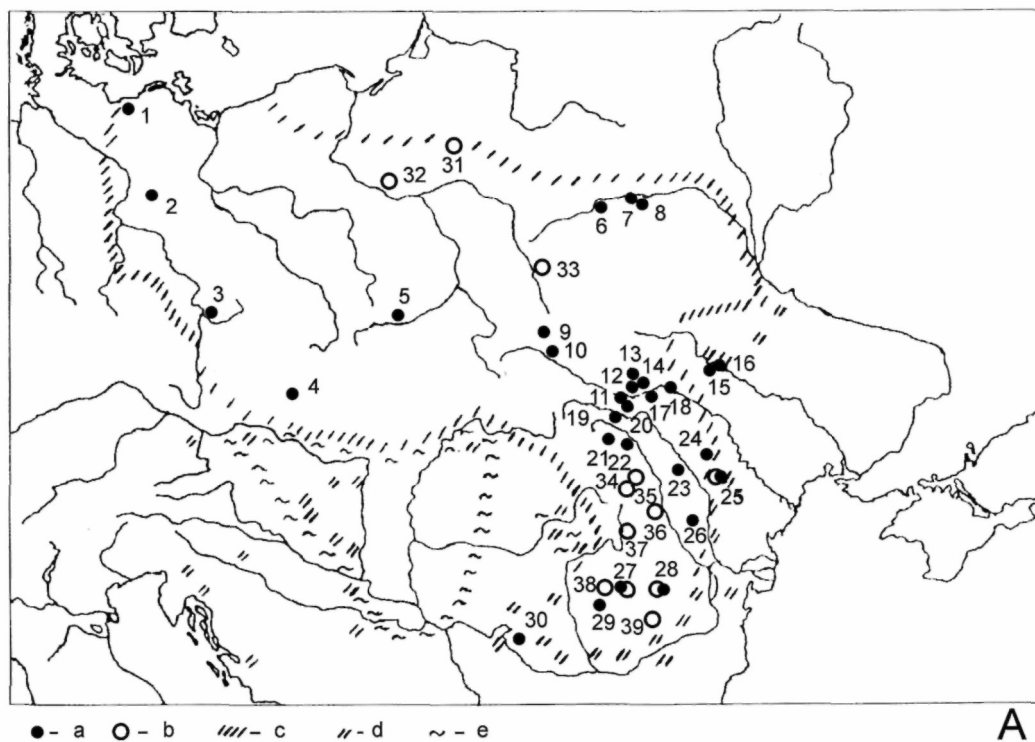

Рис. 26. 1,2- Прютцке, погребение 2; 3-6 - Бенцин, сооружение 1983 г.

Abb. 26. Fundmaterial aus den Objekten.

1,2- Prützke, Grab 2; 3-6-Benzin, Objekt von 1983.

1	Типы профилировки	2												
		Варианты моделировки венчиков												
		а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н
I		∧	∧	∧	∧	∧	∧	∧	∧	∧	∧	∧	∧	∧
II	A B В Г Д Е Ж З	∧	∧	∧	∧	∧	∧	∧	∧	∧	∧	∧	∧	∧
III		∧	∧	∧	∧	∧	∧	∧	∧	∧	∧	∧	∧	∧

Рис. 27. А. Распространение памятников пражской культуры с датирующими вещами.

а - наличие документированных комплексов; б - комплексы без необходимой документации; с - границы пражской культуры; д - компоненты пражской культуры в зонах других культур; е - зоны неславянских памятников Среднего Подунавья.

1 - Бензин; 2 - Прютцке; 3 - Козлы; 4 - Мутенице; 5 - Краков; 6 - Остров; 7 - Хорек; 8 - Хотомель; 9 - Березец; 10 - Демьянов; 11 - Рашков; 12 - Лука Каветчинская; 13 - Великая Слобода; 14 - Бакота; 15 - Семенки; 16 - Скибинцы; 17 - Теремцы; 18 - Бернашовка; 19 - Кодын; 20 - Черновка; 21 - Ботошана; 22 - Сучава; 23 - Яссы; 24 - Селиште; 25 - Ханска; 26 - Додешть; 27 - Будуряска; 28 - Сэрата-Монтеору; 29 - Бэлень-Ромэнь; 30 - Балта-Верде; 31 - Хачки; 32 - Шелиги; 33 - Зимно; 34 - Давиден; 35 - Борниш; 36 - Бакэу; 37 - Поян; 38 - Тыргшору Вехи; 39 - Бухарест

Abb. 1. A. Verbreitung von Fundstellen der Prager Kultur mit datierenden Fundstücken.

а - dokumentierte Fundkomplexe; б - Fundkomplexe ohne verlässliche Dokumentation; с - Verbreitungsumfang der Prager Kultur; д - Elemente der Prager Kultur in den anderen Kulturgebieten; е - Zone der nicht slawischen Funde im mittleren Donaugebiet.

1 - Benzin; 2 - Prützke; 3 - Kozly; 4 - Mutenice; 5 - Kraków; 6 - Ostrov; 7 - Chorsky; 8 - Chotomel'; 9 - Berezec; 10 - Dem'janov; 11 - Rakom; 12 - Luka Kavetčinskaja; 13 - Velikaja Sloboda; 14 - Bakota; 15 - Semenki; 16 - Skibincy; 17 - Teremcy; 18 - Bemašovka; 19 - Kodyn; 20 - Černovka; 21 - Botoșana; 22 - Suceava; 23 - Iași; 24 - Seliște; 25 - Chanska; 26 - Dodești; 27 - Budureasca; 28 - Sărata Monteoru; 29 - Băleni-Români; 30 - Balta Verde; 31 - Hački; 32 - Szeligi; 33 - Zimne; 34 - Davideni; 35 - Bomiș; 36 - Bacău; 37 - Poian; 38 - Tîrgșor Vechi; 39 - București

а, следовательно, и более активное заимствование и использование ряда инокультурных вещей, показательных для датировки. Во-вторых, по количеству изученных раскопками памятников эта зона значительно превосходит регионы в бассейне Припяти, Вислы или Эльбы. Лишь в 1987 г. А. А. Егорейченко было раскопано, а в 1991 г. - опубликовано поселение Остров, где пражская керамика была найдена с вещами финала римского времени (рис. 1, 28, 29 и каталог). Тогда стало возможно возражать против механической ссылки на ранние находки в Поднестровье не только с точки зрения методической слабости, но и опираясь на конкретный пример.

Материалы пражской культуры из ряда построек в Бернашовке, в том числе, найденные вместе с „Черняховской“ фибулой (рис. 2:13, 14; подробнее см. И. О. Гавритухин 2000а, с. 78-80) подтвердили реальность сдвиги нижней границы пражской культуры в VI-й в. Важно было и то, что морфологические характеристики сосудов из ранних комплексов с пражской керамикой в Бернашовке имеют очень близкие соответствия среди материалов из Острова (ср. рис. 2:15 и рис. 1, 28, 29 по признакам на рис. 27С). Все это позволило с достаточной степенью уверенности говорить о фазе „0“ пражской культуры не только на основе находок датирующих вещей, но и по особенностям керамического комплекса (И. О. Гавритухин 19976; 2000а, там ссылки на более ранние работы).

Не обычное название раннего горизонта („фаза 0“) связано с тем, что общее представление об эволюции керамики пражского типа, как и отражающее эту эволюцию номенклатура, в 1970-1980-х гг. были уже сформулированы крупнейшими знатоками этих древностей. Анализ материалов из Кодына в контексте других памятников пражской культуры позволил И. П. Русановой говорить о трех фазах развития пражской культуры, в целом, соответствующих особенностям периодов I-III, выделенных на памятниках Буковины (И. П. Русанова 1976, с. 21-36; И. П. Русанова, Б. А. Тимошук 1984а; 1984б, с. 23-28). К близким выводам пришел и В. Д. Баран (1988) при рассмотрении материалов из Рашкова в контексте памятников Поднестровья и Восточного Прикарпатья. В итоге, к концу 1980-х гг. выделение периодов I-III пражской культуры, как и основные реперы в их

понимании, стали среди большинства специалистов из Восточной Европы практически общепризнанными. Поэтому, выделенные в 1990-х гг. пражские памятники, предшествующие эталонам фазы I из Кодына и Рашкова, пришлось обозначать как фазу „0“ (впервые-А. М. Шавкопляс, И. О. Гавритухин 1993).

Выделением памятников IV - начала V вв. проблема происхождения пражской культуры не исчерпывается. В ходе недавних раскопок В. С. Вергей на поселении Петриков в Припятском Полесье (материал готовится к публикации; я благодарен В. С. Вергей за возможность познакомиться с ним) была получена коллекция керамики, типологически еще более архаичная, чем представленная на поселении Остров и синхронных ему памятниках. Таким образом, с учетом наблюдений Н. В. Лопатина и А. М. Обломского над особенностями памятников типа Абидни (см. А. М. Обломский 2005, там литература), тезис о Полесье как зоне формирования пражской культуры (И. О. Гавритухин 19976; 2000а) кажется наиболее предпочтительным. С другой стороны, достаточно очевидно, что пражская культура не является прямым продолжением памятников типа Абидни, хотя эти древности, судя по всему, принадлежат родственным традициям. „Протопражские“ памятники еще предстоит выделить, а характеристика и датировка их особенностей и этапов развития на протяжении 1-й половины I тыс. н.э. остается делом будущего.

Действительное значение датирующих вещей V в., достоверно связанных с комплексами пражской культуры, заключается в том, что на их основе случае удастся получить типологические реперы - эталоны для выделения всего горизонта памятников пражской культуры этого времени. А это позволяет очертить зону расселения славян в период, предшествующий их появлению у лимеса Империи. С другой стороны, эти памятники важны для решения вопросов о соотношении пражской культуры и древностей ее предшественников в зоне первых миграций славян.

Впервые эти вопросы на уровне современных требований были рассмотрены И. П. Русановой. Показательно, что в книге 1973 г. она писала о возможности датировать VII веком ряд памятников пражской культуры, содержащих типологически

В. Условные знаки к таблицам 2-34.

a - надежный комплекс; b - комплекс, не вызывающий особых сомнений; c - вероятно, комплекс; d - принадлежность комплексу маловероятна; e - в комплексе присутствуют и другие материалы; f - керамика, изготовленная на быстром круге; g - керамика, изготовленная на медленном круге и „обточенная“.

B. Erklärung der Symbole in den Abbildungen 2-34.

a - gesicherter Fundkomplex; b - keine größeren Bedenken erweckender Fundkomplex; c - vermutlicher Fundkomplex; d - wenig wahrscheinliche Zugehörigkeit zum Fundkomplex; e - im Fundkomplex auch anderes Material vorhanden; f - auf schnell rotierender Töpferscheibe gefertigte Keramik; g - auf langsam rotierender Töpferscheibe gefertigte (nachgedrehte) Keramik.

C. Шифры и образцы вариантов венчиков керамики пражской культуры, использованные для описания не опубликованных комплексов

C. Muster und Symbole von Formen der oberen Gefäßpartien (1) und der Randformvarianten (2) der Prager Kultur, in den Abbildungen in Bezug auf die unpublizierten Fundkomplexe verwendet werden.

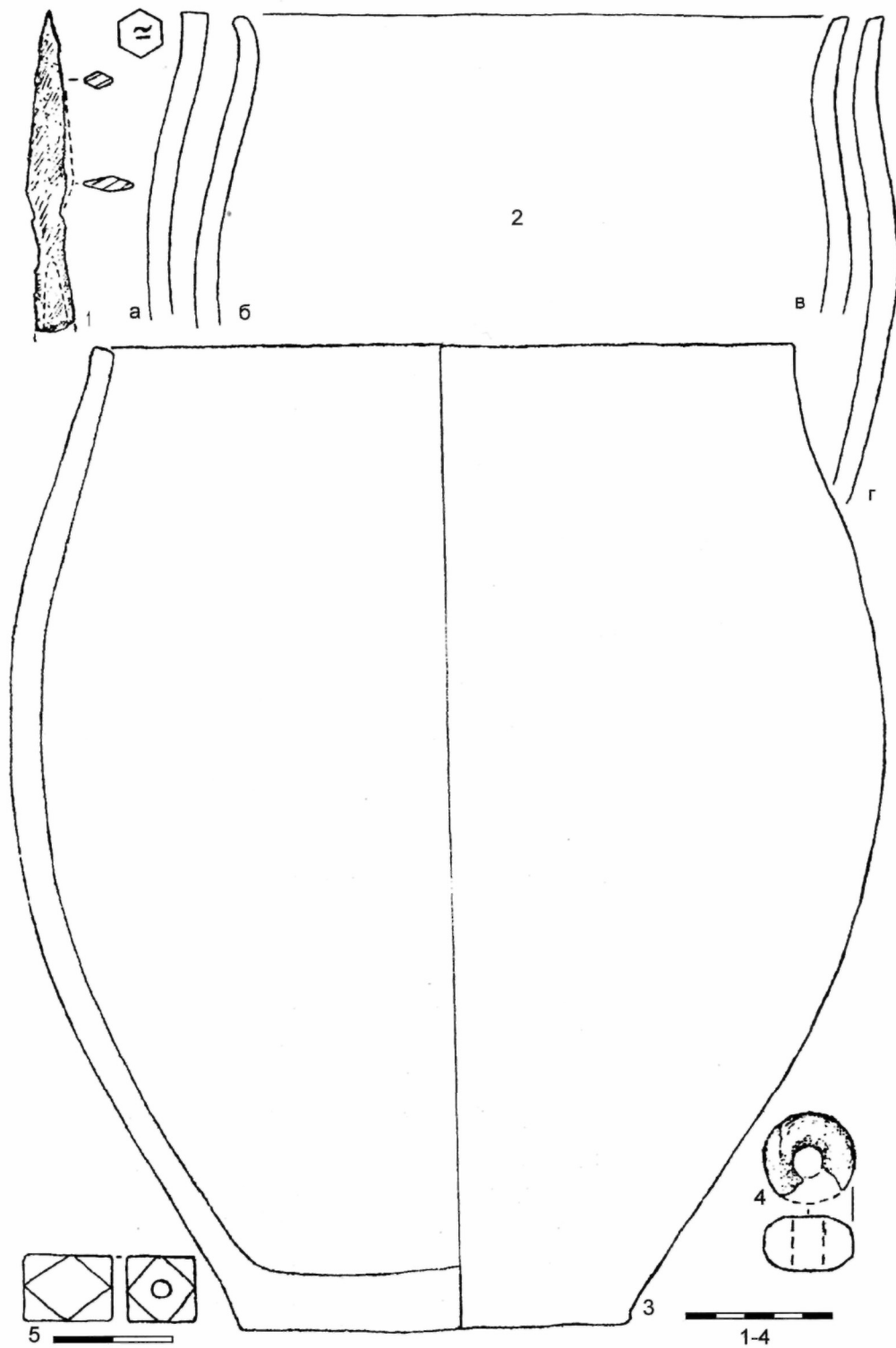

Рис. 29. Остров. Жилище 3.

Abb. 29. Ostrov. Fundmaterial aus dem Wohnobjekt 3.

поздний набор вариантов венчиков сосудов. В отношении же более архаичных комплексов можно было утверждать, что они относились к VI в. Лишь раскопки в Кодыне, где были найдены датирующие находки V в., позволили получить надежный репер для выделения всего горизонта славянских памятников этого времени. Кроме ряда пунктов на территории Украины, к этому горизонту был отнесен и представительный набор памятников с территории Польши (И. П. Русанова 1976, с. 176-177, 199; 1978). Состав наиболее ранних памятников пражской культуры в Польше, представленный М. Парчевским, за единичными исключениями, близок тому, что предложила И. П. Русанова (М. Parczewski 1988, с. 102-104). Рассмотрение этих материалов по предложенной мной классификации привело к схожим результатам (И. О. Гавритухин 1997б, с. 43; 2000а, рис. 1,2).

Исследование Г. Фусека убедительно показало, что комплексы, типологически сходные с ранними пражскими памятниками на территории Польши, есть и в Словакии (G. Fusek 1994, с. 92 и др., там литература). Можно указать комплексы с керамикой, имеющей близкие характеристики, в Восточной Германии и на Нижнем Дунае (И. О. Гавритухин 1997б, с. 43-45). Таким образом, пласт древностей, типологически близкий ранним находкам в Кодыне, оказался не чужд территориям, где появление славян относится ко времени не ранее финала V или даже первых десятилетий VI вв. Это подтверждается и комплексами с датирующими находками. Особенно показательны материалы из Луки Каветчинской с фибулой конца V - начала (1-й половины?) VI вв. (И. О. Гавритухин 2003; рис. 6:1-9).

Расхождение приведенных материалов с первоначальными оценками кодынских комплексов („эталон V в.") кажущееся. Дело в том, что периоды развития пражской культуры не соответствуют рамкам календарных столетий. Упомянутые материалы действительно отражают один этап в истории славян, относящийся не к „V" или „VI" столетиям, а датируемый в рамках от середины V до 1-й половины или середины VI вв. (весь корпус оснований для датировки и показательные особенности керамики - см. И. О. Гавритухин 1997б, с. 43-45; 2000б).

Сказанное не снимает проблему выделения обособленного горизонта славянских древностей, отражающего очень важный в истории Европы период между финалом римского времени - началом эпохи великого переселения народов (фаза 0 пражской культуры: IV - начало V вв.) и, в основном, „постгуннской" эпохой (фаза I: с середины - 2-й половины V вв.). Можно указать на ряд комплексов пражской культуры с датирующими находками, с разной степенью достоверности относящиеся к гуннскому времени (рис. 2:1-13). Правда, некоторые из них либо позволяют более широкую датировку (рис. 2:7-9; возможно, рис. 10 и некоторые другие), либо не достаточно выразительны или не полностью достоверны

(как рис. 2:11, 12). Поэтому, в настоящее время выделение горизонта славянских памятников гуннского периода базируется, прежде всего, на оценке локальных шкал керамических комплексов пражской культуры и анализе зон концентрации дославянских памятников 1-й половины V в. Общая систематическая характеристика этого горизонта пражской культуры (получившего название „фаза 0/1"), сопоставимая с оценками фаз 0 или I, пока затруднена и в некоторых вопросах спорна (И. О. Гавритухин 1997б, с. 45-46). Насколько соответствуют реальности нынешние представления о составе памятников этого времени (И. О. Гавритухин 2000а) покажут более детальные исследования и новые материалы.

Понимание характера и механизма взаимоотношений расселяющихся славян и местного населения важны не только для освещения многих важнейших проблем славянской истории. Здесь есть и особые аспекты, важные для изучения хронологии. Во-первых, это вопрос о датировке специфических локальных форм и модификаций керамики пражской культуры, а так же их месте в эволюции набора, характеризующего культуру. Во-вторых, это - оценка влияния традиций субстратного населения и соседей на характер, ритм, направление развития керамических форм у славян.

Выше уже отмечалось, что состав и характер модификаций посуды пражской культуры в комплексах фазы 0 близок у памятников, даже расположенных весьма далеко друг от друга и отличающихся по ряду особенностей строительных традиций (например Остров и Бернашовка). Кроме того, практически все специалисты по пражской культуре, не смотря на различия использованных ими типологических систем, констатируют схожесть важнейших тенденций в изменении набора модификаций сосудов у разных, зачастую весьма отдаленных и едва ли контактировавших между собой территориальных групп славян. Территориальная и количественная ограниченность комплексов с вещами V-VI вв. пока не позволяет продемонстрировать это с безусловной очевидностью. Тем не менее, если учитывать всю сумму оснований для датировки керамических комплексов, имеющих сходные характеристики, выделение горизонтов (фаз) пражской культуры как целого представляется вполне реальным (И. О. Гавритухин 1997б; G. Fusek 1994, с. 91-110). Единичные специфические модификации керамики и другие неизбежные локальные особенности не только не меняют ситуации, но, как правило, вполне вписываются в общую картину.

Понятно, что единство „исходного" набора посуды и тенденций его развития свидетельствует о сравнительно компактной зоне формирования пражской культуры. По мере расселения потенциал этого единства слабел. Поэтому типологическая близость керамических комплексов на ранних этапах развития культуры с большей степенью надежности отражает

именно хронологическую близость. При этом, конкретно оценить скорость смены форм посуды или ряд особенностей состава комплексов на разных территориях можно только опираясь на анализ локальных хронологических шкал. Специфика пражской культуры такова, что комплексы с датирующими вещами в решении этой будут проблемы играть вспомогательную, хотя и важную, роль.

Корректная постановка вопроса о влиянии субстратных традиций на эволюцию пражской культуры возможна лишь если понимать пражскую культуру, с одной стороны, как этнографическую общность, заданную единством происхождения ее носителей, с другой стороны, как отражение процессов в ходе славянских миграций. Именно такой подход позволил И. П. Русновой впервые жестко сформулировать вопрос о выделении „типологического ядра“ пражской культуры и „чужеродных“ традиций. На конкретный результат решения этой задачи во многом повлияла полемика с археологами, недооценивавшими особенности пражской культуры на фоне ее северных и восточных соседей (И. П. Русанова 1976). Новые материалы и исследования пражской культуры позволяют подойти к этим вопросам, как мне представляется, более взвешено.

Безусловно, вытянутые горшки с расширением в верхней трети высоты, сравнительно узким дном, выраженным плечиком (особенно видов А, Б, Г по И. П. Русанова 1976, с. 17-18) принадлежат ведущим модификациям пражской керамики, во многом определяющим облик всего керамического набора. В то же время, сосуды со слабо профилированной, „широко раскрытой“, верхней частью, или со сравнительно широким дном, или приземистые, напоминающие миски (виды Д, В, Е по И. П. Русановой и близкие им формы), являются органичной частью комплекса керамики пражской культуры. Отдельные ребристые формы, сосуды без выделенного плечика или с расширением, сдвинутым ближе к середине высоты, вполне могут появляться как редкие или единичные модификации, наконец, как специфичные особые формы в рамках той же традиции. К примеру, можно отметить, что раскрытые слабо профилированные формы (как рис. 1:1,2; 28:3; 29:2) во многом определяют облик керамики пражской культуры фазы О (И. О. Гавритухин 19976, с. 42) и нет никаких оснований для отнесения их к некому „дославянскому“ субстрату.

С другой стороны, влияние субстратных традиций и соседей на облик славянской керамики нельзя игнорировать. В ряде работ проблема наследия пшеворской и черняховской культуры в пражской культуре фактически сводилась к обсуждению роли посуды, изготовленной на гончарном круге. Критический источниковедческий анализ (И. П. Русанова 1976; М. Parczewski 1988) показал, что зачастую в пражских комплексах наличие гончарной посуды, связанной с традициями позднеримского времени,

является следствием механического смешения разновременных материалов. Теме не менее, наличие в комплексах пражской культуры гончарной керамики Черняховского облика на памятниках, где Черняховский слой отсутствует (Рашков II, Лука Каветчинская) или в надежно документированных случаях (Кодын, некоторые комплексы из Бернашовки, Теремцев и др.) позволяют отбросить сомнения. По крайней мере, в отношении Поднестровья и Восточного Прикарпатья участие местного населения римского времени в формировании славянской культуры является доказанным.

Сейчас понятно, что процесс продвижения славян с Днестровского Левобережья к Нижнему Подунавью длился более столетия и сопровождался активными контактами с юго-западными соседями, в том числе и процессами ассимиляции. В реконструкции этой картины важное место играют комплексы с датирующими вещами. Причем, концентрация таких находок в рассматриваемом регионе позволяет в данном случае считать полученные выводы, в целом, вполне репрезентативными. Появление славян на левом берегу Днестра происходит не позднее рубежа IV и V вв. (рис. 2:14, 15). В гуннское время можно говорить о славянском присутствии как на Левобережье, так и на Правобережье Среднего Поднестровья (рис. 2:7-13). На Верхнем Пруте пражские памятники появляются около середины или во 2-й половине V в. (рис. 3-5). А в середине - 2-й половине VI в. не вызывает сомнений славянское присутствие и к югу от Карпат (рис. 8). Важно и то, что результат рассмотрения приведенных „реперных“ памятников соответствует анализу всего комплекса источников (подробнее - см. И. О. Гавритухин 2000а; 2000б).

В ряде случаев на славянских памятниках удается выделить керамические формы, отражающие традиции субстрата. Например в Кодыне лепная посуда культуры карпатских курганов выделяется некоторыми особенностями фактуры и моделировки (И. П. Русанова, Б. А. Тимошук 1984б, с. 14-19). Можно указать сосуды „субстратных“ форм и на других памятниках Восточного Прикарпатья (например рис. 11:6, 7, если реконструкция этих сосудов, предложенная Д. Г. Теодором, достоверна; рис. 13:7). Показательны и сосуды пражского типа, оформление венчиков которых напоминает образцы культуры карпатских курганов (например рис. 3:1). Причем, для Поднестровья и верховий Прута явно прослеживается нивелировка „субстратного“ компонента и комплексы VI-VII вв. на этих территориях полностью соответствуют всем признакам пражской культуры (рис. 21:1-3, 6; 22; 23; 24:2; 30; 31).

На более южных территориях картина не столь однозначна. В Валахии присутствуют комплексы, которые можно считать пражскими по всем параметрам (например рис. 11) или сочетающие пражскую лепную керамику и круговую, принадлежащую

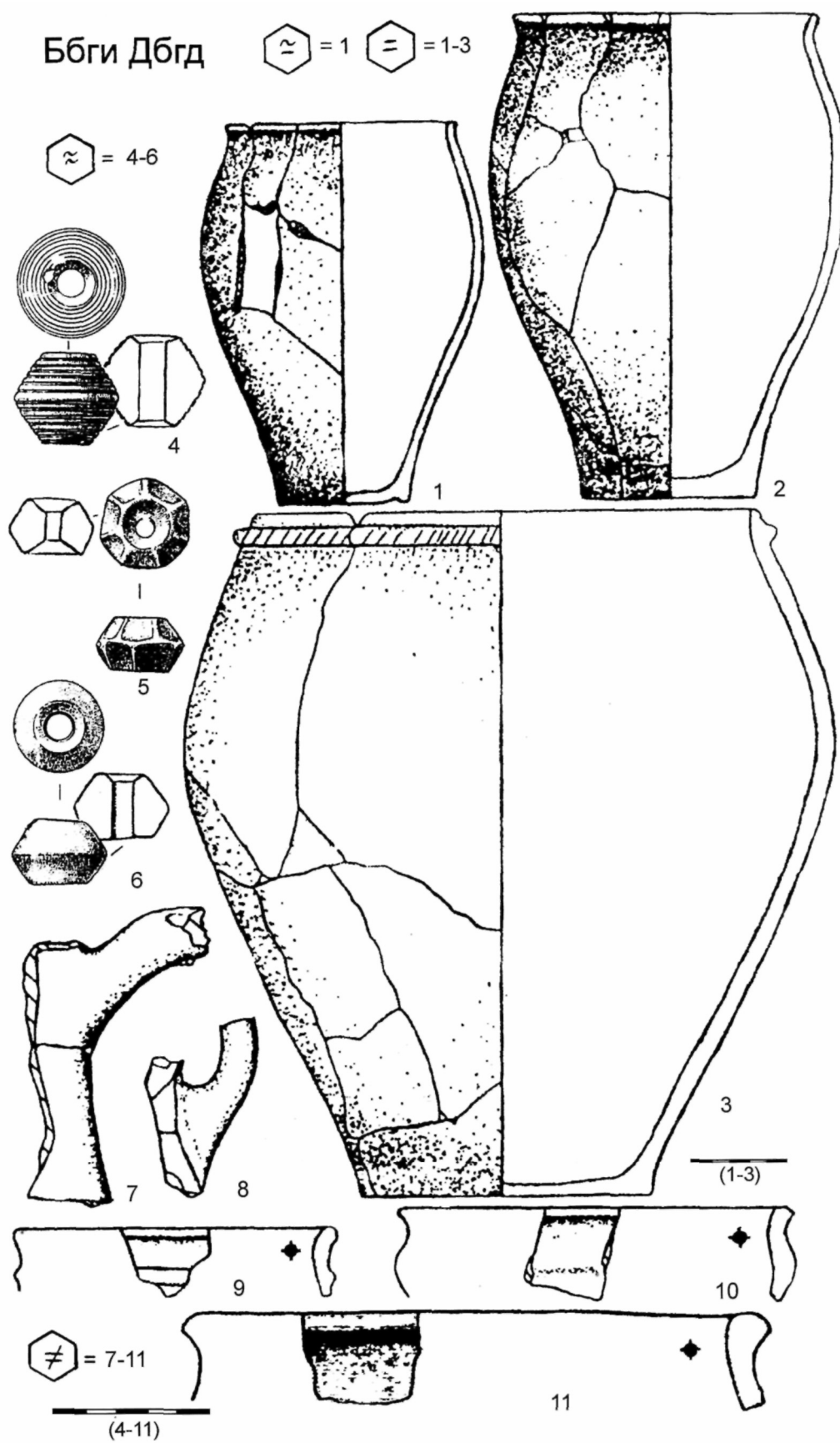

Рис. 30. Бернашовка, жилище 36.

Abb. 30. Bernašovka. Fundmaterial aus der Hütte 36.

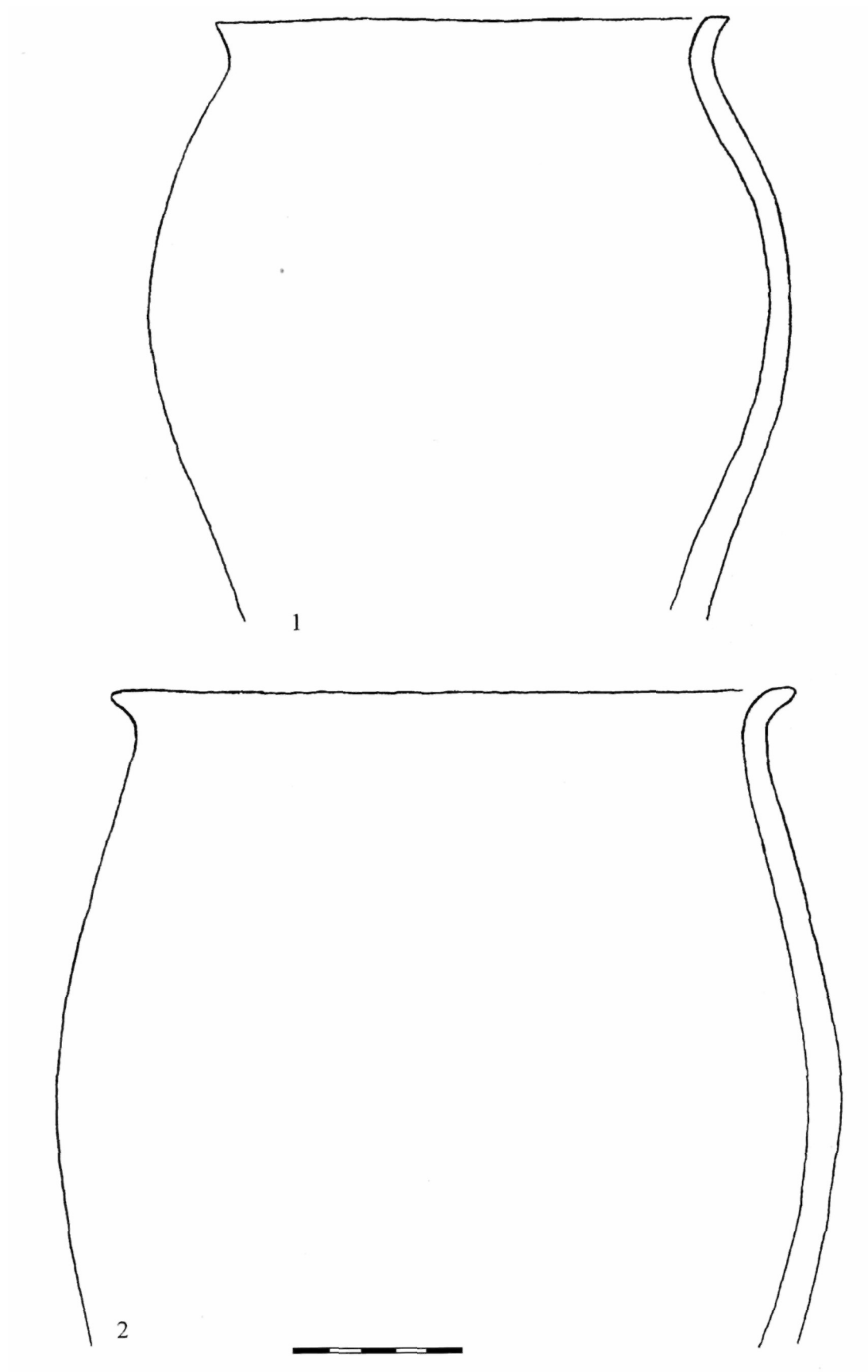

Рис. 31. Рашков III, жилище 67.

Abb. 31. Raškov III. Fundmaterial aus der Hütte 67.

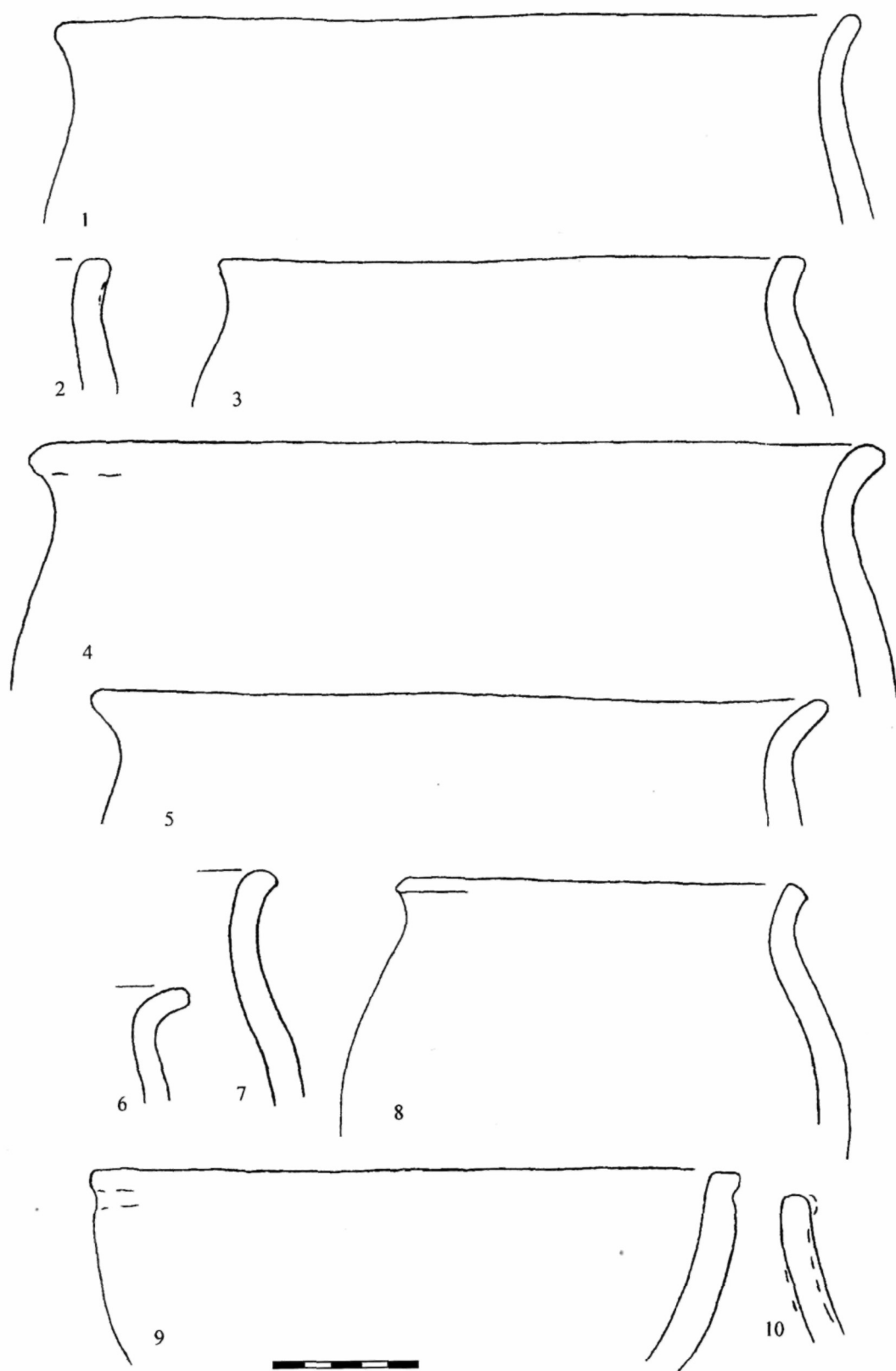

Рис. 32. Семенки, постройка VI.

Abb. 32. Semenki. Fundmaterial aus dem Objekt VI.

другой традиции (например рис. 16:1-4;17). Однако, в большинстве комплексов групп Ипотешть-Кын-дешть-Чурел, значительная часть лепной посуды, своеобразна. Более-менее достоверное выделение в этих наборах пражского, „субстратного принесенного“, „местного“ и других компонентов, наряду с имитациями круговой посуды, требует специальных исследований.

На примере ряда памятников прослеживается и взаимодействие пражской культуры с пеньковской. Наличие пражских и пеньковских элементов являются одной из особенностей памятников Центральной Молдавии (наряду с „восточно-карпатским“ компонентом), Южного Побужья, Поросья (И. А. Рафалович 19726; И. П. Русанова 1976, с. 88-100; И. О. Гавритухин 2000а, с. 80-81). Следует отметить, что некоторые формы сосудов, являющихся частью пеньковского керамического набора, близки пражским (например И. О. Гавритухин, А. М. Обломский 1996, рис. 95:13, 15 и некоторые другие). Различие этих культур достаточно очевидно при сравнении ведущих форм посуды и самой структуры комплексов, но в конкретном случае, особенно на смешанных памятниках, четко отделить обломки пражских сосудов от пеньковских можно далеко не всегда.

Показателен комплекс из Селишт, в котором найден язычок пряжки (рис. 15). Три формы здесь, скорее всего, относятся к пражской культуре фазы II (рис. 15:2, 3, 7), две - явно пеньковские (рис. 15:8, 12), атрибуция остальных - не однозначна. Обломок сильно профилированного сосуда с утолщением у края (рис. 15:11), если оценивать его в ряду пражских, будет указывать на синхронность комплекса фазе III пражской культуры, но, судя по всему, этот фрагмент принадлежал сосуду пеньковской традиции, для которой степень профилированности ряда форм не является хронологическим репером. Длительное сосуществование традиций приводит к их нивелировке. Причем, на ряде памятников удается проследить постепенное усиление черт, связанных с пражским компонентом (И. О. Гавритухин 2000а, с. 81). На южном Буге фиксируется похожая картина, в качестве примера можно указать на комплекс из Семенок с серьгой конца VII - начала VIII вв. (рис. 20:8; 25; 32-34). „Пеньковское наследие“ здесь можно лишь предположительно угадывать, а сам набор и практически все формы имеют параллели на многих памятниках финала пражской культуры.

Еще сложнее картина в Центральной и Южной Молдове. Кроме указанных выше „чистых“ и „смешанных“ традиций здесь присутствуют и признаки

влияния культуры кочевников. Показателен комплекс с обоймой пряжки 2-й половины VI - начала VII вв. из Додешть (рис. 14). Тип постройки и ряд керамических форм здесь не отличается от других памятников Восточного Прикарпатья. Формы лепной посуды по приведенным материалам не восстанавливаются до степени, когда возможна отчетливая культурная атрибуция. Но орнаментация керамики вертикальными расчесами (рис. 14:9-11) не редкость у кочевников в Причерноморье и Карпатской котловине (*Этнокультурная...*, с. 102-103, рис. 18:24; T. Vida 1999, Taf. 50:4; 52:2; 53:3; 138:1; 147:4).

Влияние субстрата и соседей, локальные различия для памятников V-VI вв. в северо-западной части славянского мира, к сожалению, изучены очень слабо. Для материалов VII в. выделяются некоторые локально-культурные зоны, прежде всего по особенностям строительных традиций и круговой посуды. При этом, даже на основе единичных комплексов с датирующими вещами можно говорить о единстве общего направления эволюции керамики пражской культуры и ее дериватов и в этих регионах. В то же время, складывается впечатление, что в северо-западных областях смена форм происходила не столь интенсивно, как на юго-востоке. Во всяком случае, комплексы 2-й половины VII - начала VIII в. на Нижней и Средней Эльбе (рис. 26) содержат формы, близкие образцам VI в., в то время как на юго-востоке славянского мира для VII в. показательны, прежде всего, сравнительно длинные, сильно отогнутые венчики (ср. рис. 20-25, 31-34). Хотя картина, конечно, не столь однозначна. В поздних комплексах во всех зонах пражской культуры и ее дериватов можно встретить единичные формы как слабо профилированные, так и с короткими венчиками. С другой стороны, всем образцам, приведенным на рис. 26, можно найти аналогии на памятниках VII в. с территории Украины, Молдавии, Румынии.

Приведенные примеры и наблюдения призваны предостеречь против механического перенесения датировок ряда комплексов на другие материалы. Однако, как показывают те же примеры, и полный скептицизм здесь тоже не уместен. Комплексы с датированными вещами могут и должны служить реперами для датировки материалов пражской культуры. Но синхронизация комплексов должна производиться не непосредственно, не механически, а лишь с учетом местных культурных влияний и ритмов развития, что возможно только на основе построения и анализа локальных хронологических шкал.

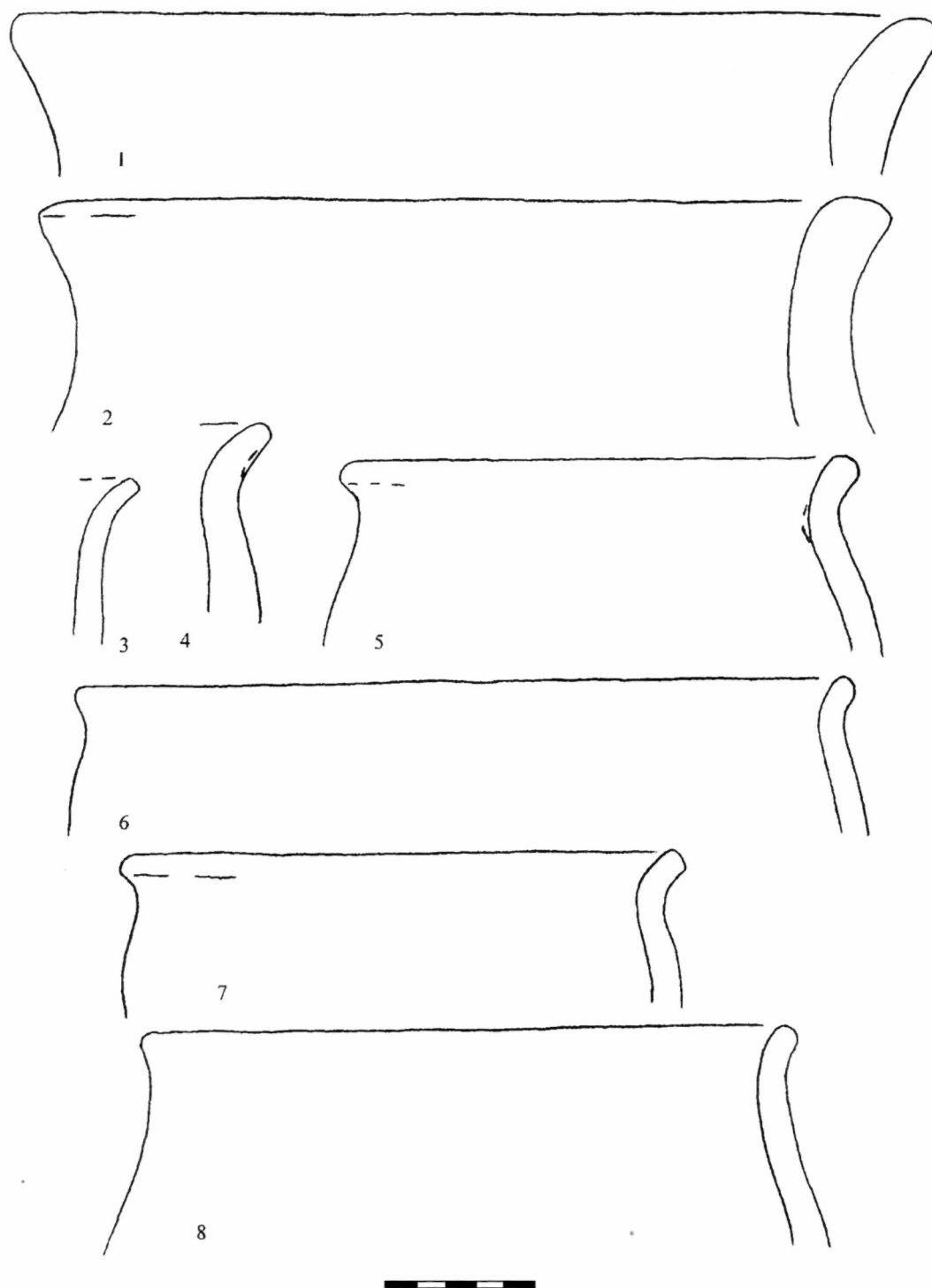

Рис. 33. Семенки, постройка VI.

Abb. 33. Semenki. Fundmaterial aus dem Objekt VI.

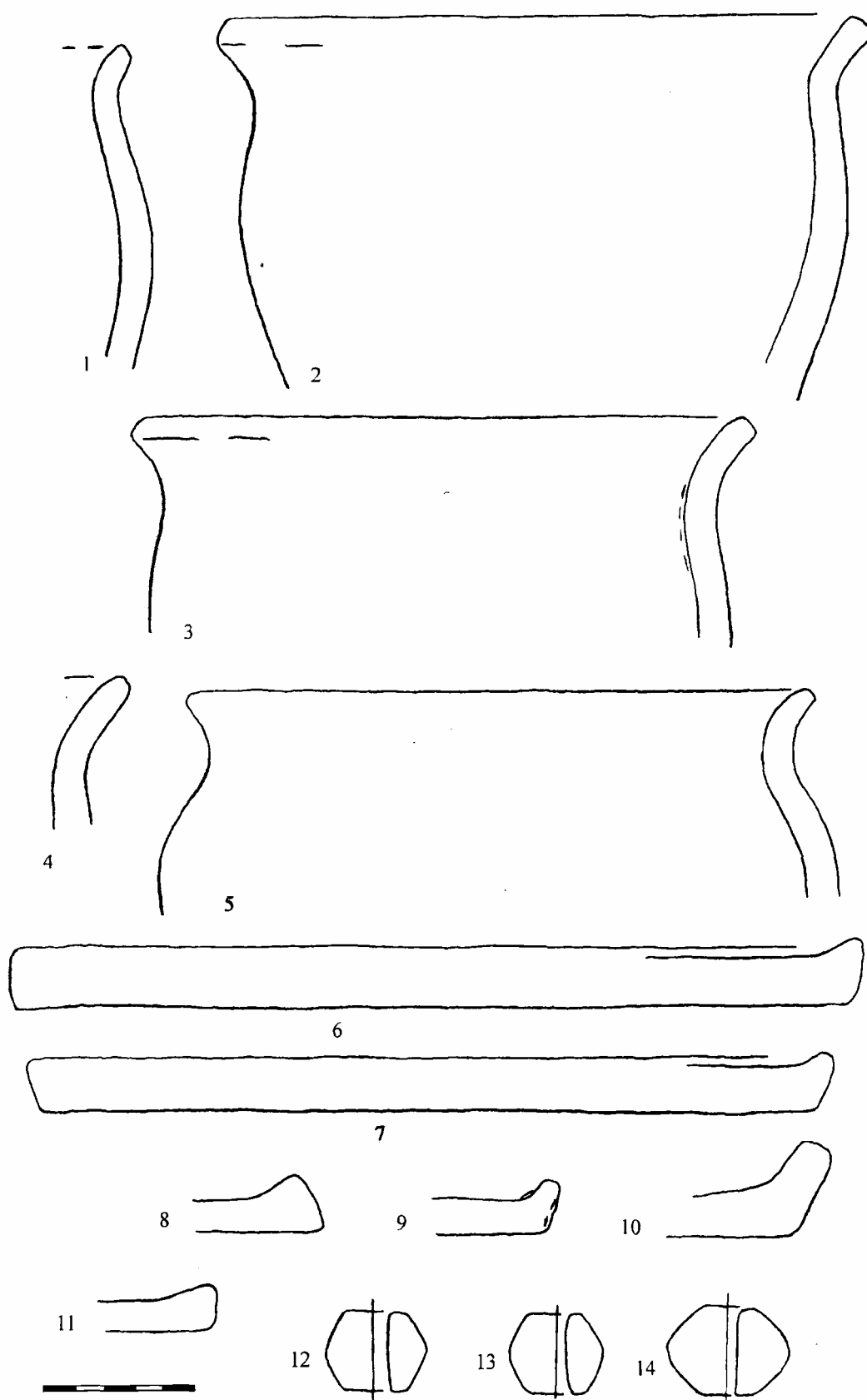

Рис. 34. Семенки, постройка VI.

Abb. 34. Semenki. Fundmaterial aus dem Objekt VI.

Каталог

Бакота. Каменец-Подольский район Хмельницкой области (рис. 27А:14")

Жилище 65. Раскопки И. С. Винокура в 1977 г. Фибула и целый сосуд найдены на полу, около печи, в развале печи или у пола найдены обломки пражской и „серой“ круговой керамики Черняховской традиции, в том числе и довольно крупные фрагменты, что делает маловероятным ее механическое попадание из слоя. Целый сосуд приведен по рис. из полевого отчета И. С. Винокура, остальные рис. сделаны с оригиналов, хранящихся в Каменец-Подольском педагогическом институте. Фибула сохранилась очень плохо из-за коррозии, так что понятны лишь ее профиль и сечение корпуса в отдельных местах, сохранились так же обломки иглы и пружины. Приношу благодарность И. С. Винокуру и В. П. Мегею за помощь при работе. Рис. 2:7-9.

Лит.: I. Винокур, П. Горішній 1994, с. 318-319, рис. 56

Балта Верде. уезд Мехединь (рис. 27А:30)

Погребение 1. Раскопки 1934 г. Вещи происходят из погребения в ямке по обряду кремации на стороне. Рис. 16:5-9 (рис. по публикации, где масштаб, к сожалению, не указан).

Лит.: U. Fiedler 1992, с. 88, там литература

Бенцин. округ Гадебуш (Северо-Западный Мекленбург). местонахождение 15 (рис. 27А:1)

Сооружение, исследованное в 1983 г. Й. Паршау. Фибула и суковская керамика найдены вместе в заполнении „корытообразного“ углубления. Рис. 26:3-6 (рис. по публикации).

Лит.: K.-D. Gralów, J. Parschau 1984; S. Brather 1996, Liste 1, № 1

Березец. Городокский район Львовской области, урочище „За рудкою“ (рис. 27А:9)

Жилище 2. Раскопки В. М. Цыгылика в 1981 г. Приведенная керамика происходит из развала печи или с пола жилища, лишь один из приведенных венчиков (рис. 2:3) был найден чуть выше. В заполнении постройки встречаются и материалы других культур, явно попавшие из слоя поселения. С комплексом пола жилища связана, как утверждает В. М. Цыгылик, и фибула. Никаких оснований связывать ее с Черняховским слоем, присутствующим на этом поселении, нет. Все приведенные рисунки выполнены с оригиналов, хранящихся в Институте украиноведения в Львове, за эту возможность я благодарен В. М. Цыгылику. Рис. 2:1-6.

Лит.: В. М. Цыгилик 1997

Бернашовка. Могилев-Подольский район Аанницкой области (рис. 27А:18)

Жилище 20. Раскопки И. С. Винокура и В. М. Мегея в 1987 г. Полуземлянка погибла в пожаре. С этим слоем или полом постройки связана керамика пражского типа, в том числе целый сосуд и развал корчаги, довольно крупные фрагменты Черняховской керамики, фибула. Прорисовка фибулы и определения керамики сделаны с оригиналов, хранящихся в Каменец-Подольском педагогическом институте. За возможность привести эти и другие, пока не опубликованные, сведения я благодарен И. С. Винокуру и В. Ф. Мегею. Рис. 2:14-15.

Лит.: И. О. Гавритухин 2000а, с. 78-80.

Полуземлянка 36. Раскопки И. С. Винокура и В. М. Мегея в 1990 г. Это сооружение, вероятно мастерская, погибло в пожаре. Принадлежность этому комплексу комплекта литейных форм и крупных фрагментов керамики пражского типа (ряд сосудов собирается полностью) вполне надежна. Наличие сравнительно небольших фрагментов керамики черняховской культуры и амфор вполне объяснимо механической примесью из слоя более раннего поселения, существовавшего на этом месте. Прорисовки типов и вариантов вещей, изготавливаемых с помощью литейных форм, и образцов керамики даны по публикации И. С. Винокура, характеристика остальных венчиков пражской керамики - по полемому отчету И. С. Винокура и В. Ф. Мегея, которых я благодарю за эту возможность. Рис. 9-14.

Лит.: I. Винокур 1997

Ботошана. уезд Сучава (рис. 27А:21)

Жилище 13. Раскопки Д. Г. Теодора в 1966 г. Бронзовая византийская монета 538 г. и бронзовая накладка связаны с развалом печи, там же или на полу найдена керамика. Рис. 11 (по публикации).

Лит.: D. G. Teodor 1984а, с. 31

Жилище 14. Раскопки Д. Г. Теодора в 1966 г. Находки связаны с полом жилища. Рис. 6:10-18 (по публикации).

Лит.: D. G. Teodor 1984а, с. 31-32

Жилище 20. Раскопки Д. Г. Теодора в 1968 г. Бронзовая византийская монета 538 г. найдена в углу постройки, среди камней, связываемых с облицовкой печи, приведенная керамика найдена на полу. Наряду с печью-каменкой в углу постройки находилась купольная печь, функционировавшая, по мнению автора раскопок, одновременно с жилищем. Однако, существует ряд примеров вторичного использования заброшенного котлована жилища в качестве углубления при сооружении купольной печи хозяйственного назначения (например: мои раскопки в Зимно, раскопки на Украине и в Молдавии И. П. Русановой и Н. П. Тельнова, в которых мне приходилось участвовать; о жилище 28 - см. так же ниже). Сказанное делает не безусловной надежность комплекса как целого, особенно сомнительна принадлежность ему небольших предметов, связанных с бронзолитейным производством (рис. 13:3-5). Рис. 12:1-3; 13 (по публикации).

Лит.: D. G. Teodor 1984а, с. 36-37

Жилище 28. Раскопки Д. Г. Теодора в 1973 г. Автор относит пряжку, кресало, точило к находкам „из интерьера“ жилища. Керамика найдена на полу и в заполнении жилища, причем в каком месте находились приведенные профильные фрагменты - не указано. Рядом с жилищем находилась купольная печь, сооруженная, судя по опубликованному профилю, выше уровня дневной поверхности жилища. В данном случае вполне вероятно вторичное использование котлована жилища во время функционирования купольной печи. Сказанное заставляет ставить достоверность комплекса как одного целого под сомнение. Рис. 20:1-5 (по публикации).

Лит.: D. Gh. Teodor 1984а, с. 41-42

Будуряска. уезд Прахова. поселение 4 (рис. 27А:27)

Постройка В15. Раскопки В. Теодареску и др. в 1982 г. Все находки относятся авторами раскопок к слою, связанному с развалом печи. Рис. 16:1-4; 17; (по публикации).

Лит.: V. Teodorescu [и др.] 1993, с. 374, fig. 8:3-5, 10; 11:4; 14:А.

Среди находок на поселении известна так же византийская подвязная фибула (D. G. Teodor 1988, fig. 3:2), но сведения о комплексе, сопровождавшем находку, остались мне недоступны.

Бэлень-Ромэнь, уезд Дымбовица, поселение „Плантация” (рис. 27А:29)

Жилище 28. Раскопки Л. и Т. И. Мускэ в 1979 г. Характер залегания находок из публикации точно не ясен, но по заверению авторов раскопок пряжка связана с приведенной керамикой. Рис. 8 (рис. приведены по публикации, в которой, к сожалению, не указан масштаб).

Лит.: L. T. I. Muscă 1980

Великая Слобода, Каменец-Подольского района Хмельницкой области (рис. 27А:13)

Жилище 63. Раскопки И. С. Винокура и В. Ф. Мегея в 1984 г. Фибула найдена в заполнении жилища, отсюда же и с пола происходит много крупных обломков сосудов пражского типа. Учитывая редкость крупных кусков пражской керамики в культурном слое и отсутствие каких-либо сооружений в непосредственной близости от этого жилища, механическое смещение материалов в данном случае маловероятно. Все материалы обработаны по оригиналам, хранящимся в Каменец-Подольском педагогическом институте. Благодарю авторов раскопок за информацию, возможность опубликовать рисунок фибулы и характеристику керамики. Рис. 21:11, 12.

Демьянов, Галицкий район Ивано-Франковской области, урочище „Мирчуки” (рис. 27А: 10)

Жилище 1. Раскопки В. Д. Барана в 1962 г. Керамика найдена в развале печи и на полу постройки, фибула - „в культурном слое на борту жилища”. Наиболее вероятна связь фибулы именно с данной постройкой, особенно учитывая, что известно несколько случаев, когда фибулы находили у стен жилищ. Возможно, это следы какого-то обряда, например втыкание булавки в стену по русским сказкам и поверьям имело магическую функцию (ср. И. О. Гавритухин, А. М. Обломский 1996, с. 138). Реконструированная часть сосуда дана по рис. с оригинала, хранящегося во Львовском университете, остальная керамика - по рис. И. П. Русановой, которой я благодарен за возможность их использования, фибула - по публикации. Рис. 21:1-4.

Лит.: В. Д. Баран 1972, с. 163, 165-166

Долешть, уезд Васлуй (рис. 27А:26)

Жилище 1. Раскопки Д. Г. Теодора в 1969 г. Обойма пряжки и игла, принадлежавшая, как предполагает автор раскопок, пальчатой фибуле, найдены на полу жилища, керамика найдена „неподалеку” от них. Рис. 14 (по публикации).

Лит.: D. G. Teodor 19846, с. 22-23

Козлы, округ Мельник в Чехии (рис. 27А:3)

Яма, исследованная 27.8.1929 г. экспедицией Гарвардского университета. Местоположение находок из публикации (судя по всему, и по полевой документации) не ясно, но особых сомнений состав комплекса не вызывает. Рис. 12:4-9 (по публикации).

Лит.: J. Zeman 1976, s. 125-126, № 29

Кодын, Глубокский район Черновицкой области, поселение I (рис. 27А:19)

Раскопки И. П. Русановой и Б. А. Тимошука в 1974-1975 гг. Фибулы приведены по рис. А. К. Амброза, а остальные находки - по рис. И. П. Русановой, сделанным при подготовке публикации. Я благодарен И. П. Русановой за предоставление этих материалов.

Сооружение 3. Комплекс находок связан с завалом глинобитных стен, полом или ямой внутри постройки. Рис. 5:1-6.

Лит.: И. П. Русанова, Б. А. Тимошук 19846, с. 46, табл. 13:1-7

Жилище 10. Фибула, а так же довольно крупные фрагменты керамики пражской культуры и культуры карпатских курганов найдены на полу жилища, которое погибло в огне. Рис.3.

Лит.: И. П. Русанова, Б. А. Тимошук 19846, с. 48, табл. 14:5-14

Жилище 21. Жилище погибло в огне, очевидно, комплекс керамики связан со слоем пожара. Фибула найдена 1,5 м к северу от жилища на древней поверхности, скорее всего, она была потеряна во время функционирования жилища или при его гибели в пожаре (см. выше о жил. 10). Рис. 4; 5:7-10.

Лит.: И. П. Русанова, Б. А. Тимошук 19846, с. 51, табл. 18:10-14.

Краков, район Нова Гута, поселение 62А - „Могила” (рис. 27А:5)

Яма 45. Раскопки С. Буратынского, Р. Заяца, М. Годлевской между 1966 и 1969 гг. Назначение ямы не ясно, а в документации, по данным М. Парчевского, имеются неточности. Тем не менее, не вызывает сомнения связь клада с сосудом, в котором он находился (рис. 18:10), похоже, практически одновременно попали в яму и другие сосуды, залежавшие в слое с остатками угля, пепла, пережженных камней, костей животных. Вполне вероятно, что, как предположила Е. Данбровская, яма связана с какими-то ритуальными действиями. Вещи и один из сосудов приведены по публикации М. Парчевского (воспроизводящей публикацию Е. Данбровской), остальная керамика - по рис. О. А. Щегловой, которую я благодарю за эту возможность. Рис. 18:1-10; 19:1-4.

Лит.: M. Parczewski 1988, с. 160-161, №39, там остальная литература; 1993, с. 71, Abb. 20, Taf. XVII

Лука Каветчинская, Каменец-Подольский район Хмельницкой области (рис. 27А:12)

Жилище 27. Раскопки О. М. Приходнюка в 1977 г. Фибула была найдена в развале печи каменки, остальные находки - „в темном заполнении” полуземлянки, связанным, судя по всему, со временем функционирования и разрушения жилища. Рис. фибулы и керамики сделаны с оригиналов, хранящихся в НА НАНУ, остальные вещи приведены по публикации автора раскопок. Я благодарен О. М. Приходнюку за возможность работы с материалом. Рис. 6:1-9.

Лит.: Л. В. Вакуленко, О. М. Приходнюк 1984, с. 4, 68, 82, рис. 32; 38:38; 39:4, 5, 8, 9; табл. 8:16, 17; И. О. Гавритухин 2003

Мутенице, округ Ходонин в Моравии (рис. 27А:4)

Объект 21. Раскопки З. Кланицы в 1975 г. Обломки двух маленьких трапециевидных подвесок с прессованными

точками по нижнему краю (как на рис. 18:2,3) обнаружены в нижней части ямы, из нее же происходит и керамика пражского типа. Данные взяты из полевого отчета 3. Кляницы, которого я благодарю за возможность использовать информацию. Рис. 18:11, 12.

Объект 95. Раскопки 3. Кляницы в 1976 г. Пряжка и, очевидно, приведенная керамика относятся, по мнению автора раскопок, к „незаглубленному объекту“, характер которого по краткой публикации оценить не возможно. Рис. 19:7-9.

Лит.: Z. Klanica 1978

Остров. Пинский район Брестской области (рис. 27А:6)

Поселение. Раскопки А. А. Егорейченко в 1987 г. Материалы из двух жилищ (1 и 3; в жилище 2 материала для анализа не достаточно) близки между собой и находят полное соответствие в материалах пражской культуры из слоя поселения. Судя по всему, все объекты пражской культуры принадлежат здесь небольшому, сравнительно недолго существовавшему, поселению. Вещи из слоя позднеермского времени относятся к горизонту пражской культуры, поскольку их принадлежность к другим группам древностей, представленных на этом поселении, исключена по соображениям хронологии. Кроме вещей, выделенных А. А. Егорейченко, приведена и обойма (рис. 1:14) так же вписывающаяся в этот круг древностей. Вероятно, к нему относятся и некоторые другие находки из культурного слоя, однако, доказать это нет возможности. Рисунки всех „индивидуальных“ находок, керамики из жилища 1, целого сосуда из жилища 3 даны по публикации, остальные - по оригиналам, хранящимся в Институте истории АН Белоруссии. Рис. 1, 28, 29.

Лит.: А. А. Егорейченко 1991

Прютцке, округ Бранденбург (Потсдам-Миттельмаркт) (рис. 27А:2)

Погребение 2. В погребении находились фибула и сосуд пражского типа. Рис. по публикации Х.-Ю. Брахмана, реконструкция фибулы - по В. Унверцагту. Рис. 26:1, 2.

Лит.: Н. J. Brachman 1983, с. 40, 59, № 13, Abb. 13:a-b; W. Unverzagt 1960; K. Grebe 1976, с. 182; S. Brather 1996, Liste 2, № 1, там литература

Рашков. Хотинский район Черновицкой области, поселение III (рис. 27А: 1П)

Все рассматриваемые здесь комплексы получены в ходе раскопок В. Д. Барана в 1976 г. (в скобках даны полевые номера построек). Керамика, кроме сосуда из жилища 76, прорисована с оригиналов, хранящихся в ИА НАНУ, остальные находки даны по рис. А. Н. Некрасовой (они же использованы в публикации). Благодарю В. Д. Барана и А. Н. Некрасову за помощь в работе.

Жилище 67 (13). Все приведенные фрагменты происходят с пола или нижней части заполнения постройки, в нижней части заполнения, рядом с крупным фрагментом сосуда найден и обломок браслета. Рис. 3:1, 2; 23:1; 31.

Лит.: В. Д. Баран 1988, с. 111-112, табл. IЛ

Жилище 76 (22). О находках в публикации сказано, что они найдены „в жилище“. Судя по большому числу костей животных и камней, не исключено использование котлована в качестве мусорной ямы. Учитывая небольшие размеры венчика и фибулы, комплекс не может считаться несомненным. Рис. 19:5, 6.

Лит.: В. Д. Баран 1988, с. 116, табл. LIV:4-6

Селиште. Оргеевский район Молдавии, урочище „Ла яз Леонатулуй“ (рис. 27А:241)

Полуземлянка 2. Раскопки И. А. Рафаловича в 1969 г. Крупные сосуды находились на полу постройки, а приведенные венчики, судя по полевому шифру, в развале печи-каменки. О точном месте нахождения других находок в публикации информации нет. Рисунки и оригиналы ряда находок (пряслица, ложила, амфоры, „Черняховская“ и другая „круговая“ керамика), упомянутых в публикации, как и сведения о месте их нахождения, остались мне не доступны. Фрагментированная керамика приведена по оригиналам, сохранившимся на базе Оргеевской экспедиции (см. о Ханска), целые сосуды и изделия из металлов приведены по публикации. Рис. 15.

Лит.: И. А. Рафалович 1972а, с. 131-134; 1972б, рис. 2:7

Семенки. Брацлавский (Немировский) район Винницкой области (рис. 27А:151)

Хозяйственная постройка VI. Раскопки П. И. Хавлюка в 1959 г. *Находки равномерно распределялись по площади постройки.* Судя по описанию, структура заполнения довольно однородна, а отпечаток соломы на подвеске может быть дополнительным свидетельством в пользу отнесения этой вещи к данной хозяйственной постройке. Следует учитывать, что это сооружение перекрывало жилище 11, но стратиграфических данных, позволяющих судить о том, насколько вероятно механическое смешение материала, в публикации не приводится. Керамика дана по рис. с оригиналов, хранящихся в Государственном Эрмитаже (С.-Петербург), вещи - по публикации. Рис. 20:8; 25; 32-34.

Лит.: П. И. Хавлюк 1963, с. 335-336

Скибинцы. Тростянецкий район Винницкой области (рис. 27А: 161)

Жилище 2. Раскопки П. И. Хавлюка в 1959 г. Браслет и керамика собраны вокруг печи, кроме приведенной посуды в тексте упоминаются и „биконические горшки с прямым венчиком и валиком под краем“. Рис. 24:3-5 (по публикации).

Лит.: П. И. Хавлюк 1974, с. 189-190

Сучава, район Шипот (рис. 27А:22)

Постройка 2. Раскопки М. Д. Матея и др. в 1959 г. Точное местоположения фибулы и других находок из этой постройки по публикации не ясно. Рис. 23:2-8.

Лит.: M. D. Matei [и др.] 1962, с. 741-743; D. G. Teodor 1992, fig. 6:8.

Сэрата-Монтеору. уезд Бужев (рис. 27А:281)

Погребение 454. Раскопки Й. Нестора и Е. Захари в 1956 г. Сведения о погребении остались мне не доступны. Пряжка опубликована У. Фидлером. Данные о сосуде сообщены мне В. М. Горюновой, имевшей возможность познакомиться с некоторыми находками в оригинале, я благодарен ей за информацию. Рис. 19:10, 11.

Лит.: U. Fiedler 1992, Abb.12:10, с. 74-88, там литература

Термцы. Каменец-Подольский район Хмельницкой области (рис. 27А:17)

Жилище 14. Раскопки В. Д. Барана в 1979 г. Приведенные фибула и керамика происходят из заполнения жилища, там же совместно найдены днища и стенки

Черняховских и пражских сосудов. В развале печи выразительный материал отсутствует. Тем не менее, автор раскопок расценивает этот набор как комплекс, что требует развернутой аргументации. Рис. выполнены А. Н. Некрасовой (они воспроизведены и в публикации В. Д. Барана), которой я благодарен за предоставленные оригиналы. Рис. 2:10-12.

Лит.: В. Д. Баран 1988, с. 72, рис. 32

Ханска. Котовский район Молдавии (рис. 27А:251)

Гнездо поселений, исследовавшееся разными авторами, по крайней мере, с 1960 до середины 1990-х гг. Исследования проводились зачастую не согласовано и авторы вводили собственные обозначения для памятников и комплексов. Сводный план раскопок, как уверяют молдавские коллеги, в настоящее время составить практически не возможно.

Поселение II, урочище „Кэпрэрия”.

Полуземлянка 14. Раскопки И. А. Рафаловича в 1965 г. Фибула была найдена на полу постройки. О керамике из постройки сообщено лишь, что наряду с лепной „раннеславянской” там были найдены несколько фрагментов „круговой” керамики с пролощенным орнаментом „пастырского типа”. Лепная керамика с поселения опубликована суммарно, в качестве ведущего автор выделяет набор, сопоставимый с памятниками Ипотешть-Чурел, отмечаются так же „пеньковские” и „пражские” формы (последние, судя по приведенным образцам, понимаются очень узко). Очевидно, форм, вполне вписывающихся в набор посуды пражской культуры, на поселении найдено значительно больше, чем утверждается в тексте публикации. К 1986 г., когда я работал с материалом в оригинале, осталась лишь небольшая часть коллекции, спасенная Н. П. Тельновым и П. П. Бырней от уничтожения и вывезенная на базу их экспедиции в с. Требужены. От комплекса жилища 14 осталось лишь несколько фрагментов лепной посуды, в том числе довольно массивное дно и небольшой венчик, который мог принадлежать как пражскому, так и округлобому горшку. Фибула хранится в Музее археологии Молдавской академии наук. Приведенные рисунки выполнены с оригиналов. Рис. 20:6, 7.

Лит.: И. А. Рафалович 1968; 1972б, с. 32-33, 36, 196-197

Поселение I, урочище „Лимбарь-Кэпрэрия”.

Яма 13а. Раскопки И. Г. Хынку в 1979 г. Комплекс не опубликован, а в полевом отчете описан суммарно, сообщено лишь, что кроме антропо-зооморфной фибулы, там находилась „раннеславянская” керамика. Благодарю за информацию Г. Постикэ. Опубликовано фотография фибулы.

Лит.: G. Postică 1994, с. 161

Хорск. Давид-городокский район Брестской области (рис. 27А:7)

Погребение 2. Раскопки Р. Якимовича в 1937 г. В ямке, содержащей землю „с остатками сожжения” обнаружен перевернутый вверх дном сосуд и обожженная железная пряжка. Пряжка дана по рис. Ю. В. Кухаренко, а сосуд, как и пряжка, хранящийся в Государственном археологическом музее в Варшаве - по рис. переданным В. С. Вергей, которая готовит развернутую публикацию памятника. Рис. 7.

Лит.: Ю. В. Кухаренко 1961, с. 7, рис.1 ; с. 21, № 149, там литература

Хотомель. Давид-городокский район Брестской области (рис. 27А:8)

Городище, слой золисто-углистой прослойки и ниже ее. Раскопки И. П. Русановой и К. В. Каспаровой в рамках экспедиции и под руководством Ю. В. Кухаренко в 1954-1957 гг. Часть полевой документации раскопок передана мне И. П. Русановой, за что я ей благодарен. Это позволило уточнить информацию, содержащуюся в публикациях. Слой золисто-углистой прослойки (рис. 10:8-а) фиксировался сплошной полосой по периметру городища. Он отделял напластования только с лепной керамикой, от расположенных выше, содержащих как лепную, так и орнаментированную, изготовленную с помощью гончарного круга керамику. В ряде случаев в нижнем слое были перекопы, они фиксируются по наличию орнаментированной керамики ниже отметок золисто-углистой прослойки (рис. 10:8-г). Материалы из квадратов, где такие случаи зафиксированы, исключены из рассмотрения. Набор изделий из железа, найденных в прослойке и ниже ее (он отличается от данных публикаций), уточнен по полевой описи, по описи приводятся и рисунки этих вещей (рис. 10:1-6). Суммарная характеристика керамического комплекса из прослойки и ниже нее дана на основе рисунков И. П. Русановой (рис. 10:8).

Лит.: Ю. В. Кухаренко 1961, с. 22-24, № 153; И. П. Русанова 1973, с. 42, № 121, там остальные публикации

Черновка. Новоселицкий район Черновицкой области, поселение I (рис. 27А:20)

Жилище 5. Раскопки И. П. Русановой и Б. А. Тимошука в 1979 г. Фибула найдена на полу жилища и связь ее с приводимым керамическим комплексом с пола и из печи постройки не вызывает сомнений. Встреченная, в основном, в заполнении жилища керамика Черняховской культуры легко выделяема и является механической примесью из слоя явно более раннего поселения. Фибула прорисована по фото, керамика - по рис. И. П. Русановой для публикации. Рис. 22.

Лит.: И. П. Русанова, Б. А. Тимошук 1984а; Б. А. Тимошук, И. П. Русанова, Л. П. Михайлина 1981, рис. 7, 8

Яссы, местность у монумента „Крест Ференца” („Кручеа луй Ференц”) (рис. 27А:23)

Жилище 1. Раскопки Д. Г. Теодора в 1964 г. Находки происходят „из интерьера” жилища и связаны с развалом печи. Учитывая, что жилище частично разрушено, комплекс не является бесспорным, хотя и сомневаться в его достоверности нет оснований. Рис. 21:5-10 (по публикациям).

Лит.: D. G. Todor 1971

Некоторые комплексы без надежной документации

Бакэу, местность Куртя Домняскэ (рис. 27А:361)

Жилище 6. Раскопки И. Митри и А. Артимоны в 1970 г. Из жилища происходит византийская литая фибула (D. Gh. Teodor 1988, каталог № II-2), датируемая около последней трети 6 в. (И. О. Гавритухин 2002б), но описание комплекса и рисунки керамики из него (кроме фотографий венчиков в фас) в публикации отсутствуют. Горизонт построек, связанный с фибулой, на этом поселении всеми специалистами считается типичным для памятников юго-

восточного Прикарпатья в VI в. Обычно, это подразумевает присутствие керамики пражского типа или ее дериватов, есть такая посуда и среди приведенных в публикации образцов из других жилищ.

Лит.: I. Mitrea, A. Artimon 1971

Борниш. уезд Няц (рис. 27А:35)

Жилище 25. Раскопки Р. Поповичи. В жилище найдены дериват пряжки типа Сучидава и одночленная бронзовая фибула, что определяет дату в рамках середины VI - начала VII вв. (о дате пряжки из Бэлень-Ромэнь - см. выше). Остальные находки этого комплекса не опубликованы, но, судя по наличию печи и общим оценкам материала, он не отличается от других, обычных в центральной Молдове в это время, то есть относится к пражской культуре или культурным группам, испытывавшим ее влияние.

Лит.: R. Popovici 1988

Бухарест. местность „Милитарь” (рис. 27А:39С)
Жилище 6. Раскопки В. Зирры и Г. Казимира в 1960 г. Из жилища происходит византийская подвязная фибула, публикация керамики из этого жилища мне не известна. Но этот комплекс, как и ряд других, относится к группе Чурел, сформировавшейся при участии пражской культуры. Контекст второй византийской подвязной фибулы (D. G. Teodor 1988, каталог № 1-4) с этого памятника по публикациям не ясен.

Лит.: V. Zirra, G. Cazimir 1962

Давиденъ. уезд Няц (рис. 27А:34)

Поселение. Раскопки И. Митрей. С 1970 по 1995 гг. здесь исследовано 2 га площади, 68 жилищ и много других сооружений. В жилище 16 найден обломок креста (I. Mitrea 1996, fig. 1:1), датированного автором раскопок 6 в. В жилище 51 найдена литая византийская фибула (I. Mitrea 1996, fig. 1:2), датируемая ок. 3-й четверти VI в. (по И. О. Гавритухин 2000а). Эти комплексы относятся И. Митрей к первому этапу существования поселения, датируемому 454-550/560 гг., исходя из исторических соображений („между уходом гуннов и появлением славян”). Второй этап датируется серединой VI-VII вв. по находкам трех пальчатых фибул. Одна из них, с ажурной каймой, найденная в жилище 41 (I. Mitrea 1995, с. 445-446), своеобразна, но ближе всего фибулам широко представленным в комплексах 1-й половины - 3-й четверти VII в. в Поднепровье и Крыму, вероятно, это их местный дериват. Вторая, из жилища 58 (I. Mitrea 1995, с. 446-447), принадлежит деривату варианта Сармизегетуса типа Сармизегетуса-Кишкереш, датируемому в рамках VII в., исключая конец и, возможно, начало этого столетия (И. О. Гавритухин 1991). О третьей фибуле сведения не опубликованы. По словам автора раскопок, в комплексах второго этапа существования поселения присутствует керамика „типа Корчак”. Кроме того, некоторые опубликованные фрагменты керамики, относимой к первому этапу, не исключают такую же атрибуцию (например I. Mitrea 1996, fig. 1:3). Очевидно, что довольно условны и хронологические рамки этапов, предложенные И. Митрей. Из находок на поселении опубликованы так же две подвязные фибулы византийского круга (D. Gh. Teodor 1988, каталог №№1-9, III-5). В соответствующем слое (...) 5-7 вв. найдена литая формочка (I. Mitrea 1996, fig. 1:4; с. 230). Мне не были доступны все публикации этого памятника, но в доступ-

ных изданиях керамические комплексы, сопровождавшие упомянутые вещи, не приводятся.

Лит.: I. Mitrea 1995; 1996, там литература

Зимно. Владимир-Волынский район Волынской области (рис. 27А:33)

Городище. Раскопки В. В. Аулиха в 1956-1964 гг. Огромная коллекция керамики с городища, хранящаяся в Волынском краеведческом музее и Владимир-Волынском историческом музее, обработана мной в оригинале. Хотя на керамике сохранились шифры, отсутствие полноценной документации не позволяет связать и эти материалы с конкретными напластованиями, предполагаемыми на основе нескольких опубликованных профилей. Произведенные мной раскопки поселений, расположенных около городища, позволили получить хронологическую шкалу для оценки керамики из этого микрорегиона. Это позволяет утверждать, что среди керамических форм, известных на городище, присутствуют как сравнительно „архаичные”, так и явно „поздние”, то есть напластования откладывались здесь в течение длительного времени. Содержащиеся в публикации и отчетах сведения не позволяют связать и многочисленные украшения, найденные на этом памятнике, с конкретными слоями или другими комплексами. Судьба полевой документации, судя по сообщениям коллег из Львова, остается не ясной. Таким образом, коллекция этого, одного из богатейших находками, памятника пражской культуры пока может быть приравнена „сборам”, не пригодным для самостоятельной узкой датировки.

Лит.: В. В. Аулих 1972; И. О. Гавритухин 1998

Поян. уезд Ковасна (рис. 27А:37)

Жилище 20. Раскопки З. Секей в 1967 г. В жилище найдены пальчатая фибула типа Марош-Гымбаш-Пергам (подтип линейной орнаментации, серия Б, вариант Келары-Ментке по И. О. Гавритухин 1991), датируемая VII в., исключая начало и конец столетия, и византийская подвязная фибула. Из керамики опубликован, насколько мне известно, лишь фрагмент, украшенный крестовидным штампом (фото в фас). Керамика из этой постройки, по словам автора раскопок, схожа с посудой из других комплексов, а та, судя по опубликованной подборке, принадлежит пражскому типу

Лит.: Z. Székely 1970 (более поздние публикации этого автора остались мне не доступны)

Тыргшору. Вехи. уезд Прахова (рис. 27А:381)

Раскопки В. И. Теодореску в 1967 г. В постройке 24 найден фрагмент бронзовой фибулы, близкой образцам византийских подвязных фибул V - середины VI вв. (по И. О. Гавритухин 2003). В 1964 г., в постройке 13, 13а или в слое поселения найден фрагмент стеклянного сосуда типа Косино серии Зальтхаммер, датируемого V в. (по И. О. Гавритухин 1999б). Среди находок на поселении фигурируют так же обломок серги с полиэдрическим концом, византийская подвязная и византийская литая фибулы. Публикации керамических комплексов, связанных с этими вещами, мне не известны. Среди образцов посуды, показательной для этого памятника, наряду с круговой керамикой, фигурируют горшки пражского типа.

Лит.: G. Diaconu 1978; D. G. Teodor 1988, каталог №№ I-19, II-20, там литература

Хачки. Белостокское воеводство (рис. 27А:3П)
Городище. С 1967 г. раскопки проводились В. Шиманьским, позднее - З. Кобылинским. Судя по многочисленным индивидуальным находкам, напластование пражской культуры на этом памятнике откладывались не менее 100 лет (как минимум - с VI до середины VII вв.). Памятник готовится к публикации, лишь на основе которой можно будет судить о возможности связать керамические материалы с датирующими вещами. Благодарю З. Кобылинского за информацию и возможность работать с индивидуальными находками.

Лит.: W. Szymański 1970; 1983; Z. Kobyliński 1993; И. О. Гавритухин 1999, с. 168-171, 191-197

Шелиги. Плопкое воеводство (рис. 27А:32)
Городище. Раскопки В. Шиманьского в 1959-1963 гг. Ряд датирующих вещей, происходящей из этого памятника, отнесены автором раскопок к фазе I, характеризующейся особым составом керамики. Однако, связь этих находок с конкретными комплексами остается не доказанной. И. П.

Русанова и М. Парчевский оценивают слой городища как одновременный и перемешанный. Ям, где есть только лепная керамика, мало, материала из них явно не достаточно для уточнения картины, да и датирующие находки связаны не с ними. Новая дробная периодизация памятника, предложенная В. Шиманьским, остается умозрительной, пока основания датировки не будут достоверно связаны с конкретными керамическими комплексами. Малоубедительна и датировка пальчатой фибулы рубежом VI и VII вв., мне представляется, что эта более ранняя вещь. Радиоуглеродное датирование, хотя проб было не так уж и много, еще раз подчеркнуло неясность даты сооружения городища. Ответ на вопросы о возможностях периодизации горизонта пражской культуры на этом памятнике и связи полученных фаз с датирующими находками требует новых исследований, в частности, обращения к полевой документации, дробной типологии керамики по материалам коллекции и т.д.

Лит.: W. Szymański 1967; 1983; 1987; И. П. Русанова 1976, с. 174-175; M. Parczewski 1988, с. 190-192; M. Dulińcz, W. A. Moszczyński 1998

Литература

Список сокращений

ArhMold - Arheologia Moldovei, Iași
ИА НАНУ - Институт археологии Национальной Академии Наук Украины, Киев
КСИА - Краткие сообщения Института археологии АН СССР/РАН, Москва-Ленинград/Санкт-Петербург
МАИЭТ - Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии, Симферополь
МИА - Материалы и исследования по археологии СССР, Москва-Ленинград
САИ - Археология СССР. Свод археологических источников, Москва

Айбабин А. И.

1990 *Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени*, МАИЭТ 1, с. 3-86, 175-241.

Амброз А. К.

1966 *Фибулы юга европейской части СССР*, САИ Д1-30.

Ангелова С.

1980 *По вопросу за раннесловянската култура на юг и север от Дунае през VI-VII в.*, Археология 1980/4, София, с. 1-12.

Ауліх В. В.

1972 *Зимнське городище*, Київ.

Баран В. Д.

1972 *Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю*, Київ.

1988 *Пражская культура Поднестровья (по материалам поселения у с. Рашков)*, Киев.

Бонев Ч.

1986 *Анти и славини в Добруджа през VI в.* (в:)

Руско-български връзки през вековете, София, с. 56-61.

Вакуленко Л. В., Приходнюк О. М.

1984 *Славянские поселения I тыс. н.э. у с. Сокол на Среднем Днестре*, Киев.

1998 *Дослідження Пастирського городища в ювілейному сезоні 1998 року* (в: *Археологічні відкриття в Україні 1997-1998 рр.*, Київ, с. 131-134.

Винокур І.

1997 *Слов'янські ювеліри Подністров'я*, Кам'янець-Подільський.

Винокур І., Горішній П.

1994 *Бакота. Столиця давньоруського Пониззя*, Кам'янець-Подільський [1999 - 2. изд.].

Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К.

1982 *Вооружение воинов Абхазии IV-VII вв.* (в: *Древности эпохи великого переселения народов V-VIII веков*, Москва, с. 121-165.

Гавритухин И. О.

1989 *Кодынские фибулы (типы и некоторые проблемы интерпретации)* (в: *Vakarui baltui archeologia ir istorija*, Klaipeda, с. 78-85.

1991 *Пальчатые фибулы пражских памятников Поднестровья* (в: *Древности Северного Кавказа и Причерноморья*, Москва, с. 127-141.

1994 *Пряжки с коробчатой петлей на юго-востоке Европы*, МАИЭТ 4, с. 201-214.

1997а *Маленькие трапецевидные подвески с полостной из прессованных точек по нижнему краю*, Гістарычна-археалагічны зборнік 12, Мінск, с. 43-58.

- 1997б *Хронология пражской культуры* (в:) *Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. 3. Этногенез и этнокультурные контакты славян*, Москва, с. 39-52.
- 1998 *Горизонт пражской культуры поселения Зимно 4*, *Archaeoslavica* 3, Kraków, с. 171-207.
- 1999а *В-образные пряжки, изготовленные вместе со щитовидной обоймой* (в:) *Пермский мир в раннем средневековье*, Ижевск, с. 160-209.
- 1999б *Хронологические индикаторы финала Черняховской культуры. 1. Толстостенные кубки со шифованной и пластинчатой ornamentацией: конические и с выделенной ножкой* (Eggers 236-238, *Straume VI-IX*) (в:) М. Левада (ред.) *Сто лет Черняховской культуре*, Киев, с. 48-86.
- 2000а *Начало великого славянского расселения на юг и запад*, Археологічні студії 1, Київ-Чернівці, с. 72-90.
- 2000б *Финал традиций культур римского времени в Восточном Прикарпатье* (в:) М. Maćczyńska, T. Grabarczyk (ред.), *Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa*, Łódź, с. 261-324.
- 2001а *Периодизация раннесредневековых древностей Кисловодской котловины на основе керамики в свете изучения изделий из металла* (в:) В. Ю. Малашев, *Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка*, Москва, с. 40-49, 146-148.
- 2001б *Эволюция восточноевропейских псевдопряжек* (в:) *Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). 2*, Самара, с. 31-86.
- 2002а *Проблемы хронологии „раннехазарской“ археологии* (в:) *Хазары. Второй международный colloquium. Тезисы*, Москва, с. 25-26.
- 2002б *Фибулы византийского круга в Восточной Европе (I. Дунайско-иллирийские)*, МАИЭТ 9, с. 229-250.
- 2002в *Фибулы и ременные гарнитуры из цистерны II-1967г. в Херсонесе*, МАИЭТ 9, с. 217-228.
- 2003 *Фибула из Луки Каветчинской в контексте славяно-византийских связей* (в:) М. Dulnicz (ред.), *Słowianie i ich sąsiedzi we wczesnym średniowieczu*, Warszawa, с. 197-206.
- 2004 *Днепровские ингумации второй половины V- VI вв.* (в:) В. М. Горюнова, О. А. Щеглова (ред.), *Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье*, Санкт-Петербург, с. 208-220.
- Гавритухин И. О., Обломский А. М.
1996 *Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст*, Раннеславянский мир 3, Москва.
- Гороховский Е. Л.
1999 *Некоторые вопросы историографии хронологии Черняховской культуры* (в:) *Сто років вивчення культури полів поховань на Україні*, Київ, с. 11-14.
- Егоейченко А. А.
1991 *Поселение у д. Остров Пинского р-на Брестской области*, *Archaeoslavica* 1, Kraków с. 61-82.
- Корзухина Г. Ф.
1996 *Клады и случайные находки вещей круга „древностей антов“ в Среднем Поднепровье. Каталог памятников*, МАИЭТ 5, с. 352-435, 586-705.
- Кухаренко Ю. В.
1961 *Средневековые памятники Полесья*, САИ Е1-57.
- Кравченко Н. М.
1971 *Похоронения V ст. н.э. з с. Вільшанки на Київщині* (в:) *Середні віки на Україні. 1*, Київ, с. 75-79.
- Кренке Н. А., Сулержицкий Л. Д.
1988 *Радиоуглеродная и археологическая хронология Дьякова городища*, КСИА 194, с. 39-44.
- Обломский А. М.
2005 *Новая концепция киевской культуры верхнего Поднепровья* (в:) P. Kaczanowski, M. Parczewski (ред.), *Archeologia o początkach Słowian*, Kraków, с. 137-156.
- Приходнюк О. М.
1996 *Пеньковская культура*, Воронеж.
1999 *Фибулы Пастырского городища*, Добруджа 14-16, с. 74-97.
- Рафалович И. А.
1968 *Поселение VI-VII вв. у с. Ханска*, КСИА ИЗ, с. 94-101.
1972а *Раскопки поселения VI-VII вв. н.э. у с. Селиште* (в:) *Археологические исследования в Молдавии в 1968-1969 гг.*, Кишинев, с. 122-142.
1972б *Славяне VI-IX веков в Молдавии*, Кишинев.
- Русаков О. М., Загний Г. Ф.
1978 *Датировка археологических памятников археомагнитным методом* (в:) *Использование методов естественных наук в археологии*, Киев, с. 61-68.
- Русанова И. П.
1973 *Славянские древности VI-IX вв. между Днепром и Западным Бугом*, САИ Е1-25.
1976 *Славянские древности VI-VII вв. Культура пражского типа*, Москва.
1978 *О ранней дате памятников пражского типа* (в:) *Древняя Русь и славяне*, Москва, с. 138-143.
- Русанова И. П., Тимошук Б. А.
1984а *Гнездо славянских поселения у с. Черновка Черновицкой обл.*, КСИА 179, с. 19-25.

- 19846 Кодын - славянские поселения V-VIII вв. на р. Прут, Москва.
- Тимошук Б. А., Русанова И. П., Михайлина Л. П.
- 1981 *Итоги изучения славянских памятников Северной Буковины*, Советская археология 1981/2, Москва, с. 80-93.
- Хавлюк П. И.
- 1963** *Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга* (в:) *Славяне накануне образования Киевской Руси*, МИА 108, с. 320-350.
- 1974 *Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга* (в:) *Раннесредневековые восточнославянские древности*, Ленинградце. 181-215.
- Хараламбиева А. / Haralambieva A.
- 1993 *Bügelfibeln aus dem 7. Jh. südlich der unteren Donau* (в:) *Actes du XIIe Congrès International des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques*. 4, Bratislava, с. 25-32. [Haralambieva A.].
- 1994 *Новопостъпили фибули от I-VI в. в Добричкия музей*, Добруджа 11, с. 25-41.
- 1998 *Лъковидни фибули със стъпална плочка във формата лира тип Dranic-Gambas (тип IC по Вернер)*, Jubilaeus, Sofia, с. 118-122.
- Цигилик В. М.
- 1997 *Нові пізньочерняхівські жита на Львівщині* (в:) *Проблеми походження та історичного розвитку слов'ян*, Київ-Львів, с. 104-110.
- Шавкопляс А. М., Гавритухин И. О.
- 1993** *Комплексы пражской культуры с Оболони и некоторые проблемы изучения памятников типа Корчак*, КСИА 208, с. 52-62.
- Щеглова О. А.
- 2001 *К вопросу о месте и времени формирования традиции изготовления свинцово-оловянистых украшений в формочках „типа Камно-Рьуге“* (в:) *Миграции и оседлость от Дуная до Ладоги в первом тысячелетии христианской эры*, Санкт Петербург, с. 46-55.
- в печати *Ушедший мир свинцово-оловянистых украшений. К вопросу о месте и времени возникновения традиций* (в:) *Ладога - Альдаб-гья. Сборник научных трудов памяти А. Д. Мачинской*, Санкт Петербург.
- Этнокультурная ...
- 1985 *Этнокультурная карта территории Украинской ССР в Итыс. н.э.*, Киев.
- Bărză L.
- 1991 *Gepidische Funde von Bratei*, Dacia NS 35, București, с. 211-214.
- Bona I.
- 1968 *Über einen archäologische Beweis des langobardischen-slawischen-awarischen Zusammenlebens*, Studijné zvesti Archeologického ústavu SAV 16, Nitra, с. 35-44.
- Böhme H. W.
- 1974 *Germanische Grabfunde des 4. bis 5. Jahrhunderts zwischen unterer Elbe und Loire*, München.
- Brachman H.-J.
- 1983 *Die Funde der Gruppe des Prager Typs in der DDR und ihre Stellung im Rahmen der frühslawischen Besiedlung dieses Gebietes*, Slavia Antiqua 29, Warszawa-Poznań, с. 23-64.
- Brather S.
- 1996 *Merowinger- und karolingerzeitliches „Fremdgut“ bei den Nordwestslawen Gebrauchsgut und Elitenkultur im südwestlichen Ostseeraum*, Praehistorische Zeitschrift 71/1, Berlin, с. 46-84.
- Curta F.
- 1994 *On the dating of the „Vețel-Coșoveni“ group of curved fibulae*, Ephemeris Napocensis 4, Cluj-Napoca, с. 233-265.
- Diaconu G.
- 1978 *Elemente timpurii ale culturii romanice la Țirșgoru Vechi*, Studii și cercetări de istorie veche și arheologie 29/4, București, с. 517-527.
- Dulnicz M.
- 2001 *Kształtowanie się Słowiańszczyzny Północno-Zachodniej. Studium archeologiczne*, Warszawa.
- Dulnicz M., Moszczyński W. A.
- 1998 *Nowe dane o początkach grodu w Szeligach* (в:) *Osadnictwo pradziejowe i wczesnośredniowieczne w dorzeczu Słupianki, pod Płockiem*, Archeologia Mazowska i Podlasia. Studia i Materiały 1, Warszawa, с. 95-98.
- Fiedler U.
- 1992 *Studien zu Gräberfeldern des 6. bis 9. Jahrhunderts an der untern Donau*, Bonn.
- Fusek G.
- 1994 *Slovensko vo včasnოსlovanskom období*, Nitra.
- Godłowski K.
- 2000 *Pierwotne siedziby Słowian. Wybór pism*, M. Parczewski (ред.), Kraków.
- Gralów K.-D., Parschau J.
- 1984 *Eine Fibel der frühen Wikingerzeit aus Benzin, Kr. Gadebuch*, Ausgrabungen und Funde 29/3, Berlin, с. 126-128.
- Grebe K.
- 1976 *Zur frühslawischen Besiedlung des Havelgebietes*, Veröffentlichungen des Museums für Ur- und Frühgeschichte Potsdam 10, Berlin, с. 167-204.
- Iatrus-Krivina
- 1986 *Iatrus-Krivina. Spätantike Befestigung und frühmittelalterliche Siedlung an der unteren Donau*, Schriften zur Geschichte und Kultur der Antike 17/3, Berlin.
- Haralambieva A. см. Хараламбиева

- A. Kazakevičius V.
1993 *Plinkaigalio kapinynas*, Lietuvos archeologija 10, Vilnius.
- Kazański M., Mastykova A.
1999 *Le Caucase du Nord et la région méditerranéenne aux 5e - 6e siècles. A propos de la formation la civilisation aristocratique barbare*, Eurasia Antiqua 5, Mainz a/Rhein, c. 523-573.
- Klanica Z.
1978 *Pyředbeiná zpráva o 2. sezóně výzkumu v Mutenicich*, Přehled výzkumů AU ČSAV Bmo 1976, s. 59-61.
- 1986 *Počátky slovanského osídlení našich zemí*, Praha. Kobyliński Z.
- 1993 *Imports or local products? Trace element analysis of copper-alloy artefacts from Hački, Białystok Province, Poland*, Archeologia Polona 31, Warszawa, c. 129-140.
- Madyda-Legutko R.
1986 *Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum*, British Archaeological Research. International Series 360, Oxford.
- Matei M. D. [и др.]
1962 *Şantierul arheologic Suceava*, Materiale şi cercetări arheologice 8, c 741-759.
- Mitreă I.
1995 *Deux fibules „digitées” trouvées sur le site de Davideni, dép. de Nieamp (VIe-VIIe siècles)*, Dacia N.S. 38-39, Bucureşti, c. 445-447.
- 1996 *Comunităţi creştine din secolele V- VII în regiunea subcarpatică a Moldovei*, Pontica 28-29, Constanta, c 227-232.
- Mitreă I., Artimom Al.
1971 *Descoperiri prefeodale la Curtea Domească-Bacău*, Carpîca 4, Bacău, c 225-252.
- Muscă L. T. I.
1980 *Săpăturile arheologice de la Băleni-Români Jud. Dîmbovia*, Materiale şi cercetări arheologice 14, Bucureşti, c 423-429.
- Parczewski M.
1988 *Początki kultury wczesnosłowiańskiej w Polsce. Krytyka i datowanie źródeł archeologicznych*, Wrocław.
- 1993 *Die Anfänge der frühslawischen Kultur in Polen*, Veröffentlichungen der österreichischen Gesellschaft für Ur- und Frühgeschichte 17, Wien.
- Popovici R.
1988 *Două piese vestimentare din secolele VI-VII. Descoperite la Borniş-Neamţ*, ArhMold 12, c 249-251.
- Postică Gh.
1994 *Românii din codrii Moldovei în evul mediu timpuriu*, Chişinău.
- Poulik J.
1995 *Žuráň in der Geschichte Mitteleuropas*, Slovenská archeologia 43/1, Nitra, c. 27-105.
- Riemer E., von
1995 *Byzantinische Gürtelschnallen aus der Sammlung Diergardt im Römisch-Germanischen Museum Köln*, Kölner Jahrbuch 28, Berlin, c 777-809.
- Schulze M.
1977 *Die spätkaiserzeitlichen Armbrustfibeln mit festem Nadelhalter*, Bonn.
- Schulze-Dörrlamm M.
1986 *Romanisch oder germanisch? Untersuchungen zu den Armbrust- und Bügelknopffibeln des 5. und 6. Jahrhundert n. Chr. Aus den Gebieten westlich des Rhein und südlich der Donau*, Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums 33/2, Mainz a/Rhein, c 593-720.
- Székely Z.
1970 *Die frühesten slawischen Siedlungen in Siebenbürgen*, Slavia Antiqua 17, Warszawa-Poznań, c 125-136.
- Szymański W.
1967 *Szeligi pod Płockiem na początku wczesnego średniowiecza. Zespół osadniczy z VI-VII w.*, Wrocław.
- Teodorescu V [и др.]
1993 *Staţiunea arheologică Budureasca, jud. Prahova (complexele daco-romane i străromâneşti)*, Materiale şi cercetări arheologice, Bucureşti, c 365-387.
- Teodor D. G.
1971 *Descoperiri din secolele VI-VII e.n. la Iaşi. Crucea lui Ferent*, Cercetări istorice 2, Iaşi, c 119-128.
- 1984a *Civilizaţia romanica la est de Carpaţi în secolele V-VII e.n. (Aşezarea de Botoşana-Suceava)*, Bucureşti.
- 1984b *Continuitatea populaţiei autohtone la est de Carpaţi. Aşezările din secolele VI-XI e.n. de la Dodeşti-Vaslui*, Iaşi.
- 1988 *Consideraţii privind fibulele romano-bizantine din secolele V-VII e.n. în spaţiul Carpato-Dunăreano-Pontic*, ArhMold 12, c 197-233.
- 1991 *Piese vestimentare bizantine din secolele VI-VII în spaţiul Carpato-Dunăreano-Pontic*, ArhMold 14, c 117-138.
- 1992 *Fibule „digitate” din secolele VI-VII în spaţiul carpato-dunăreano-pontic*, ArhMold 15, c 119-152.
- Szymański W.
1970 *Sprawozdanie z badań sondażowych grodziska w Haćkach, pow. bielski, przeprowadzonych w 1967 r.*, Rocznik Białostocki 11, Warszawa, c 388-392.
- 1983 *Beiträge zum Problem der Entstehung von Bur-*

- gen bei Slawen, *Archaeologia Polona* 21-22, Wrocław, c. 89-104.
- 1987 *Próba weryfikacji datowania zespołu osadniczego ze starszych faz wczesnego średniowiecza w Szeligach, woj. płockie*, *Archeologia Polski* 32/2, Wrocław, s. 349-376.
- Unverzagt W.
- 1960 *Zur Ambrustsprossenfibel von Prützke, Kr. Brandenburg-Land*, *Ausgrabungen und Funde* 5/3, Berlin, c. 145-147.
- Vagalinski L. F.
- 1994 *Zur Frage der ethnischen Herkunft der späten Strahlenfibeln (Finger- oder Bügelfibeln) aus Donau-Karpaten-Becken (M. 6.-7. Jh.)*, *Zeitschrift für Archäologie* 28, Berlin, c. 261-305.
- Vida T.
- 1999 *Die awarenzeitliche Keramik. I. (6.-7. Jh.)*, *Varia Archaeologica Hungarica* 8, Berlin-Budapest.
- Vinski Z.
- 1974 *Kasnoantički staroednoci u salonitanskoj regiji prema archeološkoj ostavštini predslavenskog supstrata*, *Vjestnik za arheologiju i historiju dalmatinsku* 69, Split, c. 5-86.
- Zeman J.
- 1976 *Nejstarší slovanské osídlení Čech*, *Památky Archeologické* 67, Praha, c. 115-235.
- Zirra V., Cazimir G.
- 1962 *Unele rezultate ale săpăturilor de pe „Cîmpul Boja” - Militari*, *Cercetări arheologice în București, București*, c. 49-76.

Die Fundkomplexe der Prager Kultur mit sicher datierenden Fundstücken (Zusammenfassung)

Für die absolute Datierung des mit der Prager Kultur und mit den mit ihr verwandten Kultur-Verbänden zusammenhängenden Fundmaterials bieten sich mehrere Methoden an. Die Möglichkeit einer sicheren Datierung der Fundstücke dieser Kultur nach der C¹⁴-Methode wird durch die unzureichende Menge des für diese Analyse geeigneten Fundstoffes beschränkt. Die archäomagnetische Methode ist nur in Verbindung mit der nach den archäologischen Methoden bestimmten Chronologie erfolgreich. Die Anwendung der Dendrochronologie bleibt auf die Fundstellen von der Endphase der betreffenden Kultur, allerdings nur in deren nordwestlichem Verbreitungsbereich beschränkt. Was die Keramik der Prager Kultur betrifft, so liegt diese im Vergleich mit den Fundstoffen der anderen Kulturen nur ziemlich spärlich vor, und ihre Analyse macht eine Erhöhung des Niveaus von Quellenpublikationen erforderlich. Besondere Beachtung gilt nicht zuletzt auch der Frage der Synchronisierung des Fundmaterials der Prager Kultur mit der für die anderen Gebiete erarbeiteten Chronologie. Die größte Bedeutung bei der absoluten Datierung der Fundverbände der Prager Kultur scheint derzeit den Funden von Münzen, Schmuck und anderen anhand der Parallelstücke sicher datierbaren Gegenständen zuzukommen.

In der vorliegenden Bearbeitung sind die Angaben über insgesamt 38 Fundkomplexe mit mehr oder weniger sicher datierbaren Funden von rund 30 Fundstellen dargestellt worden (s. Katalog). Dieses Verzeichnis kann um weitere Objekte ergänzt werden, deren Dokumentation jetzt keine Aussonderung von glaubwürdigen Fundkomplexen erlaubt oder die nicht zugänglich sind (s. Anhang zum Katalog). Das im Zusammenhang der anderen Kulturen des mittleren Donaugebietes oder des Balkans ent-

deckte Fundmaterial der Prager Kultur macht die Durchführung getrennter Studien erforderlich und ist nicht der Gegenstand der vorliegenden Ausführungen.

Für die zeitliche Einordnung der vorhandenen Fundstoffe der Prager Kultur oder deren Bestandteile sind die folgenden Fundstücke von Bedeutung: zweigliedrige Armbrustfibeln mit umgeschlagenem Fuß von Ostrov und Běrašovka (Abb. 1:4; 2:13), die von A. K. Ambrož als Variante 3, Serie 1 der Gruppen 16-2 ausgesondert worden und vom 2. Viertel des 4. bis Anfang des 5. Jh. zu datieren sind. In diesen Horizont gehören möglicherweise auch die Elemente der Gürtelgarnitur von Ostrov (Abb. 1:13, 14), die den Schnallen und Beschlägen der provinziäl-römischen Militärgürtel, datiert um 350-450m, nahe kommen. Es ist nicht auszuschließen, dass das Schnallenfragment von Ostrov zu dem sog. Typ von Krempenschnallen gehört, doch gibt es dabei gewöhnlich andere Proportionen; es sei auch angedeutet, dass auf der Siedlung von Ostrov kein frühkaiserzeitliches Fundmaterial zum Vorschein kam.

Die Fibel von Bakota (Abb. 2:7) ist mehr den von der zweiten Hälfte des 4. bis zum 5. Jh. datierten Typen angenähert. Der Fertigungsstil der Fibel von Berezec (Abb. 2:6) lässt eine Datierung um die Mitte des 5. Jh. zu. Ähnlichen Zeitansatz dürfte, nach der Art der Zusammenstellung der Details zu urteilen, die Fibel von Teremcy aufweisen (Abb. 2:12). Die Fibel von Kodyn (Abb. 3:5; 4:5) ist dagegen in die Mitte - die zweite Hälfte des 5. Jh. zu datieren. Das Wohnobjekt 3 von Kodyn (Abb. 5:1-6) ist von der zweiten Hälfte des 5. bis zur ersten Hälfte des 6. Jh. anzusetzen. Die Fibel von Luka Kavetčinskaja (Abb. 6:9) hängt mit dem Milieu der balkanischen Provinzen der Byzanz zusammen und zeugt von den ersten Kontakten der Slawen im Dnestr-

gebiet mit dem Byzantinischen Reich in den letzten Jahrzehnten des 5. und den ersten Jahrzehnten (der ersten Hälfte?) des 6. Jh.

Die Eisenfibeln aus dem Wohnobjekt 14 von Botoșana (Abb. 6:10) wie die Schnalle von Chorsk (Abb. 7:1) lassen auf Grund der Parallelen eine Datierung in das 5.-6. Jh. zu. Der Kamm von Kozly (Abb. 12:4) gehört möglicherweise in das 6. Jh.

Die Schnalle von Băleni-Români (Abb. 8:6) scheint mehr dem Sučidava-Typ angenähert zu sein, wodurch eine Datierung ein Zeitansatz um die Mitte bis zu der zweiten Hälfte des 6. Jh. als nahe liegend erscheint. Diagnostisch für die Datierung der Gußformen von Bornašovka sind die Bestandteile von Gürtelgarnituren (Abb. 9:1-4, 8, 9), deren enge Parallelen uns unter den Fundkomplexen des 6. Jh. im Kaukasus-Gebiet sowie mit einer Fibel vorliegen (Abb. 9:7), die anhand der Parallelstücke in die letzten Jahrzehnte des 6. bis in das dritte Viertel des 7. Jh. datiert wird. Somit ergibt sich für den gesamten Verband von Gußformen aus Bornašovka eine Datierung ungefähr an die Wende des 6. und 7. Jh.

Die dreiblättrige Pfeilspitze sowie eine Panzerplatte von Chotomel' (Abb. 10:1, 2) gehören zu den Gegenständen, deren Aufkommen an den europäischen Fundstellen in der Völkerwanderungszeit mit den Awaren in Verbindung zu bringen ist. Deshalb kann das Jahr 558 (das Aufkommen der Awaren in Europa) als ein *terminus post quem* für den Abbrand dieser Siedlung angesehen werden. In den Wohnobjekten 13 und 20 der Siedlung von Botoșana (Abb. 11; 12:1-3; 13) kamen byzantinische Bronzemünzen zum Vorschein, die 538 in Konstantinopel geprägt wurden.

Die Riemenkappe einer Schnalle von Dodești-Vaslui (Abb. 14:1) findet ihre Analogien unter den byzantinischen Schnallen von der Mitte des 6. bis zu den ersten Jahrzehnten des 7. Jh. Die Schnalle von Mutěnice (Abb. 19:7), die in der byzantinischen Tradition gefertigt ist, findet dagegen Parallelen unter den von der Mitte des 6. bis zu den ersten Jahrzehnten des 7. Jh., und vielleicht auch etwas später gebräuchlichen Typen. Der Schnallendorn von Selіšte (Abb. 15:1) erinnert an die Typen, die von der zweiten Hälfte des 6. bis zu dem dritten Viertel des 7. Jh. datiert sind, doch findet er die engsten Parallelen unter den auf den Siedlungen Abchasiens geborgenen byzantinischen Schnallendornen, die in die letzten Jahrzehnte des 6. - Anfang des 7. Jh. zu datieren sind.

Als die wahrscheinlichste Datierung der Schnalle von Budureasca (Abb. 17:1, la) bietet sich das 7. Jh. an. Auf dem Gräberfeld von Balta Verde fand sich ein Fragment einer Schnalle vom Typ Siracusa (Abb. 16:8), der in dem 1.-3. Viertel des 7. Jh. anzusetzen ist. Der Hortfund von Nowa Huta (Abb. 18:1-7) dürfte dagegen um die Mitte oder in das 2.-3. Viertel (?) des 7. Jh. zu datieren sein. Die Anhänger von Mutěnice, die analog denen von Nowa Huta sind, lassen sich im Donaugebiet für die letzten Jahrzehnte des 6. bis Ende des 7. Jh. nachweisen. Durch ihre engsten Parallelstücke wird die Schnalle von Botoșana (Abb. 20:1) in das 2.-3. Viertel des 7. Jh. datiert.

Die Bügelfibeln von Raškov, Dem'janov, Velikaja Sloboda, Suceava-Șipot, Černovka, Chanska (Abb. 19:5; 21:1, 11; 22:1; 23:8) vertreten die unterschiedlichen Varianten der Dnestr-Donau-Subgruppe der postostgermanischen Bügelfibeln, die von den letzten Jahrzehnten des 6. noch bis in zum 3. Viertel des 7. Jh. zeitlich einzuordnen sind. Praktisch alle Bestandteile einer atypischen Fibel von Iași-Crucea lui Ferent (Abb. 21:5) finden Parallelen unter dem Fundstoff der erwähnten Subgruppe.

Die Armringe mit massiven, verbreiterten, vielkantigen Enden (Abb. 24:1,3) gehören einem breiten Zeithorizont an. Eine Einengung ihrer Datierung wird erst nach einer Aussonderung der lokalen Serien dieser Erzeugnisse möglich sein.

Auf Grund einer Typologie von Ohrringen aus dem südlichen Osteuropa fügt sich der Ohrring von Semenki (Abb. 25:1) in die von der 2. Hälfte bis zu der ersten Hälfte des 7. Jh. datierbaren Typen ein.

Die zeitliche Einordnung der Fibel von Benzin (Abb. 26:3) in die Zeit von 650-750 findet bei den Fachleuten eine allgemeine Anerkennung. Keinen Zweifel ruft auch die Datierung der Fibel von Prützke (Abb. 26:1) um das Jahr 700 oder in die Zeit vom Ende des 7. bis zur Mitte des 8. Jh. hervor.

Das gehäufte Vorhandensein der datierenden Funde im südlichen Teil des Verbreitungsbereichs der Prager Kultur wird damit erklärt, dass gerade dort die intensivsten Kontakte mit den hoch entwickelten Kulturen stattfanden, von denen zahlreiche Erzeugnisse kamen, die bei der Ermittlung der sog. „kurzen“ Chronologie brauchbar sind. Außerdem wurden in diesem Raum die umfassendsten Ausgrabungen an den Fundstellen der Prager Kultur durchgeführt. Deshalb bietet nur das Territorium östlich und südöstlich der Karpaten die Möglichkeit, die Expansion der Slawen gestützt auf die Fundkomplexe mit datierenden Funden zu verfolgen. Die Slawen erscheinen auf dem linken Dnestr-Ufer nicht später als an der Wende des 4./5. Jh. (Abb. 2:14-15). In der Hunnenzeit kann von der slawischen Anwesenheit sowohl im links- als auch rechtsseitigen mittleren Dnestrgebiet gesprochen werden (Abb. 2:7-13). Im oberen Pruthgebiet treten die Funde der Prager Kultur um die Mitte oder in der zweiten Hälfte des 5. Jh. in Erscheinung (Abb. 3-5). Außer Zweifel steht die Anwesenheit der Slawen um die Mitte bzw. in der zweiten Hälfte des 6. Jh. auch südlich der Karpaten (Abb. 8).

In den Anfangsetappen der Prager Kultur waren die lokalen Unterschiede nicht wesentlich. Deshalb sind auch die Funde von Ostrov und Bornašovka (Abb. 1, 2:13,28,29) als ziemlich glaubwürdige Muster der Prager Kultur am Ausgang der römischen Kaiserzeit und zu Beginn der Völkerwanderungszeit (sog. „Phase 0“) anzusehen. Die Fundkomplexe mit datierenden Funden der Phase I der Prager Kultur (Mitte 5. - Mitte 6. Jh.) lassen ungeachtet mancher lokalen Unterschiede eine Bestimmung der Zone der ersten slawischen Migrationen zu.

Bei der Berücksichtigung der datierenden Fundkomplexe gilt es zu beachten, dass der traditionelle Bestand von Keramikformen im Laufe der Slawen-Ausbreitung, abgesehen von der Weiterentwicklung der Gefäßformen, durch die Keramikherstellung der Substrat-Besiedlung beeinflusst wurde und auch die Gefäßformen von den Nachbarn übernahm. An den Fundstellen östlich der Karpaten lassen sich Formen nachweisen, die unter dem Einfluss der lokalen Besiedlung stehen (z.B. Abb. 3:1; 11:7, 6 - falls die Rekonstruktion dieses Gefäßes bei D. G. Teodor glaubhaft ist; Abb. 13:7). Gleichzeitig ist für das Dnestr- und das obere Pruthgebiet deutlich ein Ausklingen der lokalen „Substrat-Komponente“ zu beobachten, und die Fundverbände des 6.-7. Jh. in diesen Gebieten entsprechen durchaus allen Merkmalen der Prager Kultur (Abb. 21:1-3, 12; 22; 23; 24:2; 30; 31).

In den Gebieten südlich davon ist das Bild nicht mehr so eindeutig. In der Walachei (Oltenien und Muntenien) kommen Fundkomplexe vor, denen alle für die Prager Kultur typischen Züge zuzusprechen sind (z.B. Abb. 8) und die außer der handgemachten Prager Ware auch scheibengedrehte Formen enthalten, die bereits zu einer anderen Kulturtradition gehören (z.B. Abb. 16:1-4; 17). Jedoch trägt ein beträchtlicher Teil der handgemachten Ware in den meisten Objekten der Ipotești-Cîndești-Ciurel-Gruppe einen eigenartigen Charakter. Eine mehr oder weniger glaubwürdige Herausstellung in diesen Objekten der Prager-, substratgebundenen (zugeflossenen) und „lokalen“ Bestandteile sowie der anderen Elementen, einschließlich der Nachahmungen der Drehscheibenware, bedarf gesonderter Nachforschungen. In dem Fundkomplex von Dodeșt (Abb. 14) macht sich ein deutlicher Einfluss der Keramiktradition der Nomaden bemerkbar.

Am Beispiel des Fundkomplexes von Seliște ist ein Nebeneinander der Prager (Abb. 15:2, 3, 7) und der

Penkovka-Tradition (Abb. 15:5, 12) zu verfolgen. Ein späterer Fundkomplex (Abb. 25,32-34) aus dem Grenzgebiet der Verbreitungsbereiche dieser Kulturen weist ein Inventar auf, in dem die meisten Keramikfunde den Gefäßen aus vielen Fundstellen der Endphase der Prager Kultur im Waldsteppen-Gebiet der Ukraine und der Moldau ähnlich sind. Dieses zeugt von einer Synthese unterschiedlicher Kulturtraditionen bei zunehmendem Anteil der Prager-Komponente.

Die Fundkomplexe von der Endetappe der Entwicklung der Prager Kultur im nordwestlichen Teil deren Verbreitungsbereichs (Abb. 26) liefern erneut einen Hinweis dafür, dass die allgemeine Evolutionsrichtung bei Keramik auf diesem Territorium die Anklänge an das Material aus den anderen Regionen erkennen lässt (Abb. 20-25, 31-34), wobei das Tempo und manche eigenartigen Züge, die im Umwandlungsprozess der Keramikherstellung nachzuweisen sind, in den verschiedenen slawischen Gruppen nicht gleich waren.

Zusammenfassend lässt sich feststellen, dass die Chronologie der Prager Fundkomplexe, in denen sicher datierende Fundstücke belegt worden sind, nicht eine Grundlage für eine willkürliche Übertragung der Zeitansätze auf die analogen Fundstoffe aus den anderen Regionen sein kann. Bevor wir also anfangen, diese Zeitansätze in breiterem Umfang zu verwerten, erscheint es als notwendig, die lokalen Maßstäbe der relativen Chronologie zu erstellen (für die Prager Kultur ist dies nur durch eine Analyse von Umwandlungen bei Gefäßbrandtypen innerhalb der Fundverbände möglich). Die Fundkomplexe mit datierenden Fundstücken wie auch die anderen Anhaltspunkte für die absolute Zeitstellung sind wichtig, um diese Maßstäbe zu überprüfen, zu synchronisieren und Entwicklungsstadien der Prager Kultur auszusondern, in denen die ersten Etappen der Ausbreitung der Slawen ihren Widerspiegelung finden (die Sklawenen bei den griechisch- und lateinischsprachigen Autoren).

Adres autora:
Др. Игорь Олегович Гавритухин
Институт Археологии РАН
ул. Дм. Ульянова 19
RUS 117036 Москва